



#1 NEW YORK TIMES BESTSELLER

# РОБЕРТ ДЖОРДАН



## ДРАКОН ВОЗРОЖДЕННЫЙ

КОЛЕСО ВРЕМЕНИ

— Книга 3 —

Колесо Времени

Роберт Джордан

**Дракон Возрожденный**

«Азбука-Аттикус»

1991

УДК 821.111(73)  
ББК 84(7Coe)-445

**Джордан Р.**

Дракон Возрожденный / Р. Джордан — «Азбука-Аттикус»,  
1991 — (Колесо Времени)

ISBN 978-5-389-18637-8

Великая битва с ордами, явившимися из-за Аритского океана, увенчалась победой Ранда, добывшего Рог Валир и призвавшего с его помощью оживших героев прошлого. Враг бежал. А люди узрели в развергшихся небесах битву между Ба'алзамоном – Темным, или Отцом Лжи, как его прозвали в народе, – и Рандом, победившим в этой небесной схватке. Чудо потрясло всех. Ранда провозгласили Драконом. Это невиданное событие заставляет вступить в игру новую опасную силу – главу Детей Света, лорда капитан-командора Пейдрона Найола, который правдами и неправдами стремится узурпировать власть. Но не он один строит козни против победителя Ба'алзамона. Слуги и приспешники Отца Лжи и другие отродья Тени тоже не могут себе позволить, чтобы Дракон Возрожденный явился в мир. В настоящем издании текст романа «Дракон Возрожденный» частично переведен заново и, как и в других романах, составивших знаменитую эпопею «Колесо Времени», заново отредактирован и исправлен.

УДК 821.111(73)  
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-18637-8

© Джордан Р., 1991  
© Азбука-Аттикус, 1991

## Содержание

Пролог. Цитадель Света	7
Глава 1. Ожидание	20
Глава 2. Саидин	28
Глава 3. Вести с равнины	37
Глава 4. Тени и сны	44
Глава 5. Кошмары наяву	50
Глава 6. Охота начинается	59
Глава 7. Покидая горы	69
Глава 8. Джарра	73
Глава 9. Волчьи сны	83
Глава 10. Тайны	89
Глава 11. Тар Валон	101
Глава 12. Престол Амерлин	109
Глава 13. Наказания	113
Глава 14. Уколы шипов	122
Конец ознакомительного фрагмента.	123



# Роберт Джордан

## Колесо Времени. Книга

### 3. Дракон Возрожденный

Robert Jordan  
The Dragon Reborn

Copyright © 1991 by The Bandersnatch Group, Inc

Maps by Ellisa Mitchell

Interior illustrations by Matthew C. Nielsen and Ellisa Mitchell

© Т. А. Велимеев, перевод, 1997, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

\* \* \*

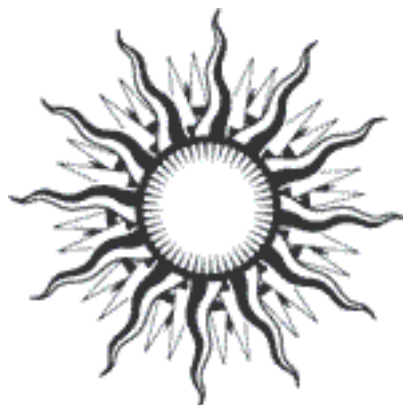
*Посвящается Джеймсу Оливеру Ригни-старшему (1920–1988).  
Он учил меня всегда гнаться за мечтой, а достигнув ее, воплощать  
в жизнь*

*И будет пред ним множество путей, и никому не будет ведомо его  
имя, ибо рожден будет он среди нас многожды, во многих обличьях, как  
был он рожден прежде и как всегда будет, и так бесконечно. Пришествие  
его подобно будет лемеху плуга, взрезающего пашню, переворачивающего  
жизни наши, срывая нас с мест, где обретались мы в безмолвии.  
Разрушающий узы; кующий цепи. Созидающий будущее; переменяющий  
предначертанное судьбой.*

*Из «Комментариев к пророчествам о Драконе» Джурит Дорине,  
правой руки королевы Алморен, в год 742 Р. М., Третьей эпохи*



## Пролог. Цитадель Света



Темные глаза Пейдрона Найола туманили тягостные раздумья, и его усталый взгляд скользил по залу для аудиенций, будто ничего не узнавая вокруг. По стенам, как простые потрепанные драпировки, свисали знамена, под которыми когда-то, во времена юности Найола, сражались его враги. Выцветшие боевые стяги терялись на фоне потемневших деревянных панелей, которыми были обшиты каменные стены, крепкие и массивные даже здесь, в самом сердце Цитадели Света. Единственное во всей комнате кресло – весомо сработанное, с высокой спинкой, мало отличное с виду от трона – тоже не существовало для невидящего взора Найола, как и несколько расставленных там и тут столов, что завершали скромную меблировку зала. Сейчас Найол будто бы и не замечал человека в белом плаще – тот, опустившись перед ним на колени и напряженно ожидая приказа, замер в центре громадного знака сияющего солнца, выложенного на широких плахах половиц. Хотя мало кто мог бы позволить себе подобную непочтительность по отношению к этому воину.

Прежде чем провести Джарета Байара в зал, предназначенный для личных аудиенций лорда капитан-командора Детей Света, ему дали время умыться и вернуть себе достойный вид, но и шлем, и кираса оставались тусклыми после долгого пути и сохраняли вмятины, полученные в боях. Темные, глубоко посаженные глаза Байара полыхали неудержимым, почти лихорадочным нетерпением, и от этого внутреннего жара с его лица, казалось, испарился всякий излишек плоти. Сейчас Джарет Байар не был опоясан мечом – никому не позволялось находиться при оружии в присутствии Найола, – однако чудилось, будто он в любой миг готов броситься в битву, точно гончая, только и ждущая, когда ее спустят с поводка.

В больших каминах, встроенных в стены друг против друга в концах зала, жарко пылало пламя, отгоняя стылый холод поздней зимы. В сущности, помещение представляло собой простой и скромный приют солдата, где все, что есть, сделано на совесть и без вычурностей, за исключением единственной экстравагантной детали – эмблемы сияющего, окруженного множеством лучей солнца. Убранство зала аудиенций лорда капитан-командора Детей Света менялось соответственно желаниям и вкусам того, кто удостоивался сего высшего звания; полыхающее же солнце из чеканного золота не раз бывало истерто поколениями просителей, заменено на новое и опять истерто. Золота здесь было довольно, чтобы приобрести любое имение в Амадиции, а заодно с ним обзавестись и грамотой, свидетельствующей о знатности покупателя. Но вот уже десятилетие подряд ступал по золоту Найол, и вряд ли мысли о драгоценном металле под ногами приходили ему в голову чаще, чем мысли о сияющем солнце, вышитом золотым шитьем на груди его белого облачения. Золото мало интересовало Пейдрона Найола.

В конце концов его блуждающий взгляд вновь обратился на бумаги, разбросанные на ближайшем столе: пестрели карты, в беспорядке валялись послания и донесения. Поверх вороха бумаг лежали три небрежно свернутых в трубочку рисунка. С явным нежеланием лорд капи-

тан-командор взял один из них. Найолу было безразлично, который из трех рисунков оказался у него в руке, – все равно, пусть и разными рисовальщиками, на них изображена одна и та же сцена.

Тонкая, как выскобленный пергамент, кожа Найола за прожитые им долгие годы словно бы все ту же обтягивала его тело, составленное, казалось, из одних костей да жил, однако ничто в нем не говорило о слабости. Столь высокого положения, которое занимал ныне Найол, еще никто не добивался, прежде чем седина забелит волосы, но всех его предшественников, как и его самого, отличала твердость камня, из которого сложен был Купол Истины. И все же, вдруг осознав, как на его собственной руке, держащей рисунок, отчетливо, какими-то жгутами выступают сухожилия, он понял, что надо спешить. Времени оставалось в обрез. Времени, отпущенного именно *ему*, Найолу, оставалось в обрез. Однако этого времени должно хватить. Он должен сделать так, чтобы времени хватило.

Найол заставил себя наполовину развернуть свиток плотного пергамента, ровно настолько, чтобы свет упал на изображенное художником лицо человека, который весьма интересовал его. Рисункам пришлось проделать долгий путь в седельных сумках, отчего нанесенные цветными мелками линии оказались немного смазаны, однако черты лица оставались отчетливыми и узнаваемыми. Сероглазый юноша, с рыжинкой в волосах. Похоже было, что юноша высок, однако утверждать об этом с уверенностью Найол не стал бы. Если оставить в стороне оттенок волос молодого человека и цвет его глаз, то такой паренек мог бы жить в любом городе, не привлекая к себе особого внимания окружающих и вряд ли вызывая у них какие-то подозрения.

– И этот... этот *мальчишка* провозгласил себя Драконом Возрожденным? – пробормотал Найол.

Дракон... Это имя заставило Найола ощутить озноб зимы и старости. Прозвание Дракон носил Льюс Тэрин Теламон, так он именовался в те времена, когда обрек на гибель всех мужчин, способных направлять Единую Силу; всех их, живших тогда и рождавшихся впоследствии, обрек он на безумие и смерть – и себя в том числе. Более трех тысяч лет минуло с тех пор, как гордыня Айз Седай и Война Тени положили конец Эпохе легенд. Три тысячи лет прошло, и пусть многое истерлось из памяти людской, но пророчества и легенды помогли не забыть главного. Льюс Тэрин Убийца Родичей. Человек, который начал Разлом Мира – когда безумцы, могущие черпать из той силы, что приводит в движение Вселенную, уничтожали горные хребты, а древние земли тонули под толщей насланных на них морских вод. В те дни лик самой земли искажился, а те, кто сумел выжить, метались, будто лесные звери, убегающие от пожара. Конец всему наступил лишь тогда, когда пал мертвым последний из мужчин Айз Седай. Лишь тогда человеческая раса, истерзанная, рассеянная по миру, смогла начать заново выстраивать свою жизнь из оставшихся обломков – там, где уцелели хотя бы руины. Имя Дракона ожогом горело в памяти человечества, в страшных рассказах матерей передавалось оно детям. И пророчество гласит, что Дракон будет рожден вновь.

Произнесенные вслух слова Найол вовсе не полагал вопросом, но именно так их воспринял Байар, не замедлив с ответом:

– Да, милорд капитан-командор, именно так. Это безумие гораздо страшнее, чем в случае любого из Лжедраконов, о которых мне доводилось слышать. Уже тысячи провозглашают его имя. Гражданская война раздирает Тарабон и Арад Доман, притом что те еще и друг с другом воюют. По всей равнине Алмот, от края до края, происходят сражения, войной охвачен и весь мыс Томан. Тарабонцы против доманийцев, а те – против приспешников Темного, вызывающих к Дракону, – или же так обстояли дела до самой зимы, которая охладила пыл большинства воюющих. Милорд капитан-командор, я не видел ни разу, чтобы война разгоралась столь стремительно. Все равно что бросить зажженный факел в амбар, набитый сеном. Снег, может, и притушит огонь, но с приходом весны пламя взметнется заново – выше и ярче, чем прежде.



Воздев палец, Найол прервал его. Уже дважды он позволил Байару изложить свой рассказ до конца, и голос того пылал ненавистью и гневом. О чем-то из случившегося Найолу успели сообщить иные вестники, о каких-то подробностях лорд капитан-командор был осведомлен больше Байара, но каждый раз, как приходилось выслушивать рассказ об этих событиях, его охватывала волна ярости и гнева.

– Джефрам Борнхальд и тысяча Детей Света погибли. И виной тому Айз Седай. В этом у тебя нет сомнений, чадо Байар?

– Ни малейших, милорд капитан-командор. После стычки, произошедшей на пути в Фалме, я заметил двух тарвалонских ведьм. Они дорого нам обошлись – более пятидесяти воинов из отряда погибло, прежде чем мы начинили их стрелами.

– А ты *уверен* – точно ли это были Айз Седай?

– Земля взрывалась у нас под ногами, как будто извергался вулкан. – Голос Байара звучал твердо, в нем звенела уверенность. Избытком воображения он не страдал, этот самый Джарет Байар; для него смерть, когда бы она ни явилась, была просто частью жизни солдата. – В наши ряды били молнии, а в небе – ни тучки. Кто бы еще это мог быть, как не они, милорд капитан-командор?

Найол с мрачным видом кивнул. Со времен Разлома Мира не существовало мужчин Айз Седай, но и от женщин, по-прежнему заявлявших о праве так именоваться, ничего хорошего ждать не приходилось. Они не уставали разглагольствовать о своих Трех Клятвах: не говорить ни слова неправды, не создавать оружия, предназначенного для убийства одним человеком другого, а Единую Силу применять как оружие только против приспешников Темного или порождений Тени. Теперь же они делом доказали, что клятвы их столь же лживы, сколь двудушны они сами. Найол всегда знал: никто не станет стремиться к такому могуществу, которым те обладали, чтобы бросить вызов самому Создателю, а сие значит – чтобы служить Темному.

– И тебе ничего не ведомо о тех, кто захватил Фалме и убил половину солдат одного из моих легионов?

– Лорд-капитан Борнхальд сказал, что они называют себя шончан, милорд капитан-командор, – сдержанно отвечал Байар. – Он говорил, что эти шончан – приспешники Темного. Своей атакой лорд-капитан разбил их, пусть даже они и убили его в бою. – Голос Байара вновь обрел страстность. – Город покинуло множество беженцев. И каждый, с кем я говорил, соглашался с тем, что чужаки были разбиты и бежали. И все это – благодаря лорду-капитану Борнхальду.

Найол едва заметно вздохнул. Почти теми же самыми словами Байар до того уже дважды рассказывал об армии, явившейся словно бы ниоткуда и занявшей Фалме, и сейчас повторял их в третий раз. «Байар – хороший солдат, как и говорил всегда Джефрам Борнхальд, – подумал Найол, – да только вот мыслить самостоятельно он не способен».

– Милорд капитан-командор! – внезапно заговорил Байар, обратившись к Найолу. – Лорд-капитан Борнхальд *лично* приказал мне держаться в стороне от битвы. Мне было велено наблюдать за сражением и затем обо всем доложить вам. И еще рассказать сыну его, лорду Дэйну, о том, как погиб в бою лорд-капитан Борнхальд.

– Да-да, разумеется, – нетерпеливо перебил Байара Найол. Какое-то время он изучал взглядом осунувшееся лицо Байара, затем промолвил: – В честности твоей и доблести никто не сомневается, Байар. Именно так и должен был действовать Джефрам Борнхальд, готовясь вступить в битву, в которой могли погибнуть и он, и все командиры его отряда. – «И вовсе не так должно было действовать, а вот для этого у тебя просто не достанет воображения».

Что ж, у Байара больше ничего не выведать.

– Ты хорошо послужил, чадо Байар! Даю тебе дозволение известить о гибели Джефрама Борнхальда его сына. Дэйн Борнхальд сейчас вместе с Эмоном Валдой – судя по последнему докладу, они находятся возле Тар Валона. Разрешаю тебе присоединиться к ним.

– Благодарю вас, милорд капитан-командор. Спасибо. – Поднявшись с колен, Байар ответил Найолу низкий поклон. Он выпрямился, однако замешкался – его как будто мучили сомнения. – Милорд капитан-командор, мы были *преданы*. – Ненависть острозубой пилой прорезалась в его голосе.

– Тем самым приспешником Темного, о котором ты уже говорил, чадо Байар? – Найол не сумел сдержать резкости в своем голосе. Рухнули многолетние планы, погребенные под телами тысячи погибших Детей Света, а у Байара в мыслях только одно, и ничего другого, – все твердит единственное имя. – Это тот юный ученик кузнеца, которого ты всего пару раз и видел-то? Этот Перрин из Двуречья?

– Так точно, милорд капитан-командор! Не знаю, как и что он сделал, но всему виной именно он. Я знаю это наверняка.

– Я разберусь с этим, чадо Байар, и решу, как с ним можно будет поступить. – Байар явно намеревался вновь что-то сказать, но Найол опередил его, предостерегающе подняв худую руку. – Теперь я позволяю тебе удалиться. – И сухопарому мужчине с исхудалым лицом не оставалось ничего иного, кроме как вновь поклониться и покинуть зал аудиенций.

Когда дверь за Байаром закрылась, Найол позволил себе опуститься в кресло с высокой спинкой. Чем же навлек на себя ненависть Байара этот Перрин? В мире много, слишком уж много приспешников Темного, чтобы тратить силы на ненависть к кому-либо одному из них, кому-то конкретному. Да, много, очень много их, приспешников Темного, как угнездившихся на вершинах власти, так и затаившихся в самых низах; они скрывают свою суть за хорошо подвешенными языками и за широкими улыбками, а сами служат Темному. И все же не повредит добавить в списки еще одно имя.

Найол поерзал на жестком кресле, стараясь поудобнее устроить свои старые кости. Не в первый раз его посетила мимолетная мысль о том, что подушка на сиденье, пожалуй, могла бы оказаться не столь уж великой роскошью. И не в первый раз он отбросил от себя эту мысль. Мир неудержимо катился в хаос, и у Найола не было времени на то, чтобы попустительствовать собственной старости.

Он позволил своему сознанию жонглировать и кружить перед его мысленным взором всеми теми знаками, что предрекали катастрофу. Война крепко вцепилась в Тарабон и Арад Доман, гражданская междоусобица раздирает Кайриэн, лихорадка бойни начинает охватывать Тир с Иллианом, что исстари были и остаются посейчас врагами друг другу. Быть может, эти разгорающиеся войны сами по себе ничего и не предвещают – люди всегда воюют, – но обычно войны происходили по одной заразе. И теперь еще и Лжедракон появился где-то на равнине Алмот! А помимо него, еще один Лжедракон рвал на части Салдэйю, а третий стал сущим бедствием для Тира. Сразу три Лжедракона. «Они все должны быть Лжедраконами! *Должны* ими быть!»

А еще ведь были десятки прочих знаков, рядом с этими предзнаменованиями казавшихся пустячными, хоть иные и выглядели чистой выдумкой и беспочвенными слухами, однако взятые вместе... Докладывали об айильцах, замеченных далеко на западе, в Муранди и в Кандоре. Пускай их видели то там, то тут лишь по двое, по трое, но какая разница, один айилец или тысяча, ведь за все годы, минувшие после Разлома Мира, Айил выступили из своей Пустыни лишь однажды. Только раз, в Айильскую войну, оставили они свою бесплодную глухомань. А еще поговаривали, что Ата'ан Миэйр, Морской народ, как будто позабыв о торговле ради поисков знамений и предвестий – каких именно, они не раскрывали никому, – выходят в море, заполнив трюмы своих кораблей всего лишь наполовину, а то и вовсе без груза. Впервые за неполные четыре сотни лет в Иллиане провозгласили Великую охоту за Рогом, и охотники отправились на поиски легендарного Рога Валир, о котором пророчество утверждает, будто он поднимет всех мертвых героев из могил и выйдут они сражаться в Тармон Гай'дон, в Последней битве против Тени. Ходили слухи и о том, что огиры – всегда слывшие затворниками и

сторонившиеся людей, отчего большинство простых смертных считали их легендой, – созидают встречи между обитателями своих *стеддингов*, столь отдаленных один от другого...

Но для Найола самым важным и значительным было то, что Айз Седай, судя по всему, ныне стали действовать не скрываясь. Ходили слухи о том, что они уже послали нескольких своих сестер в Салдэйю, чтобы те дали отпор появившемуся там Лжедракону. Тот, носивший имя Мазрим Таим, был способен направлять Единую Силу – что было редкостью среди мужчин. Сама по себе подобная способность внушала страх и презрение, и мало кто полагал, будто такого мужчину возможно одолеть без помощи Айз Седай. Лучше согласиться принять помощь Айз Седай, чем дожидаться неотвратимых кошмаров, когда тот сойдет с ума, а безумие для подобных Таиму мужчин – неизбежный конец. Но по-видимому, в Тар Валоне решили отправить и других Айз Седай – в подмогу другому Лжедракону, в Фалме. Иного вывода из имеющихся фактов не сделать.

Сложившаяся из этой мозаики картина пробрала Найола морозным холодом до мозга костей. Хаос множился; то, что было неслыханно прежде, происходило повсюду. Казалось, весь мир дробится, исходит на крошево, взбивается, бурлит и вот-вот вскипит. Ему это виделось ясно и отчетливо. И в самом деле близится Последняя битва.

Все его планы разрушены, а ведь эти планы призваны были прославить его имя среди Детей Света, и его помнили бы сотни грядущих поколений. Впрочем, в сумятице неминуемо возникнут иные возможности, нужно лишь воспользоваться удобным случаем, и Найол уже готовил новые планы, намечал новые цели. Только бы ему достало сил и воли осуществить свои замыслы.

«Свет, дай мне продержаться, сколько надо, позволь прожить подольше и все успеть».

Из моря мрачных мыслей Найола вырвал почтительный стук в дверь.

– Входи! – отрывисто приказал он.

Слуга, в куртке и бриджах форменных гербовых цветов – белое с золотом, шагнул через порог и низко поклонился. Потупя очи долу, слуга возгласил, что Джайхим Карридин, помазанник Света, инквизитор Десницы Света, явился по приказу лорда капитан-командора. Следом, не дожидаясь разрешения Найола, в зал вошел Карридин. Найол жестом велел слуге удалиться.

Дверь в зал аудиенций еще не успела полностью закрыться, как Карридин, картинно взмахнув белоснежным плащом, преклонил колено. Спереди на плаще красовалась эмблема – сияющее солнце, наложенное на алый пастырский посох-ерлыгу; последний символ свидетельствовал о принадлежности его носителя к Деснице Света, членов которой называли Вопросающими, а многие – так и попросту допросниками, хотя редко – в лицо.

– Вы приказали мне явиться, милорд капитан-командор, – промолвил Карридин громким голосом, – и я возвратился из Тарабона.

Найол окинул взглядом Карридина. Это был высокий, давно вошедший в зрелый возраст мужчина, однако крепкий и мускулистый, хоть седина и коснулась его волос. Как всегда, его черные, глубоко посаженные глаза пронизательно блеснули. И Карридин даже не моргнул под пристальным взором лорда капитан-командора. Мало кто мог похвалиться настолько чистой совестью либо настолько крепкими нервами. По-прежнему коленопреклоненный, Карридин ожидал так спокойно, будто бы для него было обыденным делом получить лаконичный приказ оставить свое войско и незамедлительно вернуться в Амадор, причем без объяснения причин срочного вызова. Впрочем, поговаривали, что Джайхим Карридин терпением и выдержкой способен потягаться с валуном.

– Поднимись, чадо Карридин. – И когда тот выпрямился во весь рост, Найол промолвил: – Я получил из Фалме тревожные известия.

Отвечая, Карридин разглаживал складки своего плаща. Несмотря на должное уважение, его голос звучал так, словно он разговаривал с равным по положению человеком, а не с главой Чад Света, которому поклялся повиноваться до самой смерти.

– Милорд капитан-командор имеет в виду вести, что принес ему чадо Джарет Байар, в недавнем прошлом помощник лорда-капитана Борнхальда?

У Найола задергалось левое веко, что с давних пор служило предвестником закипающего гнева. По его предположениям, о прибытии Байара в Амадор знали лишь трое и, за исключением Найола, никому не было ведомо, откуда тот явился.

– Не переусердствуй, Карридин. Однажды стремление все разузнать может привести тебя в руки твоих же допросников.

Карридин остался невозмутим, лишь слегка поджал губы, услышав оскорбительное прозвание.

– Милорд капитан-командор, Десница выискивает истину повсюду, дабы служить Свету.

Служить Свету. Но не Детям Света. Все Чада служили Свету, но Пейдрон Найол нередко задавался вопросом: а считают ли Вопрошающие себя действительно частью Детей Света?

– И какую же истину ты, Карридин, готов мне раскрыть о случившемся в Фалме?

– Друзья Темного, милорд капитан-командор.

– Друзья Темного? – Приглушенный смехок Найола прозвучал совсем невесело. – Несколько недель тому назад я получал от тебя доклады, что Джефрам Борнхальд обернулся прислужником Темного, поскольку, вопреки твоим приказам, отправил солдат на мыс Томан. – Голос Найола сделался опасно тихим. – Не хочешь ли ты убедить меня сейчас, что Борнхальд, сам будучи приспешником Темного, повел тысячу Детей Света биться насмерть с другими друзьями Темного?

– Был он другом Темного или не был, теперь никогда не станет известно, – мягко сказал Карридин, – он умер прежде, чем его призвали к ответу. Происки Тени темны и туманны и зачастую кажутся безумными тем, кто идет в Свете. Но Фалме захватили приспешники Темного, и в том у меня нет сомнений. Друзья Темного и Айз Седай, оказавшие поддержку Лжедракону. Не что иное, как Единая Сила, уничтожила Борнхальда и его воинов, в этом я уверен, милорд капитан-командор, и именно она уничтожила армии, которые Тарабон и Арад Доман послали против друзей Темного, окопавшихся в Фалме.

– А что это за рассказы, будто те, кто захватил Фалме, явились из-за Аритского океана?

Карридин покачал головой:

– Милорд капитан-командор, в народе ходит уйма всяких слухов. Некоторые утверждают, будто то были армии, которые Артур Ястребиное Крыло тысячу лет назад отправил за океан и которые теперь возвращаются, чтобы заявить права на нашу землю. Что ж, некоторые даже заявляют, будто видели в Фалме самого Артура Ястребиное Крыло. И вдобавок половину героев из легенд и сказаний. Запад, от Тарабона до Салдэи, бурлит, и каждый день сотнями всплывают новые слухи, нелепее и безумнее прежних. Эти так называемые шончан были не более чем сбродом из приспешников Темного, собравшихся, чтобы поддержать Лжедракона, только на сей раз им в открытую оказали помощь Айз Седай.

– Какие у тебя имеются доказательства? – Найол произнес эти слова таким тоном, словно высказанные доводы не вызвали у него доверия. – Ты захватил пленников?

– Нет, милорд капитан-командор, не захватил. Как чадо Байар, несомненно, рассказал вам, Борнхальду удалось нанести им тяжкий урон, вынудив рассеяться. И безусловно, никто из тех, кого мы допрашивали, не признался в том, что выступал в поддержку Лжедракона. Что касается доказательств... их можно разделить на две части. Позволит ли мне милорд капитан-командор?..

Нетерпеливым жестом Найол разрешил Карридину продолжать.



– Первая часть – доказательство от противного. Редкие корабли пытались пересечь океан Арит, и большинство смельчаков так и не вернулись. Те же, кто смог возвратиться, повернули назад раньше, чем у них подошли к концу запасы воды и еды. Даже Морской народ не пересекает Аритский океан, а они ведь плавают везде, где можно вести торговлю, даже ходят к землям за Айильской пустыней. Милорд капитан-командор, если и есть какие-то земли за океаном, то они находятся вне досягаемых пределов – океан слишком обширен. Перевезти армию через океан столь же невозможно, как перелететь через него.

– Наверное, – медленно сказал Найол. – Это определенно кое о чем говорит. Что у тебя за вторая часть?

– Милорд капитан-командор, многие из допрошенных нами свидетельствовали о чудовищах, сражающихся на стороне приспешников Темного, и от своих показаний они не отказывались, даже когда приходилось прибегать к последней стадии допроса. Кем же могут быть те чудовища, как не троллоками и прочими отродьями Тени, каким-то образом доставленными из Запустения? – Карридин развел руками, словно подводя итоговую черту. – Большинство людей полагают, что троллоки – это всего-навсего небылицы, досужие рассказы и вздор, а прочие уверены, что их всех перебили в Троллоковых войнах. Как еще они могли назвать троллока, если не чудовищем?

– Да. Да, может быть, ты и прав, чадо Карридин. Возможно, я бы сказал. – Найол не собирался тешить самолюбие Карридина, выразив свое согласие с его аргументами. «Пусть немного помучается». – Но что насчет него? – Он указал на свернутые портреты. Насколько он знал Карридина, у инквизитора в покоях наверняка имелись свои рисунки, подобные этим. – Насколько он опасен? Способен ли он направлять Единую Силу?

Инквизитор пожал плечами:

– Может быть, он способен направлять, а может, и нет. Вне всяких сомнений, Айз Седай, если захотят, смогут убедить людей, будто и кот способен направлять Силу. А что касается того, опасен ли он... Любой Лжедракон опасен, пока не повержен, а такой, у кого за спиной не таясь стоит Тар Валон, опаснее вдесятеро. Но сейчас он не так опасен, как может стать через полгода, если не дать ему отпор. Те пленники, которых я допрашивал, самого Лжедракона не видели ни разу и понятия не имеют, где он находится ныне. Его силы разобщены. Сомневаюсь, что в каком-то одном месте собрано вместе больше двух сотен его сторонников. Смести их с лица земли под силу даже тарабонцам и доманийцам, даже им по отдельности, не будь они так увлечены междоусобицей.

– Даже Лжедракона, – бесстрастно промолвил Найол, – недостаточно, чтобы заставить их забыть четырехсотлетнюю свару за обладание равниной Алмот. Как будто кто-то из них в силах удержать ее.

Выражение лица Карридина не изменилось, и Найол задумался о том, как инквизитору удастся быть столь невозмутимым.

«Недолго тебе оставаться спокойным, Вопросающий».

– Это не важно, милорд капитан-командор. Зима удержит всех в лагерях, возможны только случайные стычки и редкие рейды. Когда же погода станет теплее и войска получат возможность передвигаться... Борнхальд забрал с собой на погибель на мысе Томан лишь половину своего легиона. Со второй половиной я до смерти затравлю этого Лжедракона. Мертвец никому не опасен.

– А если ты столкнешься с тем, что, по-видимому, встретил Борнхальд? С Айз Седай, направляющими Силу для убийства?

– Колдовство не защитит их от стрел или кинжала в ночи. Умирают они столь же быстро, как и любой другой. – Карридин улыбнулся. – Обещаю вам: я преуспею еще до наступления лета.

Найол кивнул. Теперь его собеседник был уверен в себе, даже слишком. Уверился, что если опасные вопросы и имелись, то они уже прозвучали.

«Тебе, Карридин, стоило бы не забывать, что меня считали превосходным тактиком».

– А почему, – негромко спросил Найол, – ты не повел в Фалме свои собственные силы? Раз на мысе Томан обосновались друзья Темного, а их войско захватило Фалме, то почему ты пытался остановить Борнхальда?

Карридин моргнул, однако его голос не утратил твердости.

– Поначалу были одни лишь сплетни, милорд капитан-командор. Слухи столь дикие, что никто в них не верил. Ко времени, когда я узнал истину, Борнхальд уже вступил в битву. Он погиб, и приспешники Темного рассеялись. Кроме того, моей задачей было нести Свет на равнину Алмот. Я не мог нарушить данные мне приказы, ради того чтобы гоняться за слухами.

– Твоей задачей? – сказал Найол, вставая и возвышая голос. Карридин был на голову выше его, но инквизитор отступил на шаг. – Твоей задачей? Твоей задачей было захватить равнину Алмот! Пустое ведро, никем не удерживаемое, разве что на словах и громогласными претензиями, и все, что от тебя требовалось, – наполнить его. Вновь бы появилась страна Алмот, и была бы она под властью Детей Света, и им не нужно было бы лицемерно уверять в своей преданности болвана-короля. Амадиция и Алмот и зажатый ими в тиски Тарабон. Через пять лет мы бы властвовали там столь же твердо и уверенно, как и здесь, в Амадиции. А ты все пустил псу под хвост!

Улыбка Карридина наконец-то пропала.

– Милорд капитан-командор! – запротестовал он. – Как же я мог предвидеть то, что случилось? Еще один Лжедракон. Тарабон и Арад Доман в конце концов начали войну, после того как столько лет лишь рычали друг на друга и скалили клыки. И Айз Седай, раскрывшие свою истинную суть после трех тысяч лет обмана! Хотя даже после такого еще не все пропало. Я могу найти и уничтожить этого Лжедракона, пока его последователи не успели объединиться. И как только тарабонцы и доманийцы ослабят друг друга, равнину можно будет очистить от них без...

– Нет! – оборвал его Найол. – Конец твоим планам, Карридин. Наверное, мне следует прямо сейчас передать тебя в руки твоих Вопросающих. Верховный инквизитор вряд ли станет возражать. Он до скрежета зубовного жаждет найти, на кого бы возложить вину за случившееся. Кого-то из своих он никогда бы не выставил виновным, но сомневаюсь, что он станет перечить, если я назову твое имя. Несколько дней под допросом – и ты признаешься в чем угодно. Даже себя назовешь другом Темного. Не пройдет и недели, как ты окажешься на эшафоте, под топором палача.

Бусинки пота выступили на лбу Карридина.

– Милорд капитан-командор... – Он запнулся, сглотнул. – Кажется, милорд капитан-командор говорит, что есть и иная возможность. Ему достаточно только сказать о ней, и я клянусь подчиниться.

«Сейчас, – подумал Найол. – Пора метнуть кости на игральную доску».

По коже побежали мурашки, словно бы он оказался на поле боя и внезапно понял, что вокруг него на сотню шагов – одни враги, все до единого – только враги. Не бывало такого, чтобы лорды капитан-командоры отправлялись на свидание с плахой и палачом, но всем известно не про один случай, когда кто-то из них вдруг умирал и, наскоро оплаканный, был поспешно заменен на высоком посту теми, чьи взгляды не представляли опасности.

– Чадо Карридин, – решительно сказал Найол, – ты обязан будешь приложить все силы, дабы этот Лжедракон не погиб. И если какие-то Айз Седай явятся противостоять ему, а не поддержать его – тыпустишь в ход свои «кинжалы в ночи».

У инквизитора отвисла челюсть. Однако он быстро пришел в себя, устремив на Найола изучающий взгляд.

– Убивать Айз Седай – мой долг, но... Позволить Лжедракону свободно бродить по миру? Это... это было бы... изменой. И кощунством.

Найол глубоко вздохнул. Он буквально кожей чувствовал невидимые кинжалы, подстерегающие в тенях. Но первый шаг уже сделан, и отступить поздно.

– Не будет изменой сделать то, что должно быть сделано. И даже кощунство можно стерпеть ради благого дела. – Одних этих двух фраз было достаточно, чтобы обречь Найола на смерть. – Ведомо ли тебе, чадо Карридин, как объединить людей под своим началом? Как это сделать быстрее всего? Не знаешь, нет? Выпусти на улицы льва – бешеного льва. И когда паника охватит людей, когда от ужаса у них душа в пятки уйдет, спокойно скажи им, что со всем разберешься. Потом ты убиваешь льва и приказываешь им повесить тушу на самом видном месте. И прежде чем они опомнятся, отдаешь другой приказ, и они подчинятся ему. И если ты продолжишь им приказывать, они будут покорно исполнять твои приказы, потому что именно ты был их спасителем. И кому же, как не тебе, лучше возглавить их?

Карридин неуверенно повел головой:

– Вы намерены... захватить их, милорд капитан-командор? Взять под свою руку? Не только одну равнину Алмот, но еще и Тарабон с Арад Доманом?

– Что я замыслил, то ведомо лишь мне. Тебе же должно подчиняться, ведь ты именно это и поклялся делать. Уже к ночи я ожидаю донесений об отправленных на равнину гонцах на быстрых скакунах. Уверен, тебе известно, в каких словах надо составлять приказы, чтобы никто не заподозрил того, чего им знать не положено. Если тебе понадобится задать кому-то трепку или совершить на кого-то набег, пусть это будут тарабонцы и доманийцы. Это не даст им убить моего льва. Нет уж, во имя Света, мы силой принудим их к миру.

– Как прикажет милорд капитан-командор, – учтиво произнес Карридин. – Слушаю и повинуюсь.

Излишне учтиво.

От улыбки Найола повеяло ледяным холодом.

– На случай, коли твоя клятва недостаточно крепка, знай: если этот Лжедракон умрет прежде, чем я отдам приказ предать его смерти, или если его захватят тарвалонские ведьмы, то однажды утром тебя найдут с кинжалом в сердце. И если со мной что-то произойдет... какой-нибудь несчастный случай... даже если я просто умру от старости – ты не переживешь меня и на месяц.

– Милорд капитан-командор, я же дал клятву повиноваться...

– Так ты и сделал, – оборвал его Найол. – Вот и не забывай своей клятвы. А теперь – ступай!

– Как прикажет милорд капитан-командор. – На сей раз голос Карридина не был столь же спокойным.

Дверь за инквизитором закрылась. Найол потерял руки. Его донимал холод. Катились, кувыркаясь, игральные кости, и никак не угадаешь, какие грани они покажут, когда остановятся. Воистину грядет Последняя битва. Не мифическая Тармон Гай’дон, когда, по утверждениям легенд, вырвется на волю Темный, а против него встанет Дракон Возрожденный. Нет, вовсе не та, он был уверен. Жившие в Эпоху легенд Айз Седай сумели проделать отверстие в узилище Темного в Шайол Гул, но Льюс Тэрин Убийца Родичей и его Сотня спутников запечатали ее заново. Ответный удар навсегда запятнал мужскую половину Истинного Источника и вверг их в безумие, и так начался Разлом Мира, но любой из тех древних Айз Седай был способен совершать такие деяния, которые не по силам и десятку сегодняшних тарвалонских ведьм. Наложённые ими древние печати выстоят.

Пейдрон Найол был человеком беспристрастно-холодной логики и здраво рассуждал о том, каким может быть Тармон Гай’дон. Орды звероподобных троллоков устремляются на юг, вырвавшись из Великого Запустения, как то произошло две тысячи лет назад, в Троллоковы

войны; во главе их полчищ Полулюди – мурддраалы, – возможно даже, что командовать будут и люди, новые Повелители ужаса из числа приспешников Темного. Под их натиском человечество, расколотое на грызущиеся друг с другом государства, не устоит. Но он, Пейдрон Найол, объединит все человечество под знаменами Детей Света. Сложат новые легенды, повествующие о том, как бился Пейдрон Найол в Тармон Гай’дон и как он победил.

– Во-первых, – пробормотал он, – выпустить на улицы бешеного льва.

– Бешеного льва?

Найол резко развернулся на каблуке, оглянувшись на выскользнувшего из-за одного из свисавших со стены знамен костлявого человечка с большим, напоминающим клюв носом. Найол успел заметить закрывающуюся панель, и полотнище стяга вновь ровно легло вдоль стены.

– Ордейт, для чего я показал тебе этот тайный проход? – рявкнул Найол. – Дабы ты являлся по моему вызову так, чтобы об этом не узнало полцитадели! А вовсе не для того, чтобы ты мог подслушивать мои разговоры.

Ордейт прошел через комнату, приблизился к Найолу и отвесил тому вежливый поклон:

– Подслушивать, великий лорд? Я бы никогда не стал так поступать. Просто я только что явился и поневоле услышал ваши последние слова. Не более того.

Губы Ордейта кривила полуулыбка-полуусмешка, которая, по наблюдениям Найола, никогда не покидала лица – даже тогда, когда тот полагал, что его никто не видит.

Месяц назад, в середине зимы, неуклюжий коротышка появился в Амадиции, оборванный и полумертвый от холода, и каким-то образом ухитрился языком проложить себе дорогу через все караулы и через всех охранников к самому Пейдрону Найолу. Казалось, он хорошо осведомлен о событиях на мысе Томан, причем в таких подробностях, которые не нашли отражения не только в равной степени пространных и невразумительных донесениях Карридина, но и в рассказе Байара, не говоря уже обо всех прочих докладах и слухах, что доходили до Найола. Имя, каковым назвался чужак, было, разумеется, ненастоящим. На древнем наречии слово «ордейт» означает «полынь». Когда Найол высказал свои сомнения по этому поводу, тот ответил лишь: «Кто мы были такие – люди давно позабыли, а жизнь горька». Но был он далеко не глуп. Именно он помог Найолу увидеть узор в круговерти отдельных событий.

Ордейт шагнул к столу и взял один из рисунков. Когда он развернул рисунок достаточно для того, чтобы открыть лицо изображенного на нем юноши, вечная улыбка на физиономии Ордейта растянулась почти до гримасы.

Найол все еще сердился, оттого что Ордейт явился к нему в приемный зал без вызова.

– Ты находишь Лжедракона забавным, Ордейт? Или он напугал тебя?

– Лжедракон? – тихо промолвил Ордейт. – Да. Да, разумеется, именно так. Кем же иначе ему быть? – И он разразился лающим смехом, скорее смахивающим на кашель, который, точно напильником, прошелся по нервам Найола.

Порой Найол думал, что Ордейт наполовину – если не совершенно – безумен. «Тем не менее, помешанный он или нет, в остром уме ему не откажешь».

– Ты что имеешь в виду, Ордейт? Ты говоришь так, будто он тебе знаком.

Ордейт вздрогнул, словно успел позабыть о присутствующем рядом лорде капитан-командоре.

– Знаком мне? О да, я знаю его. Имя его – Ранд ал’Тор. Родом из Двуречья, из глухого уголка Андора, и он – приспешник Темного, настолько глубоко погрязший в Тени, что душа у вас скукожится, знай вы об этом хоть половину.

– Двуречье... – задумчиво протянул Найол. – Кто-то уже рассказывал мне о другом приспешнике Темного родом из Двуречья, еще об одном юноше. Странно слышать, что друзья Темного появляются из подобных краев. Хотя, говоря откровенно, они вообще повсюду.



– О другом, великий лорд? – сказал Ордейт. – Из Двуречья? Уж не Мэтрим ли это Коутон или Перрин Айбара? С тем они одногодки и едва ли отстают от него на пути зла.

– Мне докладывали, что он именовался Перрином, – хмурясь, промолвил Найол. – Так ты говоришь, их трое? В Двуречье почти ничего нет, оттуда привозят лишь табак да шерсть. Сомневаюсь, найдется ли какой иной край, народ которого был бы более оторван от остального мира.

– В городах друзья Темного вынуждены так или иначе скрываться, таить свою натуру. Им нужно связываться с другими, через чужестранцев, которые приходят из иных мест и отправляются дальше, дабы оповещать прочих об увиденном. Но в тихих деревеньках, отрезанных от мира, куда редко забредают чужаки... В такой глухомани наверняка все окажутся друзьями Темного – более подходящего места и не придумать.

– Как же, Ордейт, тебе удалось разузнать имена друзей Темного? Трех друзей Темного из каких-то дальних далей? Слишком много секретов ты скрываешь, Полынь, и выхватываешь из рукава один сюрприз за другим, куда там менестрелю!

– Великий лорд, ни один человек не способен рассказать *все*, что ему известно, – заискивающе ответил Ордейт. – Пока в словах нет пользы, они будут лишь пустой болтовней. Скажу вам вот что, великий лорд. Этот Ранд ал'Тор, этот Дракон, пустил в Двуречье глубокие корни, буквально врос туда.

– Лжедракон! – гневно бросил Найол, и собеседник не замедлил склониться перед ним:

– Разумеется, великий лорд. Я оговорился.

Вдруг Найол заметил, что в руках Ордейта рисунок сминается и рвется. Хотя лицо его, не считая той сардонической усмешки, оставалось бесстрастным, пальцы конвульсивно теребили пергамент.

– Прекратить! – скомандовал Найол. Он выхватил портрет из рук Ордейта и тщательно расправил его. – У меня не так много изображений этого человека, и я не могу допустить, чтобы их портили.

Значительная часть рисунка размазалась, по груди юноши прошел разрыв, но лицо чудесным образом осталось нетронутым.

– Простите меня, великий лорд. – Ордейт отвесил глубокий поклон, с вечной своей улыбкой. – Я ненавижу друзей Темного.

Найол продолжал рассматривать выполненный пастелью портрет. «Ранд ал'Тор из Двуречья».

– Пожалуй, мне нужно составить и обдумать планы относительно Двуречья. Когда сойдут снега. Наверное.

– Как будет угодно великому лорду, – со всем обхождением промолвил Ордейт.

Карридин шагал по коридорам Цитадели, и выражение его лица заставляло прочих шараться от него, хотя, по правде говоря, мало кто искал общества Вопросающих. Слуги, спешащие по урочным делам или с какими-либо поручениями, старались слиться с каменными стенами, и даже мужчины в белых плащах с золотыми бантами, указывающими на их командный ранг, заметив гримасу на лице инквизитора, сворачивали в боковые переходы.

Он настежь распахнул дверь в свои покои и с грохотом захлопнул ее за собой, не чувствуя обычного довольства при виде богатой обстановки – превосходных ковров из Тарабона и Тира, примечательных сочностью своей расцветки и буйством различных оттенков красного, золотого и голубого; фигурных, со скошенными кромками зеркал из Иллиана; стоящего посреди чертога длинного стола, украшенного затейливой резьбой и окантовкой в виде золоченых листьев. Искусный мастер-резчик из Лугарда отдал трудам по отделке почти год жизни. Сейчас же Карридин почти не замечал окружавшей его роскоши.

– Шарбон! – Но на сей раз камердинер не явился на зов, хотя в этот час его слуге полагось прибирать комнаты. – Да испепелит тебя Свет, Шарбон! Где ты?

Краешком глаза уловив какое-то движение, Карридин обернулся, готовый потоком брани и проклятий разнести Шарбона в пух и прах. Но едва не сорвавшись с уст проклятия осели на языке и застряли в горле – когда навстречу Карридину со зловещей змеиной грацией шагнул мурддраал.

Фигурой он походил на человека, причем вряд ли превосходил ростом и сложением большинство людей, но на этом сходство кончалось. Черные, смертные одеяния и плащ, почти не колышущиеся при движении, лишь оттеняли белизну его кожи, бледной, как у личинки мухи. Глаз у мурддраала не было. И этот безглазый взор наполнял Карридина, как и тысячи прочих до него, невыразимым ужасом.

– Что... – Карридин осекся, во рту страшно пересохло, и он задвигал челюстью, стараясь увлажнить горло и вернуть голосу нормальное звучание. – Что ты здесь делаешь? – И все равно вопрос прозвучал с надрывом.

Бескровные губы Получеловека вывернула улыбка.

– Там, где есть тень, могу пройти и я. – В голосе его слышался шелест, с которым змея проползает меж сухих листьев. – Предпочитаю держать под присмотром тех, кто мне служит.

– Я слу...

Бесполезно. С усилием Карридин оторвал взгляд от мертвенной белизны и гладкости этого болезненно-бледного лица и повернулся к мурддраалу спиной. Дрожь сверху вниз пробежала у него по хребту: еще бы, ведь за спиной мурддраал. В висевшем на стене зеркале Карридин отчетливо видел все. Все, кроме Получеловека. Мурддраал предстал в отражении каким-то расплывчатым пятном. Смотреть на отражение оказалось не очень приятно, но все-таки куда легче, чем встретить взгляд этого существа. Голос Карридина немного окреп.

– Я служу Ве... – Он умолк, внезапно осознав, где находится. В самом сердце Цитадели Света. Малейший слух о словах, что он собирался произнести, – и его передадут Деснице Света. Услышав их, даже самый ничтожный из Детей убьет его на месте. Карридин был здесь один, не считая мурддраала и, возможно, Шарбона. «Где же этот проклятый бездельник?» Было бы неплохо, если бы для взора Получеловека нашлась какая-нибудь другая мишень, пусть даже впоследствии от слуги придется избавиться. Тем не менее Карридин понизил голос:

– Я служу Великому повелителю Тьмы, как и ты. Мы оба служим.

– Если тебе угодно так считать. – Мурддраал рассмеялся, и от этого звука кости у Карридина задрожали. – И все же я желаю знать, почему ты здесь, а не на равнине Алмот.

– Я... Меня вызвали сюда по приказу лорда капитан-командора.

Мурддраал проскрежетал:

– Приказы твоего лорда капитан-командора не дороже дерьма! Тебе было приказано отыскать человека, прозываемого Ранд ал'Тор, и убить его. Это – прежде всего. Превыше всего! Почему ты не подчиняешься?

Карридин сделал глубокий вдох. Он чувствовал направленный в спину взгляд – как будто лезвием ножа скребут по хребту.

– Ситуация... изменилась, – промолвил инквизитор. – Кое-что я больше не контролирую так хорошо, как прежде.

Раздался резкий скребущий звук, и Карридин дернул головой, пытаясь увидеть источник неприятного скрипа.

Мурддраал вел рукой по столешнице, и из-под его ногтей выкручивались тонкие усики стружки.

– Ничего не изменилось, человек. Ты отрекся от клятв, принесенных Свету, и дал иные клятвы, и подчиняешься ты именно *этим* клятвам.

Карридин ошеломленно уставился на царапины, расчертившие полированную столешницу, и с трудом сглотнул.

– Не понимаю. Почему вдруг стало так важно убить его? Я полагал, Великий повелитель Тьмы намеревался как-то его использовать.

– Допрос вздумал мне устраивать? Надо бы вырвать у тебя язык. Не твое это дело – задавать вопросы. Как и понимать что-то. Твой удел – повиноваться! Ты пройдешь дрессировку и будешь подчиняться. *Это* тебе понятно? К ноге, пес, и повинуйся хозяину!

Гнев проточил себе путь сквозь толщу страха, и рука Карридина метнулась к бедру, нащаривая рукоять меча, но клинка там не было. Меч лежал в соседней комнате, где инквизитор его оставил, отправляясь на встречу с Пейдроном Найолом.

Мурддраал же двигался стремительней атакующей гадюки. Карридин открыл рот, чтобы закричать, и в этот момент рука Получеловека мертвой хваткой стиснула его запястье; кости чуть не закрипели друг о друга, посылая вверх по руке волны мучительной боли. Крик, однако, так и не вырвался из горла Карридина, ибо другой рукой Получеловек обхватил его подбородок, силой заставив сомкнуть челюсти. Пятки инквизитора оторвались от пола, затем потеряли опору и пальцы ног. Хрипя и издавая булькающие звуки, болтался он в воздухе в хватке мурддраала.

– Слушай меня, человек. Ты как можно скорее отыщешь этого юношу и незамедлительно убьешь. Не думай, что тебе удастся скрыться. Среди ваших *чад* есть и другие, которые сразу же мне донесут, коли ты отклонишься в сторону от своей цели. Но чтобы тебя подбодрить, скажу вот что. Если Ранд ал'Тор не умрет в течение месяца, я заберу кого-нибудь из твоей семьи. Сына или дочь, сестру или дядю. Ты не узнаешь, кого именно, пока избранник не сдохнет, испуская вопли. Если ал'Тор проживет еще месяц, я заберу кого-нибудь еще. А там и другого, потом еще одного. И когда никого из твоей родни, кроме тебя самого, в живых не останется, а он по-прежнему будет жив, я заберу тебя – прямиком в Шайол Гул. – Мурддраал улыбнулся. – Умирать ты будешь в течение многих лет, человек. Уяснил теперь?

Карридин издал какой-то звук – наполовину стон, наполовину всхлип. Ему казалось, что шея его вот-вот сломается.

Рыча, мурддраал швырнул его через всю комнату. Карридин врезался в дальнюю стену и, оглушенный, соскользнул на ковер. Лежа ничком, он судорожно силился вдохнуть.

– Ты понял меня, человек?

– Я... я слушаю и повинуюсь, – выдавил Карридин, уткнувшись лицом в ковер.

Ответа не было. Он повернул голову, морщась от боли в шее. В комнате, кроме него, никого не было. Полулюди скачут на тенях, как на лошадях, – так гласили легенды – и, сворачивая в сторону, исчезают. Никакая стена не способна помешать им. Карридину хотелось плакать. Он поднялся, проклиная потоки боли, распространявшиеся от запястья.

Дверь распахнулась, и в комнату торопливо вкатился Шарбон. Пухлый человечек держал в руках корзину. Он замер на месте, уставившись на Карридина:

– Хозяин, с вами все в порядке? Простите меня за отлучку, хозяин, но я ходил покупать фрукты для вашего...

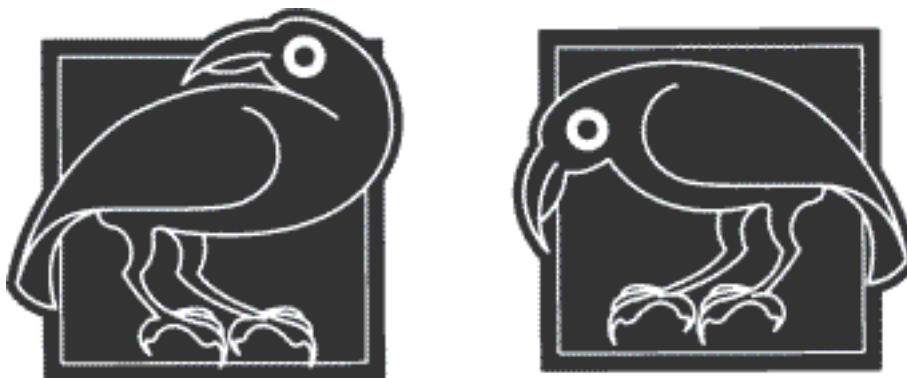
Левой рукой, не пострадавшей при встрече с мурддраалом, Карридин выбил корзину из рук Шарбона, отчего сморщенные зимние яблочки раскатились по коврам, и тыльной стороной ладони отвесил слуге сильную оплеуху.

– Простите меня, хозяин, – прошептал Шарбон.

– Подай бумагу, перо и чернила, – прорычал Карридин. – Пошевеливайся, остолоп! Мне нужно разослать приказы. – «Но какие приказы? Какие?»

Шарбон помчался исполнять распоряжение, а Карридин, сотрясаемый дрожью, не сводил взгляда с глубоких царапин, избороздивших столешницу.

## Глава 1. Ожидание



Вращается Колесо Времени, эпохи приходят и уходят, оставляя в наследство воспоминания, которые становятся легендой. Легенда тускнеет, превращаясь в миф, и даже миф оказывается давно забыт, когда эпоха, что породила его, приходит вновь. В эпоху, называемую Третьей, эпоху, которая еще будет, эпоху, которая давно миновала, поднялся ветер в Горах тумана. Не был ветер началом. Нет ни начала, ни конца оборотам Колеса Времени. Оно – начало всех начал.

Ветер мчался через голубые от затянувшей их утренней туманной дымки широкие долины, где высились вечнозеленые леса и где на пустошах лишь собирались пробиться травяная зелень и дикие цветы. Ветер взвыл, проносясь над наполовину ушедшими в землю руинами и над разрушенными монументами, о которых давно позабыли, как позабыли и о тех, кто их создал. Ветер стонал на перевалах, в путанице выветренных скал меж горными пиками, увенчанными шапками никогда не тающих снегов. Плотные облака так облепили горные вершины, что их белые волны казались одним целым со снегами.

В низинах зима уже ушла или уходила, но здесь, на возвышенностях, она подзамешкалась, нашивая на горные склоны громадные белые заплатки. Только вечнозеленые деревья сумели удержать на своих ветвях листву или хвою, остальные стояли голыми, бурые и серые на фоне скал и еще не ожившей земли. Здесь не слышалось иных звуков, кроме шороха и свиста порывистого морозного ветра меж заснеженных камней. Казалось, земля замерла в ожидании. В ожидании чего-то, что должно вот-вот начаться.

Перрин Айбара, сидевший на лошади среди сосен в зарослях болотного мирта, вздрогнул и поплотнее закутался в подбитый мехом плащ, так плотно, насколько позволяли длинный лук в руке и большой топор-полумесяц на поясе. Это был добрый боевой топор; Перрин качал мехи в тот день, когда мастер Лухан его выковал. Ветер рванул плащ юноши, стягивая капюшон с лохматых кудрей, и проник под куртку; пытаясь согреть пальцы ног, Перрин пошевелил ими внутри сапог и поерзал в седле с высокой лукой, но мысли его были вовсе не о холоде. Оглядывая своих пятерых спутников, Перрин гадал, разделяют ли они его ощущение. Не просто переживания из-за той задачи, ради которой их направили сюда, но чего-то большего.

Ходок, конь Перрина, переступил копытами и мотнул головой. Мышастого жеребца он назвал так за быстроногость, но сейчас Ходок словно бы чувствовал раздражение и нетерпение своего всадника.

«Устал я от этого ожидания, от всего устал! Сидим тут, а Мореин держит нас крепко, будто клещами. Чтоб тебе сгореть, Айз Седай! Когда ж это кончится?»

Сам того не сознавая, Перрин принялся к ветру. В воздухе преобладал запах лошадей, но людьми и человеческим потом тоже пахло. Под деревьями недавно пробежал кролик; страх усиливал его бег, но шедший по следу лис не прикончил свою добычу на месте. Перрин



вдруг сообразил, чем он занят, и одернул себя. «Положим, на таком ветру мне вполне может заложить нос». Он едва ли не желал заполучить себе насморк. «И я бы уж точно не позволил Морейн избавить меня от него».

Что-то шевелилось на задворках его разума – нечто сродни щекотке. Перрин отказывался признаваться себе в этом. И спутникам своим об этих ощущениях ничего не говорил.

Остальные пятеро тоже были верхом, они держали наготове короткие кавалерийские луки, а их глаза пытливо осматривали и небесный свод наверху, и поросшие редким лесом склоны гор внизу. Казалось, они вовсе не чувствуют ветра, полощущего их плащи, точно флаги. Над плечом каждого из них, продетая в особый разрез в плаще, торчала рукоять двуручного меча. От вида их гладко выбритых голов, с хохолками волос на макушках, Перрину становилось еще холодней. Но для его спутников погода была вполне уже весенней. На самой прочной из известных ему наковален из них выбили всю чувствительность. Они были шайнарцами, родом из Пограничных земель на самом пороге Великого Запустения, где в любую ночь мог случиться набег троллоков и где даже купцу или земледельцу привычно было братья за меч или лук. А эти пятеро были не фермерами, а солдатами чуть ли не с рождения.

Перрин иногда удивлялся тому, что они позволили ему ими руководить и следовали его распоряжениям. Словно думали, что он имеет на командование особое право или обладает особым знанием, сокрытым от них. «Или, может быть, это просто мои друзья», – подумал Перрин, с горечью усмехнувшись про себя. Они не были ни столь высоки, как он, ни столь широкоплечи – годы работы подмастерьем кузнеца подарили юноше руки и плечи под стать двоим обычным мужчинам, – но Перрин теперь брился каждый день, чтобы положить конец шуточкам по поводу своей молодости. Пусть шутки и дружеские, но мало приятного, когда над тобой посмеиваются. Он не хотел, чтобы снова пошли насмешки, на сей раз из-за того, что он расскажет о своих странных ощущениях.

Спохватившись, Перрин напомнил себе, что он тоже должен быть настороже. Проверив, хорошо ли наложена на тетиву длинного лука стрела, юноша всмотрелся в долину, уходящую на запад и постепенно расширяющуюся вдаль; землю покрывали широкие извивающиеся снежные полосы – последние следы зимы. Большинство деревьев, беспорядочно растущих внизу, по-прежнему тянулись к небу голыми зимними ветвями, но и вечнозеленых хватало – сосны и болотные мирты, пихты и горные остролисты, даже несколько лиственниц виднелось на склонах и в глубине долины, готовых дать укрытие тем, кто сумеет им воспользоваться. Но без особой нужды туда не ходили. Рудники располагались на немалом отдалении к югу или еще дальше к северу; большинство людей полагали, что в Горах тумана удачи ждать не приходится, и заходили сюда лишь немногие из тех, кому был доступен обходной путь. Глаза Перрина блеснули, подобно полированному золоту.

Щекотка перешла в зуд.

«Нет!»

Перрин мог бы наплевать на эти свои ощущения, но предчувствие ожидания чего-то все равно не исчезло бы. Словно он балансировал на краю. Словно все застыло на грани. Перрин гадал, не таится ли нечто нежеланное или неприятное в окружающих горах. И есть ли способ это проверить? В таких местах, где редко появляется человек, почти всегда водятся волки. Он отогнал мысль о волках, прежде чем ей удалось перейти в уверенность. «Лучше уж теряться в догадках. Лучше, чем знать наверняка». Как бы ни был мал их отряд, но у них есть разведчики. Если бы там что-то было, дозорные наверняка заметили бы. «Моя кузница здесь, и мне о ней заботиться, а они пусть занимаются своим делом».

Глаза Перрина были зорче, чем у других, поэтому всадника, скачущего со стороны Тарабона, он заметил первым. Но даже ему всадник поначалу показался лишь разноцветным пятнышком, мелькавшим на спине лошади меж деревьев, – оно то было видно, то пропадало. А лошадь-то пегая, подумалось Перрину. «Давно уж пора!» Он открыл было рот, собираясь опо-

вестить своих спутников о всаднице – наверняка то была женщина, как и все верховые до нее, – когда Масима вдруг пробормотал, словно проклятие:

– Ворон!

Перрин вскинул голову. Над верхушками деревьев, не далее чем в сотне шагов от них, кружила большая черная птица. Ее добычей, видимо, должна была стать какая-нибудь падаль в снегу или мелкий зверек, однако рисковать Перрин не мог. Непохоже, чтобы ворон заметил отряд, но приближающийся всадник скоро окажется в поле его зрения. Едва увидев ворона, Перрин вскинул лук, натянул тетиву – оперение стрелы пошло к щеке, к уху – и спустил ее, проделав все одним плавным движением. Едва обратив внимание на хлопки тетивы рядом с собой, он неотрывно следил за черной птицей.

Внезапно ворон закувыркался в вихре угольно-черных перьев – это стрела Перрина отыскала птицу – и камнем устремился к земле, а воздух в том месте, где он только что был, прочертили еще две стрелы. С луками на изготовку остальные шайнарцы всматривались в небо: не летел ли с вороном его напарник?

– Должен ли ворон сообщить сам, – тихо спросил Перрин, – или... *тот*... видит глазами птицы?

Вопрос был обращен скорее к самому себе, вряд ли Перрин предполагал, что его услышат, но Раган, самый молодой из шайнарцев, старше Перрина почти что на десять лет, ответил ему, накладывая новую стрелу на свой укороченный лук:

– Должен сообщить. Обычно Получеловеку. – В Пограничных землях за воронов полагалось вознаграждение; в тех краях никто и никогда не рискнул бы счесть ворона безобидной птицей. – Свет, мы бы все погибли, даже не добравшись до гор, если бы Губитель Душ видел все, что видят вороны.

Голос Рагана звучал спокойно; для шайнарского солдата подобное было житейским делом.

Перрин вздрогнул, но вовсе не от холода, в затылке у него кто-то словно возгласил вызов смерти. Губитель Душ. В разных странах его именуют по-разному: Проклятие Душ или Клык Душ, Повелитель Могил или Владыка Сумерек, но повсеместно – Отец Лжи и Темный, – и это все для того, чтобы не назвать его истинным именем, не привлечь к себе его внимания. Темный часто использовал воронов и ворон, а в городах – крыс. Из колчана на бедре, уравнивающего тяжесть топора на другом боку, Перрин вытянул еще одну стрелу с широким заостренным наконечником.

– Хоть он и большой, что твоя дубина, – восхищенно сказал Раган, окинув взглядом лук Перрина, – но если выстрелит, так уж выстрелит. Не хотелось бы мне видеть, что он сделает с человеком в доспехе.

На шайнарцах сейчас были лишь легкие кольчуги, скрытые под простыми куртками, но обычно они сражались в доспехах, причем в них облачались не только люди, но и лошади.

– Слишком длинный – неудобно для верхового, – пренебрежительно хмыкнул Масима. Треугольный шрам на темной щеке еще больше кривил высокомерную усмешку на его лице. – Хороший нагрудник остановит стрелу и с граненым наконечником, если ее, конечно, с близкого расстояния не послать, а коли ты с первого выстрела промахнешься, то враг, в которого ты метил, выпустит тебе потроха.

– Что верно, то верно, Масима. – Раган немного расслабился, поскольку в небе больше воронов не было видно. Должно быть, тот был один. – Но бьюсь об заклад, с этим двуручечным луком незачем подходить так близко.

Масима открыл было рот для ответа, но их разговор резким окриком оборвал Уно:

– Эй, вы двое! Прекратите чесать проклятыми языками! – Из-за длинного шрама, пересекающего левую щеку, и отсутствующего глаза его лицо казалось неприятно суровым даже для шайнарца. Как-то во время осеннего похода в горы он раздобыл глазную повязку; взгляд изоб-

раженного на ней прищуренного огненно-красного глаза мало кому удавалось выдержать. – Коли не способны сосредоточить свои паскудные мозги на проклятом задании, которое вам поручили, то я уж прослежу, чтобы внеочередное треклятое ночное дежурство подуспокоило вас, чтоб вам сгореть!

Раган и Масима притихли под его взором. Напоследок Уно одарил их еще одним сердитым взглядом, который смягчился, когда он повернулся к Перрину:

– До сих пор никого не видишь?

Говорил Уно чуть поглубже, чем если бы обращался к командиру, поставленному над ним королем Шайнара или лордом Фал Дара, но в тоне его слышался намек на готовность исполнить все, что бы Перрин ни предложил.

Шайнарцы знали о зоркости Перрина, но, судя по всему, принимали ее просто как данность, точно так же как и цвет его глаз. Не зная и половины всего, они принимали Перрина таким, каким он был. Таким, каким они себе его представляли. Похоже, шайнарцы одобряли все, что было и чего не было. Мир меняется, твердили они. Все вращается на колесах возможностей и перемен. Если у человека глаза невиданного ими никогда прежде цвета, какое это вообще имеет значение?

– Она приближается, – сказал Перрин. – Вы вот-вот ее увидите. Вон там.

Он показал где, и Уно подался вперед, прищурив свой единственный глаз, затем с сомнением кивнул:

– Проклятье, там, внизу, и впрямь что-то движется.

Кое-кто из его спутников закивал тоже, приглушенно бормоча что-то себе под нос. Уно недовольно глянул на них, и они вновь принялись изучать небо и горные склоны.

Перрина вдруг осенила догадка, что значат пестрые цвета на далекой всаднице. Ярко-зеленая юбка, выглядывающая из-под огненно-алого плаща.

– Она – из Странствующего народа, – промолвил он ошеломленно.

Больше никто, насколько ему было известно, не стал бы облачаться в наряды столь броских расцветок и причудливых сочетаний – во всяком случае, не по собственной воле.

Порой они встречали и сопровождали дальше в горы женщин самого разного сорта: нищенку в лохмотьях, пробивавшуюся через метель на своих двоих; купчиху, самолично ведущую караван груженных выюками лошадей; благородную даму в шелках и дорогих мехах, в золоченом седле и с красными кистями на лошадиных поводьях. Нищенка расплатилась кошельком серебра – по мнению Перрина, куда толще, чем она могла себе позволить, ну а леди оставила им кошелек поувесистей, на этот раз – золота. Женщины самых разных званий и разного положения в обществе, все поодиночке, из Тарабона, из Гэалдана, даже из Амадии. Но Перрин никак не ожидал увидеть здесь кого-нибудь из Туата'ан.

– Распроклятая Лудильщица? – воскликнул Уно.

Остальные, словно в зеркале, отразили его изумление.

Раган покачал головой, тряхнув узлом волос на макушке:

– Быть не может, чтобы в это Лудильщица замесалась. То ли она не Лудильщица, то ли не та, кого нас послали встретить.

– Лудильщики... – пробурчал Масима. – Бесполезные трусы.

Глаз Уно сузился, став похожим на пробивочное отверстие в наковальне, что вкупе с красноглазым рисунком на повязке придавало шайнарцу очень зловещий вид.

– Трусы, Масима? – тихо произнес он. – Будь ты бабой, достало бы тебе распроклятой смелости разъезжать тут в одиночку и без оружия?

Не было сомнений, что если она и впрямь из Туата'ан, то оружия у нее не будет. Масима удержал рот на замке, но шрам на его щеке натянулся и побледнел.

– Чтоб мне сгореть, если б я осмелился на такое! – сказал Раган. – Или б ты, Масима, чтоб мне сгореть!

Масима запахнулся в плащ и демонстративно уставился в небо.

Уно фыркнул.

– Свет ниспослал, чтобы треклятый пожиратель падали был тут один, гори он огнем, – пробормотал он.

Гнедая с белыми пятнами косматая кобыла приближалась медленно, осторожно пробираясь между широкими сугробами по участкам чистой земли. В одном месте ярко одетая женщина остановила лошадь, пристально рассматривая что-то на земле, затем натянула капюшон плаща на голову и, слегка ударив кобылу пятками, пустила ее спокойным, неспешным шагом.

«Ворон, – сообразил Перрин. – Женщина, хватит глядеть на птицу, давай не мешкай. Может быть, ты принесла ту весть, которая наконец-то выведет нас отсюда. Если Мореин соизволит отпустить нас до наступления весны. Чтоб ей сгореть!»

Какое-то время юноша пребывал в неуверенности, кого он имел в виду – Айз Седай или Лудильщицу, которая, казалось, совсем не спешила.

Если она продолжит двигаться в том же направлении, что и сейчас, то проедет мимо, оставив их рощицу в стороне на добрых тридцать шагов. Женщина глядела под ноги своей пегой кобылы, и ничто не говорило о том, что всадница заметила среди деревьев кого-то из поджидавшего ее отряда.

Перрин каблуками ткнул своего жеребца в бока, и мышастый устремился вперед, взметнув копытами снег. Юноша услышал, как позади Уно негромко скомандовал:

– Вперед!

Ходок успел преодолеть половину расстояния до Лудильщицы, когда она, судя по всему, заметила всадников и, вздрогнув, натянула поводья, останавливая кобылу. Женщина наблюдала, как они выстраиваются вокруг нее полукругом. Чрезмерной пестроты наряду Лудильщицы придавал ярко-голубой вышитый орнамент – «тайренский лабиринт», – украшавший ее красный плащ. Женщина была немолода – седина изрядно окрасила ее волосы, выбивавшиеся из-под капюшона, – однако морщин на лице у нее было немного, если не считать хмурых складок на лбу, появившихся, когда она окинула неодобрительным взглядом оружие всадников. Но если она и встревожилась, встретив вооруженных людей в самом сердце горной глуши, то ничем этого не проявила. Руки ее спокойно лежали на высокой передней луке потертого, однако ухоженного седла. И страхом от нее не пахло.

«Хватит!» – сказал себе Перрин. Чтобы не испугать незнакомку, юноша постарался смягчить свой голос:

– Меня зовут Перрин, добрая госпожа. Если вам нужна помощь, я сделаю, что смогу. Если нет, то ступайте со Светом своей дорогой. Однако, если только Туата'ан не изменили своих путей, вы далековато забрались от своих фургонов.

Женщина обвела их всех изучающим взглядом и только потом заговорила. Темные ее глаза лучились доброжелательностью, обычной для Странствующего народа.

– Я ищу... одну женщину.

Заминка была краткой, но говорила о многом. Разыскивала всадница не какую-то женщину, а Айз Седай.

– Есть ли у нее имя, добрая госпожа? – спросил Перрин. В последние месяцы ему слишком часто приходилось задавать этот вопрос, чтобы сомневаться в ответе, но без должного ухода и железо ржавеет.

– Ее зовут... Порой ее называют Мореин. А мое имя – Лея.

Перрин кивнул:

– Мы отведем вас к ней, госпожа Лея. У нас найдется где согреться, а если повезет, то и горячего удастся поесть. – Он, впрочем, не торопился браться за поводья. – Как же вы нас нашли?

Такие расспросы Перрин вел и прежде – всякий раз, как Морейн отправляла его ждать в указанном месте встречи с вестницей, которая непременно должна явиться, в чем Айз Седай была уверена. Ответ наверняка будет таким же, как всегда, но Перрин обязан был спросить.

Пожав плечами, Лея неуверенно ответила:

– Я... знала, что, если отправлюсь этой дорогой, кто-нибудь найдет меня и отведет к ней. Я... просто... знала. У меня есть для нее новости.

Перрин не спрашивал, что это за новости. Сведениями, которые вестницы доставляли, они делились исключительно с Морейн.

«Айз Седай говорит нам только то, что считает нужным». Он поразмыслил немного. Айз Седай никогда не лгут, но ведь не зря поговаривают: сказанное Айз Седай будет правдой, но не всегда эта правда оказывается той, которую считаешь правдой ты. «А не поздновато ли на попятную идти?»

– Сюда, госпожа Лея, – произнес Перрин, жестом указав вверх, в горы.

Возглавляемые Уно шайнарцы вслед за Перрином и Леей стали подниматься по склону. Порубежники по-прежнему наблюдали за небом столь же пристально, как и рассматривали местность вокруг, а двое замыкающих особо уделяли внимание тому, не появится ли какой соглядатай позади.

Какое-то время маленький отряд двигался в тишине, которую нарушал лишь стук лошадиных копыт, да иногда под ними хрустел подтаявший наст, или с шорохом осыпались мелкие камешки, или стучали друг о друга камни покрупнее, потревоженные на оголенных участках. Лея беспрестанно поглядывала то на лицо Перрина, то на его лук, то на топор, но ни слова при этом не промолвила. Тот, чувствуя себя неуютно под этим испытующим взглядом, ерзал в седле и избегал смотреть на женщину. С недавних пор Перрин, насколько это ему удавалось, старался не давать незнакомцам присматриваться к цвету его глаз.

Наконец он произнес:

– Я не ожидал увидеть здесь кого-то из Странствующего народа, с вашими-то верованиями.

– Злу можно противостоять, не прибегая к насилию. – Слова Леи прозвучали с простотой и непринужденностью – для нее это явно было прописной истиной.

Перрин угрюмо хмыкнул, но тут же промямлил в оправдание:

– Вот бы все было так, как вы сказали, госпожа Лея.

– Насилие приносит вред не только жертве, но и тому, кто его творит, – спокойно проговорила Лея. – Вот поэтому мы и убегаем от тех, кто нападает на нас, – как ради собственного спасения, так и для того, чтобы нападающие не причинили вреда себе. Если бы мы насилием стали отвечать на зло, то очень скоро обратились бы в то, чему противостояим. Силой нашей веры мы боремся с Тенью.

Перрину не удалось сдержать усмешку:

– Госпожа, надеюсь, вам никогда не доведется силой вашей веры давать отпор троллокам. Сила их мечей сразит вас на месте.

– Для нас лучше погибнуть, чем... – начала было женщина, но гнев заставил Перрина прервать ее речь. Гнев оттого, что она никак не поймет. Гнев оттого, что она и вправду скорее умрет, нежели причинит вред хоть кому-то, – не важно, насколько тот погряз во зле.

– Если вы броситесь бежать, они устроят охоту, убьют вас и сожрут ваше мертвое тело. А то и дожидаться не станут – живьем вас жрать начнут. Так или иначе, но вы умрете и тем самым принесете еще одну победу злу. И люди не менее жестоки. Друзья Темного, и не только они. Их гораздо больше, чем я считал всего год назад. Вот решат белоплащники, что вы, Лудильщики, не идете в Свете, тогда и посмотрим, скольким из вас поможет остаться в живых сила вашей веры.

Она пронзила Перрина взглядом:

– Но со всем этим вашим оружием вряд ли вы счастливы.

Как она догадалась? Перрин раздраженно тряхнул курчавыми волосами.

– Мир сотворил Создатель, а не я, – проворчал он. – А я должен жить как можно достойнее в таком мире, который есть.

– Такой молодой, но такой печальный, – промолвила она тихо. – Откуда такая печаль?

– Мне бы по сторонам смотреть, а не болтать! – сказал Перрин с резкостью. – Сомневаюсь, что вы скажете спасибо, если я вас заведу куда-нибудь не туда.

Ударом каблуков он отправил Ходока вперед, чтобы сделать дальнейший разговор невозможным, но по-прежнему ощущал на себе взгляд женщины.

«Печаль? Никакой я не печальный, просто... Свет, я и сам не знаю. Должен быть путь получше, вот и все».

Зудящая щека где-то в затылке вновь вернулась, но, стараясь не обращать внимания на устремленный ему в спину взгляд Леи, он отказывался замечать и зуд.

Отряд взобрался на горный склон и спустился по другому, пересек поросшую лесом долину, по дну которой струился ручей – широкий ледяной поток, доходивший лошадям до колен. В отдалении высящиеся на склоне скалы еще сохраняли приданное им каменотесами сходство с человеческими фигурами. Как думал Перрин, то могли быть мужчина и женщина, хотя ветры и дожди давно уже изгладили камень и сделали невозможным выяснить это наверняка. Даже Морейн говорила, что не знает, кого могли изображать эти изваяния и когда они были высечены.

Взблескивая серебром в прозрачной воде, от копыт лошадей бросались прочь колюшка и форельная мелкота. Олень, объедавший оставшиеся на ветвях листья, поднял голову, помедлил, оглядывая вышедшую из потока кавалькаду, потом метнулся в чащу, а из травы показался огромный горный кот, серо-полосатый с черными пятнами, явно недовольный тем, что ему помешали подкрасться к добыче. Он поглядел на коней, а затем, хлестнув хвостом, исчез за деревьями следом за оленем. Впрочем, обитатели горного края на глаза почти не показывались. Птиц, что сидели на ветвях или поклевывали что-то на проталинах, можно было по пальцам перечесть. Большая часть пернатых вернется в горы через несколько недель, не сейчас. Воробышки также больше не попадались.

Уже близился вечер, когда Перрин провел свой маленький отряд меж двумя крутыми склонами гор, чьи заснеженные пики, как всегда, укутывали облака, и направил коня вверх, вдоль ручейка, с плеском скатывающегося по серым камням каскадом миниатюрных водопадов. В ветвях прокричала птица, другая ответила ей в отдалении где-то впереди.

Перрин улыбнулся. Зов голубых зябликов. Птицы Порубежья. Никто не проскачет незамеченным этим путем. Он почесал нос, даже не взглянув на дерево, откуда послышался крик.

Тропа, по которой отряд двигался вверх между низкорослыми болотными миртами и несчастными горными дубами с искривленными узловатыми стволами, помалу сузилась. Полоса почвы вдоль ручья, что была относительно ровной и пригодной для верховой езды, теперь сделалась такой ширины, что по ней едва мог проехать человек на лошади, а ручей превратился в поток, который способен был перешагнуть рослый мужчина.

Перрин слышал у себя за спиной, как Лея что-то невнятно бормочет под нос. Оглянувшись через плечо, он заметил, как женщина с тревогой поглядывает на крутолобые скалы справа и слева. Среди них опасно тянулись к небу редкие сосны и ели. Казалось чудом, что им удалось уцепиться здесь корнями и выстоять. Шайнарцы ехали свободнее, наконец-то позволив себе расслабиться.

Внезапно перед ними открылась глубокая овальная низина с крутыми склонами, впрочем не столь отвесными, как в теснине прохода. В небольшом ключе, что бил на дальнем краю низины, брал начало ручей. Острый взгляд Перрина выхватил меж ветвей стоявшего слева дуба человека с шайнарским чубом на макушке. Если бы дозорный вместо зова голубого зяблика



услыхал крик краснокрылой сойки, к нему бы пришла подмога и проникнуть в долину оказалось бы очень непростой задачей. В этом проходе горстка солдат способна перекрыть дорогу целой армии. А если вдруг какая армия и придет, то эта горстка встанет у нее на пути.

Среди окружавших низину деревьев стояли незаметные с первого взгляда бревенчатые хижины, и поначалу могло показаться, что люди, собравшиеся вокруг костров посередине, вовсе не имеют никакого укрытия. На виду было не более десятка человек. Да и, как догадывался Перрин, остальных, которых сейчас не было видно, насчитывалось не так уж много. Большинство оглянулось на топот лошадиных копыт, а кое-кто помахал, приветствуя маленький отряд. Долину, как чашу, словно бы наполняли запахи людей и лошадей, готовящейся еды и горящих в кострах поленьев. С установленного невдалеке от костров высокого древка свисало длинное белое знамя. Какая-то фигура, по крайней мере в полтора раза выше всех остальных, кто здесь был, сидела на бревне, погруженная в чтение книги, которая выглядела маленькой в огромных руках. Человек не оторвался от книги, даже когда его сосед, у которого, в отличие от всех присутствовавших, не было чуба на макушке, крикнул:

– Так вы нашли ее, да? Я уж решила, что вас на этот раз до утра не будет.

Голос принадлежал молодой женщине, но она носила мужскую куртку и штаны, и волосы ее были коротко острижены.

Порыв налетевшего ветра закружился в низине, заставив затрепетать и захлопать полы плащей и во всю длину развернув знамя. На миг существо на стяге словно оседлало ветер. Четвероногий змей в ало-золотой чешуе, с золотистой львиной гривой и с пятью золотыми когтями на каждой лапе. Легендарное знамя. Знамя, которое большинство людей, увидев, не признали бы, но которого устрешили бы, узнав его название.

Направив коня по тропке вниз, Перрин взмахнул рукой, словно обводя этим жестом целиком всю низину, и сказал:

– Добро пожаловать, Лея, в лагерь Дракона Возрожденного.

## Глава 2. Саидин



С ничего не выражающим лицом женщина из Туата'ан смотрела на знамя, пока оно вновь не поникло, затем ее внимание переключилось на тех, кто находился у костров. Особенно ее заинтересовал читатель, который превосходил Перрина ростом раза в полтора и был вдвое его крупнее.

– С вами огир. Ни за что б не подумала... – Лея покачала головой. – А где Мореин Седай? Похоже, для нее знамени Дракона будто бы и вовсе не существовало.

Жестом Перрин указал на грубую хижину, что стояла выше и дальше прочих на противоположном склоне низины. Самая большая из всех, со стенами и с покатой крышей из неокоренных бревен, она все равно была не очень-то велика. Возможно, была побольше остальных ровно настолько, чтобы называться скорее избушкой, нежели хижинкой.

– Вон тот дом ее. Ее и Лана. Он – ее Страж... Вот выпьете чего-нибудь горячего, и потом...

– Нет. Мне нужно поговорить с Мореин.

Перрин не был удивлен. Все являвшиеся сюда женщины настаивали на немедленном разговоре с Мореин, причем наедине. Новости, которыми Мореин иногда все же делилась с остальными, не всегда представлялись такими уж важными, однако женщины стояли на своем с упорством охотника, преследующего последнего в мире кролика для своей голодающей семьи. Та полузамерзшая старуха-нищенка отвергла одеяла и тарелку горячего рагу и босиком топала к хижине Мореин, несмотря на непрекращающийся снегопад.

Соскочив с седла, Лея передала поводья Перрину:

– Позаботитесь, чтобы ее покормили? – Лея нежно похлопала свою пегую кобылу по морде. – Пиеза не привыкла возить меня по таким буеракам.

– С кормом для лошадей у нас, вообще-то, негусто, – ответил ей Перрин, – но ей мы дадим все, что сможем.

Лея кивнула и, больше не сказав ни слова, торопливо зашагала вверх по склону, приподняв подол ярко-зеленой юбки, и красный плащ с голубой вышивкой колыхался у нее за спиной.

Перрин спрыгнул с коня, перекинулся парой-другой слов с людьми, подошедшими от костров, чтобы увести лошадей. Свой лук юноша отдал тому, кто взял поводья Ходока. Нет, кроме единственного ворона, они не видели ничего, лишь горы и женщину из Туата'ан. Да, ворон мертв. Нет, она ничего не рассказывала им о том, что происходит в мире за пределами гор. Нет, он представления не имеет, уйдут ли они отсюда в ближайшее время.

«Или вообще хоть когда-нибудь», – добавил он про себя. Мореин продержала их тут всю зиму. Шайнарцы не считали, что она вправе отдавать приказы, во всяком случае не здесь, но Перрин не сомневался, что Айз Седай, судя по всему, каким-то образом всегда сумеют настоять на своем. А уж тем более Мореин.

Лошадей повели в сложенную из цельных бревен конюшню, и всадники отправились греться. Перрин снова накинул на плечи плащ и с радостным чувством протянул руки к огню. Большой котел, по виду – байрлонской работы, распространял вокруг себя такие запахи, от которых юноша уже начал исходить слюнками. Похоже, чья-то охота сегодня увенчалась успехом, и округлые корешки, вплотную окружавшие пламя другого костра, издавали аромат, отдаленно напоминающий запеченную репу. Перрин сморщил нос и сосредоточился мыслями на рагу. Все больше и больше хотелось ему мяса, больше чего бы то ни было.

Девушка, одетая по-мужски, неотрывным взглядом провожала Лею, которая как раз вошла в хижину Морейн.

– Что ты видишь, Мин? – спросил Перрин.

Мин подошла и встала рядом с ним, темные глаза смотрели тревожно. Перрин не понимал, почему она так упрямо носит штаны вместо юбок. Да, знал он ее достаточно, но не мог уразуметь, как кто-то, взглянув на Мин, может принять ее за смазливую юношу вместо хорошенькой девушки.

– Лудильщица скоро умрет, – тихо проговорила девушка, оглядывая прочих, собравшихся у костров. Поблизости не было никого, кто бы мог услышать их.

Перрин замер, вспомнив кроткое лицо Леи.

«О Свет! Лудильщики же никогда и никому зла не причиняют! – Несмотря на тепло от костра, его пробрало холодом. – Чтоб мне сгореть, лучше бы я и не спрашивал».

Даже немногие Айз Седай, знающие о даре Мин, не понимали, как он работает. Иногда девушка видела вокруг людей образы и ауры и порой даже могла истолковать, что они означают.

К костру подошел Масима и помешал рагу длинной деревянной ложкой. Шайнарец оглядел Перрина и Мин, потом почесал пальцем длинный нос и, перед тем как отойти, широко ухмыльнулся.

– Кровь и пепел! – пробормотала Мин. – Он, видно, решил, что мы влюбленная парочка, воркующая у костерка.

– Ты в этом уверена? – спросил Перрин. Девушка посмотрела на него, вздернув брови, и он поспешил прибавить: – Насчет Леи.

– Так ее зовут? Лучше бы я не знала. Только хуже становится, когда знаешь и не в силах... Перрин, я видела ее залитое кровью лицо, парящее над плечом, и невидящие глаза. Предзнаменование самое верное, вернее не бывает. – Мин задрожала и принялась с силой тереть ладони друг о друга. – Свет, хотела бы я видеть побольше счастливых знаков! Все счастье будто утекло куда-то.

Перрин открыл было рот, намереваясь сказать о том, что нужно предупредить Лею, но так ничего и не сказал. Сомневаться в тех знаках, которые Мин видела и понимала, не важно – добрых или дурных, никогда не приходилось. Если девушка была в чем-то уверена, то это сбывалось.

– Кровь на лице, – промолвил негромко Перрин. – Значит ли это, что смерть ее будет насильственной?

Он болезненно поморщился оттого, что эти слова дались ему так запросто.

«Но что я могу поделать? Если я скажу Лее, если заставлю ее в это поверить, ничего не изменится, только последние свои дни она проживет в страхе».

Мин чуть заметно кивнула Перрину.

«Если ей суждено быть убитой, это может означать нападение на лагерь».

Но каждый день в горы отправляются разведчики, да и дозорные настороже и днем и ночью. И Морейн, по ее словам, выставляет вокруг лагеря малых стражей; так что ни одно из созданий Темного не увидит лагерь, разве только набредет напрямик на него. Он подумал

о волках. «Нет!» Разведчики наверняка бы обнаружили, если бы кто-то или что-то пыталось подобраться к лагерю.

– Ей предстоит долгая дорога до своих, – вполголоса произнес Перрин. – Дальше предгорий Лудильщики свои фургоны вести не станут. На обратном пути всякое может случиться.

Мин печально кивнула:

– А нас слишком мало, чтобы дать ей в охрану хоть одного. Даже если б от этого и был какой-то толк.

Она как-то уже рассказывала Перрину: когда ей было лет шесть или семь и она впервые поняла, что не все видят зримое для нее, то пыталась предупреждать людей о грядущих бедах. Мин не уточняла, но у него сложилось впечатление, что ее предупреждения только усугубляли ситуацию, если к ним вообще прислушивались. За правду видения Мин нелегко было принимать, им верили, лишь когда жизнь подтверждала их.

– Когда? – спросил Перрин. Его слуху это слово показалось холодным и жестким, как закаленная сталь. «Помочь Лее я ничем не могу, но, быть может, сумею понять, не нападут ли на нас».

Едва услышав его, Мин всплеснула руками, но ответила, не повышая голоса:

– Все не так. Я не могу определить, *когда* произойдет предсказанное. Никогда не могла. Я лишь знаю, что нечто случится, если только сумею понять, что означает увиденное. Ты не понимаешь. Видения не приходят по моему желанию, так же как и осознание их смысла. Они просто случаются, и иногда я их понимаю. Что-то из них. Очень небольшое. Это просто происходит. – Перрин попытался что-то сказать в утешение, но девушку словно прорвало, и у него не было никакой возможности противостоять потоку ее слов. – Вот в один день я вижу какие-то знаки вокруг человека, а на следующий день – уже нет ничего, или наоборот. По большей части я ничего ни у кого не вижу. Конечно, Айз Седай постоянно окружены образами, и Стражи тоже, хотя истолковать их всегда сложнее, чем у прочих. – Она окинула Перрина изучающим взглядом, отчасти украдкой. – И еще кое у кого всегда они есть.

– Не говори мне, что видишь, глядя на меня, – резко бросил он, передернув могучими плечами. Ребенком он был крупнее многих других детей и быстро уяснил, как легко ненароком причинить другим боль, когда превосходишь их ростом или сложением. Это приучило Перрина к осторожности и осмотрительности и заставляло сожалеть о случаях, когда ему не удавалось вовремя обуздать гнев. – Прости меня, Мин. Мне не стоило тебе грубить. Я не хотел тебя обидеть.

Девушка удивленно взглянула на него:

– Ты ничуть меня не обидел. Да будут благословенны те немногие, кому *хочется* знать, что же я вижу. Свет свидетель, я бы точно не захотела – если есть в мире еще кто-то с такими способностями.

Даже Айз Седай никогда не слышали ни о ком, кто бы обладал подобным даром. Они-то полагали, что это дар, пусть даже сама Мин так не считала.

– Дело в том, что я хочу хоть как-то помочь Лее. Мне никак не смириться с этим так, как получается у тебя, – чтобы знать и не иметь возможности ничего сделать.

– Странно, – тихо сказала Мин, – что ты проявляешь такую заботу о Туата'ан. Они крайне миролюбивы, а я всегда вижу насилие вокруг...

Перрин отвернулся, и она сразу же замолчала.

– Туата'ан? – раздался рокошующий голос, словно огромный шмель загудел. – Что там насчет Туата'ан?

Заложив страницу в книгу пальцем, похожим на толстую сосиску, к костру явился составить им компанию огир. Из трубки, что он держал в другой руке, тянулась тонкая струйка табачного дыма. Его плотная куртка из темно-коричневой шерсти, застегнутая на все пуго-

вицы вплоть до высокого воротника, расширялась у колен над отложными голенищами сапог. Перрин, стоя во весь рост, был едва огиру по грудь.

Лицо Лойала испугало многих, с его-то носом такой величины, чтобы зваться рылом, и широченным ртом. Глаза огира размером не уступали блюдцам, кончики густых бровей, свисавших, подобно усам, доходили почти до щек, а из копны длинных волос торчали оканчивающиеся кисточками уши. Некоторые из тех, кто прежде не видал огир, принимали его за троллока, хотя для большинства людей троллоки были такой же сказкой, как и огиры.

Когда Лойал сообразил, что вмешался в чужой разговор, его широкая улыбка поугасла и он заморгал. Перрин подивился, что кто-то вообще боится огир, – ну, разок испугаться можно, когда впервые их увидишь, но потом-то чего страшиться? «Однако в некоторых сказаниях их называют свирепыми и драчливыми, а коль они врагами станут, то непримиримыми и безжалостными». Он не мог в такое поверить. Огиры никому не были врагами.

Мин рассказала Лойалу о появлении Леи, умолчав про свое видение. Обычно она помалкивала про видения, особенно когда они были плохими.

– Ты ведь понимаешь, Лойал, как я себя чувствую, неожиданно-негаданно угодив в одну упряжку с Айз Седай и этими двуреченскими парнями, – продолжила девушка.

Лойал уклончиво хмыкнул, но Мин, похоже, приняла этот звук за согласие.

– Да, – твердо сказала она. – Вот жила-была я в Байрлоне в свое удовольствие, как вдруг меня хватают за шкурку и зашвыривают одному Свету ведомо куда. Что ж, наверное, с таким же успехом я могла бы и дома остаться. Моя жизнь перестала принадлежать мне с тех пор, как я встретила Морейн. И этих двуреченских мальчишек-фермеров. – Она перевела взгляд на Перрина, и губы ее искривила усмешка. – Всего-то и хотела я жить, как мне нравится, влюбиться в человека, которого сама выберу... – Ее щеки вдруг вспыхнули, и она прокашлялась. – То есть я хочу сказать: ну что же в этом плохого – хотеть прожить свою жизнь без всех этих напастей?

– *Та'верен*... – начал Лойал. Перрин замахал рукой, призывая его умолкнуть, но огира редко удавалось перебить, еще реже – заставить замолчать, когда предмет разговора вызывал в нем воодушевление, затрагивая какую-то из его любимых тем. По огирским меркам Лойал считался чрезвычайно несдержанным торопыгой. Он засунул книгу в карман куртки и продолжил, жестикулируя своей трубкой: – Все мы, Мин, всю свою жизнь воздействуем на жизни других. Когда Колесо Времени вплетает человека в Узор, нить жизни каждого из нас тянет за собой жизненные нити окружающих. С *та'верен* то же самое, только происходит это в еще большей, гораздо большей степени. Они стягивают к себе весь Узор – по крайней мере, на какое-то время, – заставляя его нити оплетаться вокруг них. Чем ближе ты к ним, тем больше их влияние на тебя самого. Поговаривают, будто, оказавшись в комнате с Артуром Ястребиное Крыло, можно было ощутить, как сам собой изменяется Узор. Не знаю, насколько это правдиво, но так я читал. Впрочем, существует и обратное воздействие. Сами *та'верен* сотканы в нити более тугие, чем большинство из нас, и выбор у них невелик.

Перрин поморщился: «Проклятье, как же редко этот выбор что-то значит».

Мин тряхнула головой:

– Мне бы просто хотелось, чтобы они не все время были такими... такими растреклятыми *та'верен*. С одной стороны тянут *та'верен*, с другой – вмешиваются Айз Седай. И что же тут под силу сделать женщине?

Лойал пожал плечами:

– Полагаю, весьма мало, пока она остается рядом с *та'верен*.

– Как будто у меня был выбор! – проворчала Мин.

– Тебе выпало большое счастье – или несчастье, если тебе угодно видеть это в таком свете, – оказаться рядом не с одним, а с тремя *та'верен*. Ранд, Мэт и Перрин. Сам я считаю это огромным везением, пусть даже они и не были бы моими друзьями. Думаю, я мог бы даже... – Огир, подергивая ушами, обвел лица собеседников взором, полным неожиданного

стеснения. – Обещаете, что не будете смеяться? Думаю, я мог бы написать книгу об этом. Я уже делаю заметки.

Мин по-дружески улыбнулась, и уши Лойала встали торчком, как прежде.

– Прекрасно, – сказала ему девушка. – Но кое у кого здесь такое чувство, будто эти та'верен вынуждают нас плясать на веревочках, как марионеток.

– Я себе такого не просил! – вспыхнул Перрин. – Не просил такого!

Она не удостоила юношу вниманием.

– Не так ли случилось и с тобой, Лойал? Не оттого ли ты и странствуешь вместе с Морейн? Я знаю, что вы, огиры, почти никогда не покидаете свои стеддинги. Не потащил ли один из этих та'верен и тебя вслед за собой?

Лойал вдруг принялся внимательно рассматривать свою трубку.

– Просто мне захотелось увидеть рощи, которые вырастили огиры, – пробормотал он. – Увидеть рощи, и только. – Он бросил взгляд на Перрина, будто желая получить от него поддержку, но Перрин лишь ухмыльнулся.

«Поглядим, как эта подкова подойдет к твоему копыту». Он не знал всего, но был уверен: Лойал – беглец. Девяноста лет от роду, но, по убеждениям огир, пока что недостаточно зрел, чтобы покидать стеддинг – «выходить во внешний мир», так они это называли – без разрешения старейшин. По людским меркам огиры живут очень долго. Лойал говорил, что вряд ли он встретит у старейшин теплый прием, когда снова окажется в их власти. Судя по всему, Лойал намеревался как можно дольше оттягивать этот миг.

Тут шайнарцы зашевелились, солдаты начали подниматься на ноги. Из хижины Морейн появился Ранд.

Даже на таком расстоянии Перрин мог отчетливо видеть черты его лица, рыжеватые волосы и серые глаза. Юноша был Перрину ровесником и выше его на полголовы – если их поставить рядом друг с другом, – хотя Ранд был стройнее, пусть и широк в плечах. По рукавам его красной куртки с высоким воротом сбежали вышитые золотой нитью шипастые побеги терна, а спереди на темном плаще красовалось то же изображение, что и на знамени, – четырехлапый змей с золотой гривой. Перрин и Ранд выросли вместе и дружили с самого раннего детства. «Остались ли мы по-прежнему друзьями? Сможем ли и дальше ими быть? Даже теперь?»

Шайнарцы как один застыли в поклоне, приподняв голову, но руки опустив до колен.

– Лорд Дракон, – возгласил Уно, – ждем указаний. Служить вам – честь.

Уно, от которого едва ли услышишь хоть одно предложение без ругательства или проклятия, сейчас говорил с глубочайшим уважением. Остальные вторили ему:

– Служить вам – честь.

И Масима, взор которого, отыскивающий во всем дурное, в эту минуту сиял беспредельным почтением, и Раган, и все прочие замерли в ожидании приказа, если Ранду будет угодно отдать его.

Ранд бросил на них мимолетный взгляд с высоты склона, затем повернулся и скрылся среди деревьев.

– Опять он с Морейн спорил, – тихо промолвила Мин. – Сегодня – весь день.

Перрин не был удивлен, но все же испытал легкое потрясение. Спорил с Айз Седай... Сразу припомнилось все слышанное в детских сказках. Айз Седай, которые по своему хотению, дергая за тайные ниточки, заставляют танцевать троны и целые страны. Айз Седай, у подарка которых всегда имелся незримый крючок, а цена за подарок всегда была меньшей, чем ты мог поверить, но всегда оказывалась куда большей, чем можно было представить. Айз Седай, чей гнев мог дробить землю и насылать молнии. Кое-какие из этих историй, как теперь знал Перрин, не были правдой. И в то же время они не открывали и половины всего.



– Пойду-ка я лучше за ним, – сказал Перрин. – После их споров ему всегда нужен кто-то, кому он должен выговориться.

Кроме Морейн и Лана, в поселке лишь они трое – Мин, Лойал и он – не взирали на Ранда так, будто тот стоял превыше всех королей мира. А из них троих только Перрин знал Ранда дольше.

Он зашагал вверх по склону, помедлив чуть, чтобы взглянуть на закрытую дверь хижины Морейн. Лея сейчас наверняка там, как и Лан. Страж редко позволял себе удаляться от Айз Седай, все время держась рядом с ней.

Рандова хижина была далеко не таких размеров, зато стояла ниже по склону, неприметная среди деревьев и в сторонке от остальных. Поначалу Ранд пытался жить внизу, вместе с остальными обитателями лагеря, но их непрерывный пиетет выводил его из себя. Теперь он держался наособицу. Даже чересчур наособицу, считал Перрин. Впрочем, он знал, что сейчас Ранд направился не к себе в хижину.

Перрин поспешил туда, где склон напоминавшей чашу низины в одном месте внезапно превращался в крутую скалу пятидесяти ярдов в высоту, ее гладкий камень сумел одолеть лишь жесткий кустарник, там и тут упрямо цепляющийся за трещины. Юноша точно знал, где именно в серой каменной стене есть расщелина, проем едва шире его плеч. От света дня, клонящегося к вечеру, осталась только узкая полоска над головой, и казалось, будто шагаешь по спуску в туннель.

Через полмили расщелина резко распахнулась в узкую долину, едва ли в милю длиной, ее скалистое дно было усыпано валунами и глыбами, и даже крутые склоны густо поросли высокими болотными миртами, соснами и елями. Из-за солнца, усевшегося на вершины гор, протянулись длинные тени. За исключением расщелины, скалистые стены этого места были монолитны и столь круты, будто по горам здесь рубанули гигантским топором. Эту долинку еще проще было бы оборонять горсткой людей, чем низину-чашу, но здесь не было ни ручья, ни родника. Никто не ходил сюда. Кроме Ранда, после споров с Морейн.

Ранд стоял неподалеку от входа в долину, опираясь спиной о шершавый ствол болотного мирта и разглядывая свои ладони. Перрин знал, что на каждой из них выжжена цапля. Каблук Перрина шаркнул по камню, но Ранд даже не шевельнулся.

Внезапно Ранд принялся тихо декламировать, не отрывая взгляда от своих рук:

Дважды и дважды он будет отмечен,  
Дважды – жить, и дважды – умереть.  
Раз – цаплей, дабы на путь направить.  
Два – цаплей, дабы верно назвать.  
Раз – Дракон, за память утраченную.  
Два – Дракон, за цену, что заплатить обязан...

С содроганием он заложил свои ладони под мышки.

– Но никаких Драконов еще нет. – Ранд хрипло рассмеялся. – Пока нет.

С минуту Перрин просто смотрел на него. На мужчину, способного направлять Единую Силу. Мужчину, обреченного на безумие из-за порчи на *саидин*, мужской половине Истинного Источника, – безумие, впав в которое он, несомненно, уничтожит вокруг себя все и вся. Человек – тварь! – страх и отвращение к которой с детства возвращены у каждого. И все же... тяжело перестать видеть в нем мальчишку, вместе с которым вырос. «Как можно вообще вдруг взять и *перестать* быть кому-то другом?» Перрин выбрал плоский валун поудобнее, уселся на него и стал ждать.

Наконец Ранд обернулся и посмотрел на него:

– Как думаешь, Мэт в порядке? Последний раз, когда я его видел, он выглядел таким больным.

– С ним наверняка все хорошо.

«Сейчас он небось уже в Тар Валоне. Там они его Исцелят. А Найнив и Эгвейн удержат его подальше от неприятностей». Эгвейн и Найнив, и Ранд с Мэтом и Перрином. Все пятеро – из Эмондова Луга, что в Двуречье. Мало кто являлся в Двуречье из большого мира, не считая заезжих торговцев и немногих купцов, ежегодно закупавших шерсть и табак. И почти никто не покидал Двуречья. До тех пор, пока Колесо не избрало себе та'верен и пятеро простых сельских жителей не могли больше оставаться там, где прежде были. Не могли больше быть теми, кем прежде были.

Ранд кивнул, по-прежнему храня молчание.

– В последнее время, – произнес Перрин, – я ловлю себя на том, что желал бы остаться кузнецом. А ты... Хотел бы ты по-прежнему быть пастухом?

– Долг, – пробормотал Ранд. – Смерть легче перышка, долг тяжелее, чем гора. Так говорят в Шайнаре. «Темный зашевелился. Близится час Последней битвы. И Дракон Возрожденный должен встать против Темного в Последней битве, иначе Тень поглотит все. Колесо Времени будет сломано. Каждая эпоха будет перекроена по меркам Темного». И есть лишь я. – Ранда охватил безрадостный смех, плечи затряслись. – Я должен, потому что нет никого больше.

Перрин встревоженно поерзал. Этот смех был как тупое лезвие, и от этого смеха у него мурашки по коже побежали.

– Я так понял, вы снова с Морейн спорили. Все о том же?

Ранд сделал глубокий, неровный вдох:

– Разве не об одном и том же мы спорим всякий раз? Они там, внизу, на равнине Алмот, и один только Свет ведает, где еще. Их сотни. Тысячи. Они заявляют, что выступают за Возрожденного Дракона, потому что я поднял то знамя. Потому что я позволил провозгласить себя Драконом. Потому что иного выбора не видел. И они гибнут. Сражаются за человека, который вроде как должен был повести их. Сражаются за него, ищут его, молятся за него. И умирают. А я всю зиму сижу здесь, в горах, в безопасности. Я... я обязан им...

– Думаешь, мне это нравится? – Перрин раздраженно покачал головой.

– Вечно ты соглашаешься с тем, что она тебе говорит, – сердито заметил Ранд. – Никогда слова ей поперек не скажешь.

– Много же толку для тебя в том, что ты с ней грызешься. Всю зиму ты с ней в перепалках провел, и всю эту зиму мы проторчали тут как болваны.

– Потому что она права. – Ранд снова рассмеялся тем своим пугающим смехом. – Испепели меня Свет, она права. Они все распались на мелкие отряды, рассеянные по всей равнине, по всему Тарабону и Арад Доману. Если я присоединюсь к любому – белоплащники, доманийская армия и тарабонцы разделяются с нами, как утка с жуком.

Перрин чуть сам не рассмеялся от замешательства.

– Но раз ты с ней согласен, отчего же, во имя Света, ты все время с ней пререкаешься?

– Потому что мне нужно сделать хоть что-то. Иначе... Иначе я лопну, как переспелая дыня!

– Что сделать? Если б ты прислушивался к тому, что она говорит...

Ранд не дал ему возможности досказать, что они, мол, осядут здесь навечно.

– Морейн говорит! Морейн говорит! – Ранд резко выпрямился, обхватив голову руками. – У Морейн всегда есть что сказать по любому поводу! Морейн говорит, что я не обязан идти к людям, которые умирают за мое имя. Морейн говорит: я узнаю, что делать дальше, потому что Узор вынудит меня к этому. Морейн говорит! Но она ни разу не сказала, как именно я узнаю. О нет! Этого она и сама не знает. – Руки его безвольно упали, и он повернулся к Пер-

рину, склонив голову набок и сузив глаза. – Иногда мне чудится, будто Морейн испытывает меня, проверяет, на что я способен, словно оценивает породистого тайренского жеребца. Ты такое когда-нибудь чувствовал?

Перрин прошелся пятерней по своей курчавой шевелюре.

– Я... Что бы там нас ни подталкивало или ни тянуло, но я знаю, Ранд, кто наш враг.

– Ба'алзамон, – тихо промолвил Ранд. Древнее имя Темного. На языке троллоков оно значит Сердце Тьмы. – И я, Перрин, должен встретиться с ним лицом к лицу. – Он закрыл глаза, лицо его исказила судорога болезненной улыбки. – Помоги мне Свет, какая-то моя половина хочет, чтобы это произошло немедленно, вот сразу взять и покончить с этим, а другая половина... И сколько раз мне удастся... Свет, это так тянет меня, не дает покоя. А если я не сумею... Что, если я...

Земля сотряслась.

– Ранд? – обеспокоенно окликнул Перрин.

Ранда охватила дрожь; несмотря на вечерний холод, лицо у него покрылось потом. Глаза его по-прежнему были крепко зажмурены.

– О Свет, – простонал он, – это так тянет...

Почва под Перрином вдруг заходила ходуном, и по долине, отражаясь эхом, разнесся сильный грохот. Перрину показалось, будто землю рывком выдернули у него из-под ног. Он упал – или же земля сама прыгнула ему навстречу. Долину трясло так, словно протянувшаяся с неба гигантская рука стремилась вырвать, вывернуть ее из горного кряжа. Перрин цеплялся за землю, а та прыгала под ним, пытаясь подкинуть его, как мяч. Голыши и булыжники мелькали перед глазами, и столбами вздымалась пыль.

– Ранд! – Вопль Перрина затерялся в рокошующем громе.

Ранд стоял, запрокинув голову, по-прежнему зажмурив глаза. Казалось, он не чувствовал, как перемалывалась земля, наклоняя его в разные стороны. Ни один из толчков, невзирая на их силу, не лишил его равновесия. Хотя Перрин и не был уверен, поскольку его трясло и дергало туда-сюда, но ему почудилась на лице Ранда печальная улыбка. Деревья мотало из стороны в сторону, и внезапно болотный мирт раскололся надвое; большая часть ствола рухнула не далее трех шагов от Ранда. Тот не заметил этого, как и всего остального.

Перрин изо всех сил пытался наполнить грудь воздухом.

– Ранд! Во имя любви к Свету, Ранд! Прекрати!

И столь же внезапно, как и началось, все завершилось. Надломленная ветвь с громким треском отпала от низкорослого дуба. Откашливаясь, Перрин медленно поднялся на ноги. Пыль густо висела в воздухе, искорками мерцая в лучах заходящего солнца.

Ранд стоял, уставившись в пустоту, грудь его вздымалась, словно он пробежал с десяток миль. Никогда прежде такого не случалось, даже чего-то отдаленно похожего.

– Ранд, – осторожно вымолвил Перрин, – что?..

Ранд, казалось, все так же смотрел на что-то далекое.

– Она всегда там. Зовет меня. Тянет меня к себе. Саидин. Мужская половина Истинного Источника. Иногда мне не удается удержаться, и я сам тянусь к ней. – Он сделал движение, будто хватая в воздухе нечто невидимое, и перевел взор на сжатый кулак. – И, даже еще не успев ее коснуться, я ощущаю порчу. Пятно Темного, подобное мерзкому тонкому налету, пытающемуся скрыть Свет. Меня наизнанку выворачивает, но удержать себя я не в силах. Не могу! Но иногда я тянусь – и будто воздух пытаюсь схватить. – Ладонь его раскрылась, пустая, и он издал горький смех. – А что, если такое случится, когда грянет Последняя битва? Если я потянусь и ничего не ухвачу?

– Ну, на этот раз ты уж точно что-то схватил, – хрипло заметил Перрин. – А что вообще ты делал?

Ранд озирался вокруг, словно бы узрел мир впервые. Поваленный болотный мирт, обломанные сучья. Перрин вдруг осознал, что разрушения на удивление невелики. Он-то ожидал обнаружить зияющие разломы в земле. Но стена деревьев вокруг выглядела почти невредимой.

– Такого я не хотел натворить. Получилось так, будто я хотел открыть кран в бочке, а вместо этого вырвал его с корнем. Она... наполняет меня. Я должен выплеснуть ее куда-нибудь, пока она меня не выжгла изнутри, но я... Ничего такого я не хотел.

Перрин покачал головой. «Что толку говорить ему, чтобы он постарался такого больше не делать? Ему едва ли больше моего известно о том, что именно он делает». Поэтому он ограничился такими словами:

– Желающих твоей смерти – да и всех нас заодно – и без того хватает, нечего тебе за них работать. – (Ранд словно его не слышал.) – Лучше бы нам в лагерь вернуться. Скоро стемнеет, и уж не знаю, как ты, а я точно проголодался.

– Что? Ох! Ступай, Перрин. Я скоро буду. Мне надо еще недолго побыть одному.

Перрин постоял в нерешительности, потом неохотно повернулся к расщелине в каменной стене долины. Но, и пары шагов не пройдя, он остановился, потому что Ранд вновь заговорил:

– Тебе ночью что-нибудь снится? Хорошие сны?

– Случается, – сдержанно ответил Перрин. – Я не многое помню из того, что мне снится. Он обучился ограждать свой сон стражами.

– Они всегда со мной, эти сны, – промолвил Ранд так тихо, что Перрин едва услышал друга. – Может статься, они говорят о чем-то. О чем-то истинном. – Он умолк, погруженный в раздумья.

– Ужин стынет, – сказал Перрин, но Ранд пребывал всецело в плену собственных мыслей. В конце концов Перрин повернулся и ушел, оставив Ранда стоять в одиночестве.

### Глава 3. Вести с равнины



Тьма окутала часть расщелины – в одном месте толчки обрушили кусок скальной стены, перекрыв проход сводом. Перед тем как проскочить под ним, Перрин с сомнением посмотрел на черноту над головой, но, похоже, каменная плита держалась прочно, как клин. Зуд снова вонзился в затылок, и сильнее, чем прежде. «Нет, чтоб мне сгореть! Нет!» Зуд прошел.

Когда юноша выбрался на склон над лагерем, чашу низины наполняли причудливые тени от заходящего солнца. Морейн стояла возле своей хижины, глядя вверх на расщелину. Перрин остановился. Она была стройной темноволосой женщиной, ростом ему по плечо, и к тому же привлекательной, с той печатью безвозрастности, присущей всем Айз Седай, не один год прибегавшим к использованию Единой Силы. Перрину никак не удавалось определить ее возраст: лицо было слишком гладким для женщины зрелых лет, а темные глаза – слишком мудрыми для юной особы. Запыленное платье темно-синего шелка было в беспорядке, из прически, обычно гладко уложенной, выбивались пряди. Длинный мазок пыли пересекал ее лицо.

Перрин потупил взгляд. Морейн что-то знала о нем – только она и Лан из всех людей в лагере, – и ему совсем не по душе было понимающее выражение ее лица, когда она глядела ему в глаза. Желтые глаза. Быть может, когда-нибудь он соберется с духом и спросит о том, что именно она знает. Айз Седай должна знать об этом больше его. Но сейчас не самое подходящее время. Похоже, что подходящий момент так никогда и не наступит.

– Он... он не хотел... Это вышло нечаянно...

– Нечаянно, – промолвила Морейн ровным голосом, затем тряхнула головой и скрылась в своей избушке. Дверь, грохнув, захлопнулась, но грохнула она, пожалуй, слишком громко.

Глубоко вздохнув, Перрин направился вниз, к кострам, где готовилась еда. Ранд наверняка снова станет спорить с Айз Седай, если не нынче вечером, то утром.

На склонах низины лежало с полдюжины поваленных деревьев; во все стороны торчали вырванные из почвы корни с комьями облепившей их земли. Вниз, к берегу ручья, шла полоса ободранной и взрыхленной почвы, след вел к валуну, которого раньше там не было. Одна из хижин на противоположном склоне рухнула из-за сотрясения земли, и вокруг нее собралась большая часть шайнарцев. Вместе с ними домик восстанавливал и Лойал. Огир мог поднять бревно, перенести которое под силу было лишь четверым мужчинам. Изредка доносились проклятия Уно.

Мин стояла у костра, с недовольным выражением лица помешивая в котле. На щеке у нее появился небольшой синяк, а в воздухе повис едва уловимый запах подгорелого рагу.

– Ненавижу стряпать, – заявила девушка, с сомнением всматриваясь в котел. – Если с едой выйдет что не так, то я ни при чем. Ранд чуть не половину котла в костер выплеснул своей... По какому праву он вздумал швырять нас туда-сюда? Мы ему что, мешки с зерном? –

Она потрогала себя пониже талии и поморщилась. – Вот попадется он мне в руки, так ему залеплю – век не забудет.

Она замахнулась деревянной ложкой на Перрина, словно намереваясь начать свой урок с него.

– Пострадал кто-нибудь?

– Ушибы разве станешь считать? – мрачно сказала Мин. – Поначалу они были вне себя, само собой. Потом увидели Морейн, уставившуюся в сторону Рандова убежища, и решили, что это его рук дело. А уж если *Дракон* желает сбросить нам гору на голову, значит у *Дракона* есть на то достойная причина. Если он соизволит заставить их содрать с себя собственную шкуру и поплясать на своих костях, они примут это как должное. – Девушка фыркнула и постучала ложкой по краю котла.

Перрин оглянулся на жилище Морейн. Если бы Лея пострадала – если бы погибла, – то Айз Седай не ушла бы туда столь спокойно. Чувство, что должно что-то случиться, по-прежнему не покидало его. «Что бы это ни было, оно еще не произошло».

– Мин, наверно, тебе лучше уйти отсюда утром, сразу же. У меня найдется для тебя немного серебра, и, я уверен, Морейн даст тебе столько, чтобы хватило заплатить за дорогу вместе с купеческим караваном из Гэалдана. Оглянуться не успеешь, как уже в Байрлоне окажешься.

Девушка так долго глядела на него, что Перрин начал думать, не ляпнул ли он чего-то неподобающего. В конце концов она сказала:

– Ты очень добр, Перрин. И все же – нет.

– Мне казалось, ты сама не прочь была уйти. Всегда ведь злилась, что тебе приходится торчать здесь.

– Знала я когда-то одну старуху из Иллиана, – медленно промолвила Мин. – В пору ее юности мать устроила для нее замужество с человеком, которого та прежде никогда не видела. Бывает, там, в Иллиане, так поступают. Старушка рассказывала, что первые пять лет она злилась на мужа, все бранила, а потом еще пять лет всячески отравляла ему жизнь – исподтишка, так чтобы он не знал, кого винить. И, как она говорила, лишь годы спустя, когда он умер, поняла, что на самом деле любила его без памяти.

– Не пойму, как одно с другим связано.

Во взгляде Мин читалась уверенность в том, что он этого и не пытался понять, а в голосе ее слышалось беспредельное терпение:

– Путь, навязанный тебе судьбой, не обязательно плох лишь потому, что не ты его выбрал. Пускай даже сам ты такой участи и вовек бы не пожелал. «Лучше десять дней любви, чем годы сожалений». – Она будто бы процитировала чьи-то слова.

– Теперь я понимаю и того меньше, – сказал ей Перрин. – Тебе вовсе незачем тут оставаться, если это против твоего желания.

Мин повесила ложку на высокую деревянную рогатку, воткнутую в землю, затем, к его удивлению, поднялась на цыпочки и поцеловала его в щеку.

– Ты очень мил, Перрин Айбара. Даже когда совершенно ничего не понимаешь.

Он растерянно моргал, глядя на нее. Уж лучше бы здесь был Ранд, в здравом уме, или хотя бы Мэт. Перрин никогда не умел вести себя с девушками, а Ранду, похоже, было известно, как с ними ладить. Да и Мэту тоже; пусть дома, в Эмондовом Лугу, большинство девиц лишь фыркали, утверждая, что он никогда не повзрослеет, но, кажется, у него всегда находился к ним подход.

– А как ты сам, Перрин? Разве тебе не хочется податься в родные места?

– Все время! – с горячностью ответил он. – Но я... я не уверен, что могу. Пока нет. – Перрин взглянул в ту сторону низины, где был проход в долинку Ранда. «Видно, мы с тобой накрепко связаны, верно, Ранд?» – А может, и вообще никогда.



Юноша подумал, что произнес это слишком тихо и она не услышала, но Мин ответила ему взглядом, полным сочувствия. Сочувствия и согласия с ним.

Слух его уловил позади тихие шаги, и Перрин обернулся к хижине Морейн. В сгущающихся сумерках двигались два силуэта, один был женским – стройная фигурка изящно и ловко спускалась, несмотря на изрытый неровный склон. Мужчина же, чья голова и широкие плечи возвышались над спутницей, вскоре повернул туда, где трудились шайнарцы. Даже для взора Перрина его фигура была плохо различима и расплывалась, то будто исчезая целиком и появляясь вновь, то под порывами ветра пропадая частями и потом обратно возникая из ночи. Такое мог сделать только меняющийся цвета плащ Стража, что выдавало в большей фигуре Лана, тогда как меньшей была, разумеется, Морейн.

Далеко позади них, меж деревьев, проскользнула еще одна тень, почти совсем незаметная.

«Это Ранд, – подумал Перрин, – возвращается в свою хижину. Он и этим вечером решил обойтись без ужина, потому что не в силах вынести те взгляды, какими все вокруг на него смотрят».

– Похоже, у тебя глаза и на затылке, – сказала Мин. Нахмурившись, она всматривалась в фигуру приближающейся женщины. – Или же самые чуткие на свете уши, какие я знаю. Это Морейн?

«Я неосторожен». Перрин успел привыкнуть к тому, что шайнарцам хорошо известно, какое у него острое зрение – по крайней мере, днем; но похоже, они стали догадываться, что и ночью он видит не хуже. «И неосторожность вполне может погубить меня».

– С женщиной из Туата'ан все в порядке? – спросила Мин, когда Морейн подошла к костру.

– Она отдыхает. – Негромкий голос Айз Седай был, по обыкновению, музыкален, словно речь ее была наполовину песней, а наряд и прическа вновь пребывали в совершенном порядке. Она принялась растирать ладони над огнем. На ее левой руке блеснуло золотое кольцо: змей, кусающий собственный хвост. Великий Змей, еще более древний символ вечности, чем Колесо Времени. Каждая женщина, прошедшая обучение в Тар Валоне, носила такое кольцо.

На мгновение испытующий взор Морейн задержался на Перрине и, как ему почудилось, увидел больше, чем нужно.

– Она упала и разбила голову, когда Ранд... – Морейн поджала губы, но уже через миг лицо ее снова выражало безмятежное спокойствие. – Я Исцелила ее, и сейчас женщина спит. Кровь всегда хлещет рекой даже при небольших ранениях головы, но это был пустяк. Мин, ты видела что-то о ней?

Мин смутилась:

– Я видела... По-моему, я видела ее смерть. Ее лицо, все в крови. Я думала, что распознала значение этого, но раз уж она поранила голову... Вы уверены, что с ней все в порядке?

Вопрос Мин выдавал, насколько она взволнована. Айз Седай, Исцеляя, не оставляют незалеченных ран, если те поддаются Исцелению. А таланты Морейн в этой области отличались особой силой.

Голос Мин прозвучал настолько встревоженно, что на секунду Перрин изумился. Затем мысленно кивнул сам себе. Мин совсем не по нраву то, что она делает, но это стало частью ее натуры; Мин считала, что понимает, как работает ее дар, хотя бы отчасти. Ошибиться для нее – все равно что обнаружить, что она не знает, как поступить ей с собственными руками.

Морейн ненадолго задумалась над словами девушки, по-прежнему хладнокровная и безмятежная.

– Ты еще ни разу не ошиблась в истолковании знаков, как в отношении меня, так и касательно других, о ком я когда-либо слышала. Возможно, это случилось впервые.

– Уж если я знаю, то знаю, – упрямо прошептала Мин. – Это точно, да поможет мне Свет.

– Или, возможно, это еще не свершилось. Ей еще предстоит долгий путь, обратно к родным фургонам, а пробираться придется через беспокойные места.

Голос Айз Седай прозвучал холодной песней, далекой и равнодушной. Перрин невольно издал горлом какой-то возмущенный звук.

«Свет, я что, тоже говорил таким тоном? Не позволю себе относиться к смерти как к чему-то столь для меня маловажному».

Морейн посмотрела на него, словно он произнес это вслух:

– Перрин, Колесо плетет так, как желает Колесо. Когда-то я говорила вам, что мы все – на войне. Мы не сложим оружия только потому, что кто-то из нас может погибнуть. Любой из нас может погибнуть, прежде чем все будет кончено. Пусть избранное Леей оружие и отличается от твоего, но она все понимала, когда решила встать на этот путь.

Перрин опустил взгляд.

«Возможно, так оно и есть, Айз Седай, но я никогда не стану относиться к этому так, как ты».

К костру с другой стороны подошел Лан, вместе с ним – Уно и Лойал. Языки пламени отбрасывали на лицо Стража дрожащие тени, отчего оно больше обычного казалось высеченным из камня и как будто все состояло из одних твердых граней и углов. Смотреть на его плащ в свете костра не стало легче. Подчас он виделся обычным, темно-серым или черным, но стоило приглядеться попристальней, как начинало казаться, что серый и черный цвета ползут и меняются местами, а тени и полутени скользят по плащу или даже впиваются в него. Иногда же чудилось, будто Лан как-то проделал дыру в ночи и натянул тьму себе на плечи. Отнюдь не самое умиротворяющее зрелище, и оно не становилось приятней при взгляде на того, кто носил этот плащ.

Рослый и крепко сложенный, широкоплечий, с глазами голубыми, как замерзшие горные озера, Лан двигался с такой смертоносной грацией, что меч на бедре казался его неотъемлемой частью. Он выглядел не просто способным нести насилие и смерть; этот человек приручил насилие и смерть и держал у себя в кармане, готовый высвободить их за один удар сердца или принять на себя, стоит только Морейн отдать приказ. Рядом с Ланом даже бывалый вояка Уно представлялся менее опасным. Седина коснулась длинных волос Стража, перехваченных пересекавшим лоб плетеным кожаным шнурком, однако бойцы и помоложе не решались вставать на пути Лана – если у них хватало ума.

– Госпожа Лея доставила нам с равнины Алмот обычные новости, – объявила Морейн. – Все сражаются со всеми. Горят деревни. Народ разбегается кто куда. И на равнине появились охотники, разыскивающие Рог Валир.

Перрин переступил с ноги на ногу; Рог находился там, где его не найдет ни один охотник с равнины Алмот; во всяком случае, он надеялся, что никакой охотник Рог не отыщет, – и Морейн, перед тем как продолжить, смерила юношу ледяным взглядом. Ей не нравилось, когда кто-то из них заговаривал о Роге. Не считая, разумеется, тех случаев, когда она сама заводила о нем речь.

– Также она принесла и другие известия. Белоплащников на равнине Алмот набирается тысяч пять, по-видимому.

– Эти растрекля... – заворчал Уно. – Ой, прошу прощения, Айз Седай. Это, должно быть, половина их наличных сил. Прежде они никогда не собирали так много воинов в одно место.

– Тогда, полагаю, все сторонники Ранда на равнине перебиты или рассеяны, – пробормотал Перрин. – Или скоро будут. Морейн, вы были правы.

Не нравилось Перрину размышлять о белоплащиках. Он вообще не любил Детей Света.

– В этом-то и странность, – сказала Морейн. – Или, точнее, одна ее часть. Дети Света заявляют, что их цель – установить мир, в этом ничего необычного для них нет. Необычно вот

что: стараясь вытеснить тарабонцев и доманийцев обратно в границы их собственных земель, они еще ни разу не двинули войска против тех, кто выступает в поддержку Дракона.

Мин удивленно воскликнула:

– Точно? Она уверена в этом? Не похоже на тех белоплащников, о которых мне доводилось слышать.

– Вряд ли на равнине осталось много прок... э-э... много Лудильщиков, – заметил Уно. Голос его чуть ли не скрипел от напряжения – ему немалых усилий стоило следить за своим языком в присутствии Айз Седай. А живой его глаз сердито шурился, став таким же недобрым, как и нарисованное око. – Им не по нраву оставаться там, где пахнет бедой, особенно там, где идут сражения. И вряд ли их там достаточно, чтобы все увидеть.

– Для моих целей – достаточно, – твердо заявила Морейн. – Большинство Лудильщиков ушло, но кое-кто остался, раз я попросила. И Лея совершенно уверена в том, что мне рассказала. Да, Чада захватили кое-кого из преданных Дракону – там, где тех было совсем мало. Но хоть белоплащники и заявляют во всеуслышание, что низвергнут этого Лжедракона, хоть и отрядили тысячу воинов, якобы исключительно ради того, чтобы выследить его, – они избегают каких бы то ни было столкновений с любым отрядом преданных Дракону людей, если их более полусотни. Не явным образом, понятно, но всегда случается какая-то заминка или что-то другое, и преследуемым удается ускользнуть.

– Тогда Ранд может отправиться к ним, раз ему так этого хочется. – Лойал неуверенно заморгал, глядя на Айз Седай. Всем в лагере было известно о ее спорах с Рандом. – Колесо сплетает путь для него.

Уно и Лан одновременно раскрыли рот, намереваясь что-то сказать, но шайнарец уступил, отвесив легкий поклон.

– Больше похоже, – заметил Страж, – на какую-то хитрую затею белоплащников, хотя испепели меня Свет, если я понимаю, в чем она состоит. Однако, если белоплащники преподнесут мне подарок, я стану искать запрятанную в нем отравленную иглу.

Уно угрюмо кивнул.

– Кроме того, – добавил Лан, – доманийцы и тарабонцы продолжают истреблять преданных Дракону столь же безжалостно, как убивают друг друга.

– Есть еще одно обстоятельство, – сказала Морейн. – В деревнях, мимо которых проезжали фургоны госпожи Леи, погибло трое молодых людей.

Перрин приметил, как у Лана дрогнуло веко; для Стража это был столь же яркий знак удивления, как для другого – вскрик. Лан явно не ожидал, что Морейн станет об этом рассказывать. Но она продолжила свою речь:

– Один был отравлен, двое пали от ножа. Причем ни в первом случае, ни в двух других никто не смог бы подобраться к ним, оставшись незамеченным. – Айз Седай глядела на пляску пламени. – Все трое погибших рост имели выше среднего, а глаза у них были светлые. Светлые глаза – редкость на равнине Алмот, так что, думаю, крайне некстати сейчас появляться там высокому юноше со светлыми глазами.

– Как? – спросил Перрин. – Как их убили, если никто не мог подобраться к ним?

– У Темного есть убийцы, которых ты не заметишь, пока не станет слишком поздно, – тихо пояснил Лан.

– Бездушные, – содрогнулся Уно. – Никогда прежде не слышал ни об одном из таких к югу от Пограничных земель.

– Хватит болтать об этом, – твердо сказала Морейн.

На языке у Перрина вертелись вопросы: «Во имя Света, что такое эти Бездушные? Они на троллоков похожи или на Исчезающих? Или на что?» – но он оставил их невысказанными. Раз уж Морейн решила, что о чем-либо сказано было достаточно, она больше не станет об этом

говорить. А когда помалкивает она, рот Лана хоть железным ломом раздвигай, толку не будет. Шайнарцы тоже поступали согласно ее воле. Никому не хочется сердить Айз Седай.

– О Свет! – пробормотала Мин, с опаской вглядываясь в сгущающуюся вокруг темень. – Так их и *не заметишь*? О Свет!

– Значит, ничего не изменилось на самом деле, – угрюмо сказал Перрин. – Спускаться на равнину нам нельзя, и Темный желает нам смерти.

– Все меняется, – спокойно сказала Морейн, – и Узор все вбирает в себя. Мы должны следовать Узору, а не веяниям момента. – И, оглядев всех по очереди, Морейн спросила: – Уно, ты уверен, что твои разведчики не упустили ничего подозрительного? Даже самой малости?

– Перерождение лорда Дракона ослабило скрепы определенности, Морейн Седай, да и в схватке с мурддраалом никогда не бывает уверенности в исходе, но я готов жизнь свою поставить на то, что разведчики справляются ничуть не хуже любого Стража.

Это была едва ли не самая длинная речь без единого проклятия или ругательства, какую Перрину когда-либо приходилось слышать от Уно. У того аж пот на лбу проступил от напряжения.

– Как и все мы, – заметила Морейн. – То, что сделал Ранд, для любого мурддраала на десять миль окрест было бы сигнальным костром на вершине горы.

– Может... – неуверенно начала Мин. – Может, вам лучше выставить малых стражей, которые не подпустят их?

Лан обратился к ней суровый взгляд. Страж иногда и сам подвергал сомнению решения Морейн, хотя редко поступал так на людях, но он нисколько не одобрял подобного со стороны других. Мин не преминула ответить ему хмурым взором.

– Ну, мурддраалы и троллоки – немалое зло, но их я все же могу увидеть, – сказала девушка. – Мне не нравится мысль, что один из этих... этих Бездушных может прокрасться сюда и перерезать мне горло, а я его даже не замечу.

– Малые стражи, что я сплела, укроют нас от Бездушных, как и от прочих отродий Тени, – промолвила Морейн. – Если силы твои невелики, вот как у нас, зачастую самое лучшее решение – спрятаться. Если здесь поблизости *есть* Получеловек, так близко, чтобы... Что ж, выставить стражей, способных убить Полулюдей, которые попытаются проникнуть в лагерь, – это выше моих способностей, а если бы и было по силам, такое охранение просто заперло бы нас тут. И поскольку невозможно одновременно выставить сразу два вида малых стражей, то защищать нас я предоставляю разведчикам, дозорным и Лану – и сплету одно охранение, такое, от которого будет какой-то толк.

– Я могу сделать обход вокруг лагеря, – сказал Лан. – Если разведчики что-то упустили, я обнаружу.

Это было не хвастовством, а просто изложением факта. Даже Уно кивнул согласно.

Морейн покачала головой:

– Если, мой Гайдин, ты понадобишься сегодня вечером, это будет здесь. – Она подняла взор на окружающие низину темные горы. – Такое чувство, будто что-то нависло.

– Ожидание. – Слово сорвалось у Перрина с языка раньше, чем он успел его прикусить. Когда Морейн посмотрела на него – прямо в душу, – он пожелал вернуть сказанное обратно.

– Да, – сказала она. – Ожидание. Уно, позаботься о том, чтобы твои часовые ночью были особо настороже.

Напоминать воинам держать оружие всегда под рукой нужды не было: шайнарцы так и делали.

– Спокойной ночи, – добавила Морейн, обращаясь ко всем, как будто такое было теперь возможно, а потом направилась к своему жилищу.

Лан оставался возле костра ровно столько, сколько потребовалось на то, чтобы вычерпать ложкой три миски рагу, после чего он поспешил вслед за Айз Седай, и его фигуру очень скоро поглотил ночной мрак.

Когда остававшиеся возле костра наконец отправились в темноту следом за Стражем, глаза Перрина отливали золотом.

– Спокойной ночи, – пробормотал он. Запах тушеного мяса внезапно вызвал у него тошноту. – Уно, у меня третья стража? – (Шайнарец кивнул.) – Ну, тогда попробую последовать ее совету.

К кострам подходили другие обитатели лагеря, и, поднимаясь по склону, Перрин слышал долетавшие до него приглушенные обрывки их разговоров.

У него была своя хижина – сложенное из бревен небольшое жилище, высота которого едва позволяла юноше распрямиться во весь рост, а щели между бревнами были промазаны давно высохшей глиной. Почти половину хижины занимала грубо сколоченная кровать, матрасом служил сосновый лапник, накрытый одеялом. Расседлавший коня Перрина шайдарец также принес и поставил за дверь его лук. Повесив пояс с топором и колчаном на торчавший из стены колышек, Перрин разделся и поежился, отгоняя дрожь. Ночи в предгорьях оставались по-прежнему холодными, но холод не давал ему крепко спать. Глубокий сон приносил видения, отмахнуться от которых не получалось.

Забравшись под единственное одеяло, Перрин какое-то время лежал, разглядывая бревенчатый потолок и вздрагивая от холода. Потом уснул, и вместе с ночным забытием пришли сны.

## Глава 4. Тени и сны



Холод наполнял общую залу гостиницы, несмотря на огонь, пылавший в большом каменном очаге. Сколько Перрин ни тер руки, протянув их поближе к пламени, ему никак не удавалось согреть их. И все же холод нес какое-то странное успокоение, словно он служил неким щитом. Но от чего ограждал этот щит – Перрин понять не мог. Какое-то бормотание раздавалось в глубине его сознания – и этот шепоток, неясный, едва различимый, на грани слышимости, старался прокрасться к нему.

– Итак, стало быть, ты от него откажешься. Для тебя так будет лучше всего. Подойди. Садись, побеседуем.

Перрин обернулся и посмотрел на говорившего. Круглые столики, беспорядочно расставленные по помещению, пустовали, за исключением одного в темном углу, за ним одиноко сидел мужчина. Вся прочая часть общей залы казалась какой-то нечеткой, скорее видением, чем явью, особенно то, что ускользало от прямого взора Перрина. Юноша оглянулся на пламя; теперь оно пылало в очаге, сложенном из кирпича. Почему-то ничто из того, что его окружало, Перрина не тревожило. «А ведь должно было». Хотя почему – он сказать не смог бы.

Человек сделал знак рукой, подзывая юношу к себе, и тот приблизился к столу незнакомца. Квадратному. Столы были квадратными. Хмурясь, юноша протянул руку, чтобы потрогать столешницу, но тут же отдернул. В этом углу общей залы ламп не было, и, хотя в остальной части помещения было светло, мужчина и стол, за которым он сидел, почти скрывались в тени, едва не сливаясь с полумраком.

У Перрина возникло ощущение, что он знал этого человека, но оно было таким же смутным, как то, что юноша видел краешком глаза. Незнакомец был средних лет, привлекателен внешне и одет слишком хорошо для деревенской гостиницы: в темный, почти черный бархат с белыми кружевами, ниспадающими с воротника и манжет. Он сидел прямо, словно одеревелый, иногда прижимая ладонь к груди, словно любое движение причиняло ему боль. Собеседник не отрывал взгляда от лица Перрина; его темные глаза казались в тени сверкающими точками.

– Откажусь от чего? – спросил Перрин.

– От него, разумеется. – Мужчина кивком указал на топор, висевший у Перрина на поясе. В его голосе слышалось удивление, словно они уже вели разговор на эту тему, а сейчас снова продолжили старый спор.

Перрин не осознавал, что топор при нем, не чувствовал его веса, оттягивающего пояс. Он провел рукой по лезвию в форме полумесяца, по уравновешивающему его с другой стороны толстому шипу. И кожей ощутил сталь – добротную надежную сталь. Надежнее и реальнее, чем все, что его сейчас окружало. Возможно, даже реальнее его самого. Поэтому он не стал отнимать руку от топора – чтобы удержать связь с чем-то надежным и настоящим.

– Я думал об этом, – ответил Перрин, – но, сдастся мне, не могу. Пока еще не могу.



«Пока еще?» Казалось, гостиница замерцала, и шепоток снова зазвучал у него в голове. «Нет!» Шепот пропал.

– Нет? – Мужчина холодно улыбнулся. – Ты кузнец, парень. И насколько я слышал, кузнец хороший. Твои руки созданы для молота, а не для топора. Чтобы создавать, а не убивать. Вернись к этому, пока не стало слишком поздно.

Перрин, к собственному своему изумлению, обнаружил, что согласно кивает.

– Да. Но я – таверен. – Раньше он никогда не произносил этих слов вслух. «Но ему ведь уже известно». Перрин был в этом уверен, хотя и не знал почему.

Улыбка мужчины на миг превратилась в гримасу, но тут же он улыбнулся снова, еще шире. И еще холодней.

– Парень, есть способы все изменить. Способы избежать даже судьбы. Садись, и мы поговорим о них.

Тени как будто бы зашевелились, сгустились и придвинулись ближе.

Перрин отступил на шаг, стараясь оставаться на свету.

– Я так не думаю.

– Хотя бы выпей со мной. За годы минувшие и за годы, что еще впереди. Вот, выпей, и все станет ясней и понятней.

Мгновение назад кубка, что протягивал ему незнакомец через стол, не было. Кубок, до краев наполненный кроваво-красным вином, ярко сиял серебром.

Перрин всмотрелся в лицо собеседника. Даже его обостренное зрение не позволяло разглядеть черты лица мужчины – тени, казалось, совершенно скрадывали их, подобно плащу Стража. Тьма окутывала незнакомца, обнимала, словно ласкаясь. В его глазах Перрин что-то увидел – нечто такое, что он, как ему мнилось, сумеет вспомнить, если как следует постарается. Шепоток вновь вернулся.

– Нет, – сказал Перрин. Он отвечал тихому бормотанию у себя в голове, но, когда мужчина за столом зло поджал губы в приступе ярости, подавленном столь же быстро, как и начавшемся, юноша решил, что сказанное им сойдет также и за отказ от вина. – Я не хочу пить.

Он повернулся и направился к двери. Очаг был теперь из обкатанных рекой камней, и в зале стояло несколько длинных столов со скамьями вдоль них. Перрину вдруг захотелось оказаться снаружи, где угодно, лишь бы подальше от этого человека.

– Шансов у тебя будет немного, – раздался позади резкий голос незнакомца. – Три нити, сплетенные вместе, разделят общую участь. Перерезать одну – порвутся все. Судьба может убить тебя, если не уготовит чего-то худшего.

Спиной Перрин ощутил внезапно накатившую волну жара – она вдруг возникла, а потом так же быстро ушла, словно открылись и сразу захлопнулись дверцы громадной плавильной печи. Ошеломленный, он развернулся. Зала была пуста.

«Это всего лишь сон», – сообразил Перрин, вздрагивая от холода. И в этот миг все вокруг изменилось.

Он смотрел в зеркало, на свое отражение. Часть его существа никак не могла осознать то, что открылось взгляду, другая часть – принимала как должное. Позолоченный шлем, сработанный в виде львиной головы, сидел на нем как влитой. Золотые листья покрывали искусно выкованный нагрудник, золотая чеканка украшала детали пластинчато-кольчужного доспеха, закрывавшего его руки и ноги. Лишь топор на поясе был безыскусно прост. Голос – его собственный голос – мысленно прошептал ему, что лучше топора оружия не найдешь, ведь он был с ним тысячу раз и участвовал в сотнях битв. «Нет!» Перрину хотелось снять топор, отбросить прочь. «Я не могу!» В голове у него зазвучал голос – громче, чем невнятное бормотание, почти на уровне понимания:

– Человек, судьбой назначенный для славы.

Юноша крутанулся на пятках, отворачиваясь от зеркала, и обнаружил перед глазами прекраснейшую из женщин, виденных им когда-либо. Он не замечал более ничего вокруг, желая видеть одну только ее. Полночные озера глаз, молочно-белая кожа, наверняка нежнее и глаже белого шелка ее платья. Когда она шагнула к нему, у Перрина пересохло во рту. Он осознал, что любая из женщин, которых он когда-нибудь видел, по сравнению с ней будет неуклюжей и нескладной. Перрин задрожал и удивился – почему ему холодно?

– Мужчине нужно хватать судьбу обеими руками, – промолвила, улыбаясь, женщина. Этой улыбке почти хватило, чтобы согреть его. Женщина была высока: добавить ей росту чуть меньше ладони – и она вровень смотрела бы Перрину в глаза. Серебряные гребни удерживали ее прическу, а волосы были чернее воронова крыла. Широкий пояс из серебряных звеньев стягивал талию, которую Перрин мог бы, наверное, обхватить ладонями.

– Да, – прошептал он. Внутри его ошеломление боролось с согласием. Перрина слава не прельщала. Но после ее слов он уже не хотел ничего иного. – Я имею в виду... – Бормотание вновь зазвучало в голове, царапая череп. – Нет! – Шепоток пропал, и, всего на миг, согласие тоже исчезло. Почти. Он поднял руку к голове, коснулся золоченого шлема, снял его. – Я... Не думаю, что я хочу этого. Это не мое.

– Не хочешь? – Она рассмеялась. – Какой же мужчина, в чьих жилах играет кровь, не желает славы? Столько славы, будто ты протрубил в Рог Валир.

– Я не хочу, – сказал Перрин, не обращая внимания на ту часть себя, что кричала ему: «Ты лжешь!» Рог Валир. «Рог звонко прозвучал – и в неистовую атаку! Смерть у его плеча, но все же она ждет впереди. Его возлюбленная. Его губительница». – Нет! Я – кузнец.

В ее улыбке теперь было сожаление.

– Желать такую малость. Не слушай тех, кто пытается отвратить тебя от предначертанной судьбы. Они хотят умалить тебя, унижить. Они уничтожат тебя. Противостояние судьбе способно лишь принести боль. Зачем выбирать боль, когда можно обрести славу? Когда имя твое станут помнить наравне со всеми героями легенд?

– Я не герой.

– Ты и половины не знаешь о том, кто ты. О том, кем можешь стать. Давай раздели со мной кубок, во имя судьбы и славы. – В ее руках оказался сверкающий серебряный кубок, наполненный кроваво-красным вином. – Испей.

Перрин хмуро уставился на кубок. Было что-то... знакомое в этом. В его сознание ворвалось рычание.

– Нет! – Он боролся с этим рыком, отгоняя, отказываясь слушать. – Нет!

Она протянула ему золотой кубок:

– Выпей же.

«Золотой? По-моему, кубок был... он был...» Додумать он не сумел. Но в нахлынувшем замешательстве в его сознание вновь вернулся тот звук, вгрызаясь, требуя, чтобы его услышали.

– Нет, – сказал Перрин. – Нет! – Он взглянул на позолоченный шлем у себя в руках и отбросил его в сторону. – Я кузнец. Я...

Звучащий в голове рокот боролся с ним, стремясь быть услышанным. Перрин обхватил руками голову, чтобы отгородиться от него, но лишь запер его внутри.

– Я – человек! – прокричал Перрин.

Тьма окутала его, но женский голос следовал за ним, шепча:

– Здесь всегда ночь, и сны приходят ко всем людям. Особенно к тебе, мой дикарь. И я всегда буду в твоих снах.

Тишина.

Перрин опустил руки. На нем снова были его куртка и штаны, простые, но прочные и хорошо сшитые. Подходящая одежда для кузнеца или любого деревенского жителя. Однако сейчас он едва ее замечал.

Перрин стоял у низкого парапета каменного моста, что дугой выгибался между широкими каменными башнями с плоскими верхушками. Башни колоннами вздымались из таких глубин, куда его зоркий взгляд не мог проникнуть. Свет, идущий неведь откуда – даже он со своим зрением этого не понимал, свет просто был, – показался бы слишком тусклым глазам любого другого человека. Всюду, куда ни глянь, слева, справа, вверху, внизу – было множество мостов, башен, опор и нескончаемых скатов и переходов. В этом нагромождении, кажущемся бесконечным, не угадывалось никакой системы. Хуже того, некоторые из переходов взбирались к верхушкам опор, которые нависали прямо над теми же башнями, откуда эти переходы и начинались. Плеск воды эхом отражался отовсюду и, казалось, раздавался сразу со всех сторон. Перрин задрожал от холода.

Вдруг краем глаза он уловил какое-то движение и, не раздумывая, присел и скрючился за каменным парапетом. Быть замеченным – опасно. Он не знал почему, но был уверен, что это именно так, и никак иначе. Он просто знал.

Чуть приподнявшись и осторожно глядя поверх ограждения, Перрин выискивал замеченный им источник движения. Белый отсвет промелькнул на отдаленном переходе. Он был уверен, что это женщина, хоть и не смог явственно ее различить. Спешащая куда-то женщина в белом платье.

На мосту, расположенном чуть ниже его и гораздо ближе, чем тот переход, где Перрин заметил женщину, внезапно появился мужчина, смуглый, высокий и стройный. Бросалась в глаза серебристая прядь в его черных волосах. Темно-зеленый кафтан незнакомца был обильно расшит золотыми листьями, а пояс и кошелек украшены золотой канителью, ножны кинжала искрились драгоценными камнями, даже верх его сапог обрамляла золотая бахрома. Откуда он взялся?

Другой мужчина, возникший столь же внезапно, как и первый, зашагал по мосту с противоположной его стороны. Черные полосы сбегали по роскошным рукавам его красного кафтана, ворох бледных кружев свисал с манжет и воротника. Его сапоги так обильно были украшены серебром, что под узором с трудом удавалось увидеть кожу. Он был ниже ростом, чем тот, навстречу которому шел, и коренастей, с коротко подстриженными волосами, столь же белыми, что и кружева его наряда. Несмотря на возраст, человек не казался слабым. Он двигался вперед с той же надменной уверенностью, какую излучал первый мужчина.

Они осторожно приближались друг к другу. «Как два торговца лошадьми, каждый из которых знает, что у другого есть хромая кобыла на продажу», – подумал Перрин.

Мужчины начали разговор. Перрин напряг слух, но эхо, рождающееся от звуков плещущей воды, позволило разобрать лишь обрывки слов. Хмурые лица, недобрые взгляды в упор, резкие движения, на грани удара. Ни один из них другому не доверял. Перрин подумал, что они, возможно, терпеть не могут друг друга.

Он поднял взгляд, высматривая женщину, но она пропала из виду. Когда юноша вновь поглядел вниз, то обнаружил, что к двум мужчинам присоединился третий. И Перрин его вроде бы знал – но как-то смутно, словно полубытое воспоминание. Средних лет, видный собой мужчина, облаченный в темный, почти черный бархат с белыми кружевами. «Гостиница, – подумал Перрин. – И что-то до нее. Что-то...» То, что было, казалось, давным-давно. Но вспомнить никак не удавалось.

Теперь первые двое мужчин стояли бок о бок, оказавшись перед новоприбывшим союзниками поневоле, отчего им явно было не по себе. А тот кричал и грозил им кулаком, в то время как они неуверенно топтались на месте, отворачивались, избегая встречаться с ним взглядом. Даже если эти двое и враждовали между собой, страх перед третьим был сильнее.

«Его глаза, – подумал Перрин. – Что же такого странного в его глазах?»

Тот, что был высокий и смуглый, принялся возражать, сначала вяло, затем со все большим пылом. Беловолосый присоединился к нему, и тут внезапно их временное союзничество распалось. Все трое орали друг на друга, каждый, в свою очередь, на двух других. Вдруг мужчина в черном бархате широко раскинул руки в стороны, словно требуя прекратить ссору. И разрастающийся огненный шар объял их, скрыл, ширясь и заполняя собой все вокруг.

Перрин обхватил голову руками и бросился за каменный парапет, съездившись у его подножия, пока его хлестали и дергали за одежду яростные порывы ветра – ветра, горячего, как огонь. Ветра, который сам был огнем. Даже крепко зажмурив глаза, Перрин мог видеть пламя, пожирающее весь мир, пронзающее само бытие. Пламенный ураган ревел и внутри его; он буквально чувствовал его – обжигающий, пылающий вихрь тащил его, стремясь поглотить и развеять пеплом. Перрин завопил, пытаясь найти опору в самом себе и понимая, что этого недостаточно.

И в мгновение между двумя ударами сердца ветер пропал. Он не ослабевал постепенно. Миг тому назад на юношу обрушивалась огненная буря, а уже в следующий – царило полнейшее безмолвие. Единственным звуком было эхо плещущейся воды.

Перрин медленно сел, осмотрел себя. На куртке не было и следа от огня, никаких прорех или подпалин, открытые участки кожи не получили ожогов. Только память об опаляющем жаре заставляла его верить в то, что все это действительно произошло. Память одного лишь разума; тело не сохранило воспоминаний о случившемся.

Перрин осторожно выглянул из-за краешка парапета. Часть моста на несколько шагов в обе стороны от того места, где стояли мужчины, пропала, осталось лишь оплавленное основание. И никаких следов этих троих.

Легкое покалывание, от которого будто зашевелились волосы на затылке, заставило Перрина поднять голову. На наклонном переходе, правее и выше от него, стоял косматый серый волк. Зверь смотрел на юношу.

– Нет! – Перрин вскочил на ноги и побежал. – Это сон! Ночной кошмар! Я хочу проснуться!

Он бежал, и все, что было вокруг, поплыло в его глазах. Задвигались переменчивые размытые пятна. Гул наполнил уши, затем пропал, и как только этот шум прекратился, перед глазами перестало мерцать, все обрело устойчивость.

Перрин вздрогнул от холода. Он осознавал, что это сон, уверенно и без сомнений, с самого первого мига. Ему смутно мерещились туманные воспоминания о снах, предшествующих этому, однако нынешний сон он знал. Он уже бывал в этом месте раньше, в предыдущие ночи, и, хотя не понимал ничего из происходящего, все же знал – это всего лишь сон. Но на сей раз знание ничего не меняло.

Открытое пространство, где он стоял, окружали громадные колонны из полированного краснокамня, а над головой, ярдах в пятидесяти, а то и более, высился сводчатый потолок. Попробуй Перрин даже на пару с таким же рослым, как он сам, человеком обхватить руками одну из колонн, у них бы не получилось. Пол был выложен крупными плитами из светло-серого камня, крепкого, однако истертого бесчисленными стопами минувших поколений.

И под сводом, в самом центре зала, блистала причина, которая и приводила сюда эти стопы. В воздухе стоял, обращенный рукоятью вниз, парил ничем с виду не удерживаемый меч, – казалось, любой может дотянуться до него и взять в руку. Он неспешно поворачивался вокруг своей оси, словно увлекаемый во вращение неким дуновением воздуха. На самом деле меч был не настоящий. Он казался сделанным из стекла или, возможно, выточенным из кристалла, и клинок, рукоять и крестовина гарды улавливали весь свет, что был в зале, и, дробя его, разбрасывали вокруг тысячей отблесков и вспышек.

Перрин направился к мечу и протянул к нему руку, как делал это прежде не один раз. Он ясно помнил, что поступал именно так. Рукоять висела на уровне лица, дотянуться – проще простого. В футах от сверкающего меча его руку отклонило, отвело в сторону; хотя в воздухе ничего не было, но он словно бы наткнулся на камень. Насколько знал Перрин, так и должно было быть. Юноша предпринял еще попытку, с большим старанием, но с тем же успехом он мог бы просовывать руку в стену. Меч вращался и посверкивал в футах от него, но так же далеко, как если бы находился по ту сторону океана.

*Калландор.*

Перрин не сказал бы точно, слышал он этот шепот снаружи или тот прозвучал в его сознании; звук казался эхом, раскатившимся среди колонн, тихий, словно ветер, исходящий разом отовсюду, настойчивый.

*Калландор. Кто владеет мною, владеет судьбой. Возьми меня и начни последнее странствие.*

Внезапно испугавшись, Перрин отступил на шаг. Прежде этот шепот никогда не звучал. Раньше такой сон уже посещал его, четырежды, – он помнил это даже сейчас: четыре ночи, одна за другой, – но впервые в нем что-то поменялось.

*Испорченные идут.*

Это был иной шепот, и Перрин знал, от кого он исходит, поэтому вздрогнул, будто к нему прикоснулся мурддраал. Волк стоял среди кроваво-красных колонн, горный волк – косматый, серый с проседью, ростом Перрину почти по пояс. Он пристально смотрел на юношу, не сводя с него таких же желтых, как у самого Перрина, глаз.

*Испорченные идут.*

– Нет, – проскрежетал Перрин. – Нет! Я не впущу вас! Ни за что!

Он точно когтями процарапал себе путь к пробуждению и сел на ложе у себя в хижине. Юноша дрожал – от страха, холода и гнева.

– Не впущу, – хрипло прошептал он.

*Испорченные идут.*

Эта мысль отчетливо звучала в голове у Перрина, но принадлежала не ему.

*Испорченные идут, брат.*

## Глава 5. Кошмары наяву



Вскочив с кровати, Перрин схватил топор и выбежал наружу, босой, в одном белье, не обращая внимания на холод. Облака купались в тускло-белом сиянии луны. Этого света с лихвой хватало для глаз, и он явственно видел, как со всех сторон тихо крадутся между деревьями фигуры, почти такие же рослые, как Лойал, но лица их уродовали хищные рыла и клювы, а получеловеческие головы были увенчаны рогами и гребнями из перьев. Из этих настороженно двигавшихся теней какие-то имели копыта и звериные лапы, и было их не меньше тех, которые ступали по земле обутыми в сапоги ногами.

Перрин открыл было рот, чтобы поднять тревогу, как внезапно с грохотом распахнулась дверь хижины Морейн и наружу выскочил Лан, сжимая в руке меч и крича:

– Троллоки! Просыпайтесь, коли жизнь дорога! Троллоки!

С ответными криками из хижин стали вываливаться люди, полураздетые, но нимало этим в большинстве своем не смущенные, и все – с мечами наготове. Со звериным ревом троллоки бросились вперед, и их встретили сталью и криками «Шайнар!» и «Дракон Возрожденный!».

Лан был полностью одет; Перрин побился бы об заклад, что Страж и не спал вовсе, – он бросился в гущу троллоков, словно шерстяная одежда на нем была доспехами. Казалось, он будто танцует среди врагов, человек и меч струились подобно воде или ветру, и там, где танцевал Страж, троллоки визжали и умирали.

Морейн тоже покинула свою избушку, в ночи она исполняла собственный танец среди троллоков. Единственным видимым ее оружием был хлыст, но когда она хлестала троллока, на его теле вспыхивала огненная линия. Другой рукой она метала призванные из воздуха огненные шары, и троллоки выли, колотясь оземь, когда пламя пожирало их.

Вспышка пламени объяла дерево целиком, от корней до кроны, затем факелом загорелось другое, полыхнуло еще одно. Троллоки завизжали от неожиданного света, но не перестали размахивать своими шипастыми топорами и загнутыми, подобно косам, мечами.

Вдруг Перрин заметил Лею, нерешительно шагнувшую из домика Морейн, что стоял на другой стороне низины, и все прочие мысли разом оставили его. Женщина из Туата'ан привалилась спиной к бревенчатой стене, прижав руку к горлу. Свет, отбрасываемый горящими деревьями, позволил ему увидеть лицо Леи, на котором отражались ужас, боль и отвращение к бойне, представшей ее глазам.

– Спрячься! – закричал ей Перрин. – Уходи! Прячься в доме!

Нарастающий рев сражающихся и умирающих поглотил его слова. Юноша бегом бросился к ней:

– Прячься, Лея! Прячься, если тебе дорог Свет!

Над Перрином навис троллок с кровожадно изогнутым клювом на месте носа и рта. Черная кольчуга, усаженная шипами, облегла его от плеч до колен, а под нею виднелись когти-

стые ястребиные лапы. Взмахнув своим странно изогнутым мечом, чудовище шагнуло вперед. От него пахло потом, грязью и кровью.

Перрин, уклоняясь от удара плеча, поднырнул под черный клинок и, крича что-то нечленораздельное, ударил в ответ топором. Он понимал, что вроде бы должен бояться, но страх куда-то подевался, уступив место целеустремленности. Перрина сейчас волновало только одно: необходимо добраться до Леи и увести ее в безопасное место; а троллок стоит у него на пути.

Троллок упал, рыча и брыкаясь; Перрин не знал, куда он его поразил, умирал тот или всего лишь ранен. Он перепрыгнул дергающуюся в конвульсиях тварь и побежал вверх по неровному склону.

Пылающие деревья отбрасывали злое тени на небольшую долину. Колеблющаяся тень возле избушки Морейн вдруг обернулась рогатым троллоком с козлиным рылом. Сжимая обеими руками шипастую секиру, он готов был, похоже, ринуться вниз, в гущу схватки, но тут его взгляд пал на Лею.

– Нет! – закричал Перрин. – Свет, нет!

Камни осыпались из-под его босых ступней, но он не замечал ссадин и ушибов. Троллок замахнулся секирой.

– Лея-а-а-а-а-а!

В последний момент троллок развернулся, секира метнулась к Перрину. Он бросился наземь, завопив от боли, – сталь рассекла ему спину. В отчаянном броске Перрин ухватился за козлиное копыто и рванул изо всех сил. Троллок потерял равновесие и с шумом упал, но, съезжая по склону, успел схватить юношу ручищами, что были вдвое толще Перриновых. Сцепившись, они кубарем катились под гору. Тошнотворная вонь от троллока ударила Перрина в ноздри – мешанина козлиного смрада и кислого человеческого пота. Могучие вражьи лапищи обвились вокруг груди, выдавив оттуда воздух, ребра закрипели, угрожая сломаться. Падая, троллок упустил секиру, но тупые козлиные зубы впились Перрину в плечо, задвигались мощные челюсти. От боли, захлестнувшей левую руку сверху донизу, он застонал. Перрин силился вдохнуть воздух, перед глазами плыли черные круги, но краешком сознания он сообразил, что другая его рука свободна и в ней он сжимает чудом не оброненный топор. Юноша держал его за верхнюю часть рукояти, как молот, шипом вперед. С ревом, на последнем дыхании Перрин вбил шип в висок троллоку. Тот беззвучно содрогнулся и раскинул руки, выпустив и отбросив юношу. Повинуясь одному лишь инстинкту, рука Перрина крепче сжала топорище, оружие рывком высвободилось, а троллок, все еще подергиваясь, заскользил вниз по склону.

Секунду Перрин лежал, пытаясь отдышаться. Глубокая рана, проходящая через спину, будто горела, и он чувствовал влагу текущей крови. Плечо протестующе отозвалось болью, когда он заставил себя приподняться на локте.

– Лея?

Та все еще оставалась там, съжившись перед хижинкой, не более чем в десяти шагах выше по склону. И смотрела на него с таким выражением на лице, что он с трудом смог встретить ее взгляд.

– Не надо меня жалеть! – прорычал ей Перрин. – Не...

Мурддраал прыгнул с крыши хижины, прыжок его длился, казалось, неестественно долго, и все то время, которое заняло это его затянувшееся падение, черный плащ саваном стекал с его плеч, будто Получеловек уже стоял на земле. Безглазый взор был прикован к Перрину. Пахло от чудовища как от самой смерти.

Мурддраал не сводил взгляда с Перрина, и руки и ноги юноши сковал растекшийся по ним холод, грудь превратилась в ледяную глыбу.

– Лея, – шептал он. Больше он ничего не мог сделать, и лишь одно это удерживало его от бегства. – Лея, прошу тебя, спрячься. Прощу тебя.

Получеловек направился к Перрину – медленно, преисполненный уверенности, что страх удержит жертву в силке. Он двигался подобно змее, держа наготове меч, черный настолько, что клинок виден был лишь в отблесках пламени от горящих деревьев.

– Отруби треноге одну ножку, – произнес тихо мурддраал, – и она упадет.

Шелест его голоса напоминал звук, с которым осыпается пораженная сухой гнилью кожа.

Лея вдруг шевельнулась и бросилась вперед, пытаясь руками обхватить ноги мурддраала. Тварь отмахнулась темным мечом за спину, почти что мимоходом, даже не оглянувшись, и женщина осела.

Слезы выступили в уголках глаз Перрина. «Я должен был помочь ей... спасти ее. Я должен был сделать... хоть что-то!» Но под гнетом безглазого взора мурддраала не то что двинуться – даже думать было невероятно тяжело.

*Мы идем, брат. Мы идем, Юный Бык.*

Слова в глубине разума наполнили голову Перрина звоном, как от удара колокола; отзвуки дрожью прошли по телу. Вместе со словами пришли волки, десятки волков наводнили его сознание, и в тот же миг Перрин увидел, что и сами они хлынули в чашу-низину. Горные волки, ростом почти по пояс человеку, белесо-серые с ног до головы, выбегали из ночи, к удивлению заметивших их двуногих, – потому что устремились волки на бой с Испорченными. Волки заполнили Перрина изнутри так, что он едва признавал себя человеком. Глаза его собрали свет, засияв золотисто-желтым. И Получеловек прекратил свое наступление, словно вдруг усомнившись.

– Исчезающий, – яростно прохрипел Перрин, но тут иное имя пришло к нему – от волков. Троллоки, Испорченные, созданные в годы Войны Тени посредством смешения людей и животных, сами были немалым злом, но мурддраалы... – Нерожденный! – словно выплюнул Юный Бык. Рык искривил его губы, и он кинулся на мурддраала.

Тот двигался как гадюка, извивающаяся и смертоносная, черный меч мелькал словно молния, но Перрин был Юным Быком. Так прозвали его волки. Юный Бык, с рогами из стали. Он был един с волками. Он сам был волком, а любой волк готов умереть сотню раз, лишь бы увидеть, как падет еще один Нерожденный. Исчезающий отступал под неистовым натиском, и теперь стремительный клинок Получеловека успевал лишь отражать удары Перрина.

Подколенное сухожилие и горло – вот как убивают волки. Юный Бык внезапно бросился в сторону и упал на колено, топор резанул Получеловека по сухожилию. Тот завопил – в иное время от такого пронзающего кости крика у Перрина волосы встали бы дыбом – и упал, выставив руку. Получеловек – Нерожденный – все так же крепко держал меч, но прежде, чем он успел ответить, топор Юного Быка ударил снова. Наполовину отрубленная, голова мурддраала завалилась назад и повисла за спиной; однако, все еще опираясь на руку, Нерожденный остервенело полоснул мечом по воздуху. Нерожденные всегда умирали долго.

От волков – да и собственными глазами он это видел – Юный Бык воспринял образы троллоков, с воплями, в корчах рухнувших на землю, хотя их не тронул ни волк, ни человек. Связанные с поверженным мурддраалом, теперь, раз он умер, они умирали тоже – если не были убиты до того.

Сколь ни сильно было в Юном Быке страстное желание броситься вниз по склону, присоединиться к своим братьям, убивавшим Испорченных, присоединиться к охоте за оставшимися Нерожденными, человеческая его частица, пусть и глубоко погребенная, помнила: «Лея».

Он выронил топор и бережно перевернул ее. Кровь покрывала лицо Леи, а глаза смотрели на него снизу вверх, подернутые поволокой смерти. Казалось, этот взгляд обвинял его.

– Я пытался, – сказал ей Перрин. – Пытался спасти тебя. – (Ее взгляд ничуть не изменился.) – А что еще я мог сделать? Он бы убил тебя, если бы я не убил его!

*Идем, Юный Бык. Идем убивать Испорченных.*



Волк одолел его, овладел им. Опустив Лею, Перрин поднял топор, влажно блеснула сталь. Когда он мчался вниз по каменистому склону, глаза его светились. Он был Юным Быком.

Там и тут деревья в низине пылали как факелы; пламя охватило высокую сосну в тот момент, когда Юный Бык вступил в бой. В ночном воздухе вспыхивали фиолетово-синие зарницы, подобные непрестанной молнии, – это Лан сошелся в схватке еще с одним мурддралом, и сталь, сработанная древними Айз Седай, встретила с черной сталью, выкованной в Такан’даре, что в тени Шайол Гул. Лойал орудовал посохом размером с добрую жердину из забора, деревянный вихрь отмерял пространство, куда троллок мог попасть лишь сбитым с ног. Люди отчаянно сражались среди пляшущих теней, но Юный Бык – Перрин – заметил краешком сознания, что слишком многие из шайнарских двуногих пали.

Братья и сестры дрались небольшими стаями, по трое-четверо, уворачиваясь от похожих на косы мечей и топоров с шипами на обухах; они, оскалив зубы, бросались на врагов и рвали клыками подколенные сухожилия, а после перегрызали горло упавшей добыче. Не было чести в такой битве, как не было в ней ни славы, ни пощады. Волки пришли не ради битвы, а для того, чтобы убивать. Юный Бык присоединился к одной из стай, и сталь топора заменяла ему клыки.

Он больше не думал о сражении, что шло вокруг. Был лишь троллок, которого он и его братья-волки отсекали от остальных и валили наземь. Потом будет следующий, и еще один, и еще, пока не останется ни одного Испорченного. Ни здесь, ни где бы то ни было. Перрин ощутил тягу отбросить топор и сражаться зубами, бегая на четырех лапах, как его братья. Нестись через высокие горные перевалы. Гнаться за оленем, утопая по брюхо в рыхлом снегу. Бежать наперегонки с холодным ветром, треплющим мех. Он рычал вместе с братьями, и троллоки под его желтоглазым взглядом были от страха даже больше, чем перед другими волками.

Внезапно Перрин осознал, что в низине больше не осталось ни единого троллока, хотя и чувствовал, как братья преследуют сбежавших. Где-то там, в темноте, стая из семерых избрала иную добычу. Один из Нерожденных бежал к своему твердолапому четырехногому – своему коню, подсказала какая-то отдаленная часть Перрина, – и братья устремились следом за ним, носы были наполнены его чуждым запахом, духом самой смерти. Мысленно он был с ними, видел их глазами. Когда волки приблизились, Нерожденный развернулся, сыпя проклятиями. Его черный клинок и черное облачение были подобны ночи, но именно ночью охотятся братья и сестры Юного Быка.

Пал первый из собратьев, и Юный Бык зарычал, пронизанный его смертной мукой, однако остальные окружили Нерожденного, накинлись на него. Погибли еще братья и сестры, но, даже умирая, они, вцепившись челюстями, помогли повалить Нерожденного. Теперь тот отбивался, пустив в ход зубы, рвал глотки, ногтями полосовал шкуру и плоть не хуже твердых клыков, что носят двуногие, однако собраты терзали его даже в момент своей гибели. Наконец одинокая сестра высвободилась из груды еще содрогающихся тел и пошла прочь, скособоившись и пошатываясь. Утренняя Дымка, так ее звали, но, как то свойственно всем именам волков, оно было чем-то большим, нежели просто словами: в нем виделось морозное утро, когда налетающий спозаранку кусачий снег предвещает дневной снегопад и в долине завитки густого тумана, что кружит и уносит ветер, в резких порывах которого чувствуется предвестие доброй охоты. Вскинув голову, Утренняя Дымка взывала на скрытую облаками луну, оплакивая погибших собратьев.

Юный Бык тоже запрокинул голову и завыл, скорбя вместе с ней.

Когда он опустил голову, на него смотрела Мин.

– Перрин, с тобой все в порядке? – спросила девушка нерешительно. На щеке у нее красовался синяк, а рукав куртки свисал наполовину оторванным. В одной руке она сжимала дубинку, в другой – кинжал. Дубинка и кинжал были в налипшей шерсти и испачканы в крови.

Перрин видел, что все смотрели на него, все, кто еще оставался на ногах. Лойал, устало опирающийся на свой длинный посох. Шайнарцы, которые несли своих раненых, неспособных

идти сами, вниз, где над одним из лежавших воинов уже склонилась Морейн и рядом с нею возвышался Лан. Даже Айз Седай повернула голову в сторону Перрина. Пылающие деревья, словно огромные факелы, заливали низину дрожащим светом. Везде валялись мертвые троллоки. Меньше половины шайнарцев стояли на ногах, остальные, погибшие и раненые, лежали на земле, и среди них там и тут виднелись тела его собратьев. Так много...

Перрин поймал себя на желании завывать снова. С неистовостью он отгородился от волков, мысленно возводя барьер между ними и собой, стремясь отсечь поток образов и эмоций, но те продолжали просачиваться. Однако в конце концов он перестал чувствовать волков, ощущать их боль и ярость, желание охотиться на Испорченных или бежать за... Перрин вздрогнул, встряхнулся. Огнем полыхала рана на спине, ободранное плечо словно побывало на наковальне под ударами молота. Босые ноги, исцарапанные и в ушибах, нещадно ныли. Повсюду был запах крови. Запах троллоков и смерти.

– Я... Со мной все в порядке, Мин.

– Ты славно бился, кузнец, – сказал Лан. Страж поднял над головой меч, все еще окровавленный. – *Тай'шар Манетерен! Тай'шар Андор!*

Истинная кровь Манетерен. Истинная кровь Андора.

Шайнарцы – те немногие, кто еще имел силы стоять, – воздели свои клинки и поддержали Лана:

– Тай'шар Манетерен! Тай'шар Андор!

Лойал кивнул и добавил:

– Та'верен.

Смутившись, Перрин опустил глаза. Лан уберег его от вопросов, на которые он не хотел отвечать, и воздал ему незаслуженные почести. Другие не поняли. Перрин задавался вопросом, что бы они сказали, если бы знали правду. Мин подошла ближе, и он пробормотал:

– Лея погибла. Я не смог... Самую малость не успел.

– Ничего бы не изменилось. Ты и сам это знаешь, – тихо сказала Мин. Она наклонилась, чтобы взглянуть на его спину, и скривилась. – Морейн займется тобой. Она Исцеляет тех, кого может.

Перрин кивнул. До пояса вся спина была липкой от подсыхающей крови, но, несмотря на боль, он едва обращал на это внимание.

«О Свет, на этот раз я едва вернулся. Нельзя допустить, чтобы такое повторилось. И я этого не хочу. Больше никогда!»

Но когда он был с волками, все было совсем иначе. Ему ведь даже не приходило в голову беспокоиться, что незнакомцы пугаются его большого роста. И никто не думал, что он тугодум, лишь потому, что он старается быть осторожным. Волки знали друг друга, даже если раньше никогда не встречались, и с ними он был волком среди волков.

«Нет! – Его руки сжали рукоять топора. – Нет!»

Перрин вздрогнул, когда неожиданно заговорил Масима.

– Это был знак, – заявил шайнарец, поворачиваясь кругом и обращаясь ко всем. На обнаженных руках и груди у него темнела кровь – сражался он в одних штанах, – и вдобавок Масима прихрамывал, но неистовый огонь в его взоре пылал сильнее, чем когда-либо прежде. Намного сильнее. – Знак, призванный укрепить нашу веру. Даже волки явились сражаться за Дракона Возрожденного. В час Последней битвы лорд Дракон призовет даже зверей лесных биться на нашей стороне. Это знак нам. Знак идти вперед. Лишь приспешникам Темного не по пути с нами.

Двое шайнарцев кивнули.

– Захлопни растреклятый рот, Масима! – рявкнул на него Уно. Похоже, он был цел и невредим, но ведь Уно сражался с троллоками еще до рождения Перрина. Все же и он едва не валился с ног от усталости, и лишь нарисованный глаз на его повязке выглядел бодро. –

Мы выступим тогда, когда лорд Дракон нам прямо об этом скажет, и не растреклятой минутой раньше! И вы, ублюдочные овцеголовые фермеры, не смейте этого забывать! – Одноглазый посмотрел на возрастающее число солдат, которыми занималась Морейн, – даже после ее манипуляций мало кто из них был способен хотя бы на такую малость, как сесть, – и покачал головой. – По крайней мере, у нас найдется, чем согреть раненых, – тут в достатке проклятых волчьих шкур.

– *Нем!* – Горячность в голосе Перрина нескрываясь удивила шайнарцев. – Волки сражались за нас, и мы похороним их вместе с нашими павшими.

Уно нахмурился, открыл рот, словно собираясь возразить, но Перрин впился в него немигающим желтоглазым взглядом. Шайнарец первым опустил глаза и кивнул.

Снова сконфуженный, Перрин прочистил горло, в то время как Уно приказывал шайнарцам, кому позволяли раны, собрать мертвых волков. Мин поглядывала на Перрина искоса, как она поступала, когда видела вокруг кого-то знаки.

– А где Ранд? – спросил он у девушки.

– Бродит там, в темноте, – ответила Мин, кивком указав на уходящий вверх склон и по-прежнему не отводя взора от Перрина. – Ни с кем не желает разговаривать. Просто сидит там и рывкает на каждого, кто к нему подходит.

– Со мной поговорит, – сказал Перрин.

Девушка последовала за ним, стараясь убедить, что сначала ему стоит показать свои раны Морейн.

«О Свет, что же видит Мин, когда смотрит на меня? Нет, не желаю этого знать».

Ранд сидел на земле, привалившись спиной к стволу низкорослого дуба, там, куда уже не доходил свет от пылающих деревьев. Глядя в пустоту, он обхватил себя руками, сунув ладони под красную куртку, словно страдал от холода. Он как будто и не заметил, как подошли Перрин и Мин. Девушка уселась рядом с ним, но Ранд не пошевелился, даже когда она положила ладонь ему на руку. И даже здесь Перрин чувствовал кровь, и не только свою.

– Ранд... – начал он, однако тот прервал его:

– Знаешь, что я делал во время битвы? – По-прежнему устремив взор куда-то вдаль, Ранд будто разговаривал с ночью. – Ничего! Ничего стоящего. Поначалу, как ни тянулся, я Истинного Источника коснуться не сумел, достать до него не мог. Он все время ускользал. Затем, когда наконец я ухватился за него, то решил поразить их всех огнем, спалить всех троллоков и Исчезающих. А что вышло? Я лишь сумел поджечь несколько деревьев. И все! – Ранд затрясся в горьком беззвучном смехе, потом перестал смеяться, и лицо его искривилось в гримасе боли. – Саидин наполняла меня, я уже думал – взорвусь, точно фейерверк. Мне нужно было направить ее куда-нибудь, избавиться от нее, пока она не выжгла меня... И тут мне пришла мысль обрушить гору и похоронить под ней троллоков. И я уже почти попытался это сделать. Вот какой была моя битва. Не с троллоками – а с самим собой, чтобы гора всех нас не похоронила под собой.

Мин послала Перрину исполненный боли взгляд, словно моля о помощи.

– Мы... разделились с ними, Ранд, – произнес Перрин. Он содрогнулся при мысли обо всех раненых – там, в низине. И о мертвых. «Лучше уж так, чем гора, рухнувшая нам на головы». – Ты нам не понадобился.

Ранд прислонился к дереву затылком, закрыл глаза.

– Я чувствовал их приближение, – сказал он едва слышно. – Только не знал, что это. От них ощущение – как от порчи на саидин. А саидин – она всегда там, вызывает ко мне, поет мне. И когда я понял разницу, то уже кричал Лан, предупреждая нас. Если б я только умел контролировать это, я бы поднял тревогу раньше, они бы и близко подойти не успели. Но чаще всего, когда мне и в самом деле удастся коснуться саидин, я совсем не понимаю, что делаю. Ее поток прямо-таки смывает меня. И все же я мог хотя бы предупредить всех.

Чувствуя себя неловко, Перрин переступил с ноги на ногу; ушибы и ссадины болели.

– Мы и так были предупреждены. – Он понимал, что этими словами словно пытается убедить самого себя.

«Я бы тоже мог поднять тревогу, если бы поговорил с волками. Они знали, что в горах появились троллоки и Исчезающие. Они пытались сообщить мне».

Но Перрин терялся в догадках: если бы он не удерживал волков за пределами своего разума, не случилось бы так, что теперь он бегал бы вместе с ними? Тот человек, Илайас Мачира, также способный говорить с волками, он-то постоянно был с ними, хотя в то же время, по-видимому, не забывал, что он человек. Но он так и не объяснил Перрину, как этого добился, да и не видел его Перрин уже давно.

Скрип камней под ногами возвестил о том, что сюда идут два человека, и завихрение воздуха донесло до Перрина их запах. Впрочем, он выказал достаточную осторожность и не называл имен, пока Лан и Морейн не подошли настолько, чтобы их узнал в сумраке и человек с обычным зрением.

Страж вел Айз Седай под руку, как будто пытаясь поддержать женщину, но так, чтобы она о том не догадалась. Лицо у Морейн осунулось, в глазах читалась усталость, в одной руке она несла небольшую, потемневшую от времени фигурку женщины, вырезанную из драгоценной поделочной кости. Перрин знал, что это *ангриал*, реликт Эпохи легенд, позволяющий Айз Седай без опаски направлять больше Силы, чем она сумела бы в одиночку. То, что Морейн воспользовалась им для Исцеления, красноречиво говорило о том, как сильно она устала.

Мин встала, желая помочь Морейн, но Айз Седай жестом остановила ее.

– Всех остальных я осмотрела, – сказала она Мин. – Когда закончу здесь, то смогу отдохнуть.

Страхнув заодно и руку Лана, Морейн, сосредоточенно нахмурившись, провела прохладной ладонью по кровоточащему плечу Перрина, затем вдоль раны на спине. От ее прикосновения по коже у него пробежало покалывание.

– Все не так плохо, – сказала она. – Ушиб плеча глубок, но ранения поверхностные. Приготовься. Больно не будет, но...

Ему всегда было неуютно, когда он знал, что кто-то рядом направляет Единую Силу, и еще хуже он себя чувствовал, если при этом подобное действие как-то затрагивало его самого. Тем не менее пару раз такое бывало, поэтому Перрин полагал, что имеет представление о последствиях воздействия Единой Силы, однако тогда Исцеление было незначительным, Морейн просто избавила его от усталости, когда не могла допустить, чтобы он выбился из сил. Те случаи не имели ничего общего с этим.

Внезапно Перрину показалось, что взор Айз Седай проникает внутрь его, пронзает его насквозь. Сияясь вздохнуть, он едва не выронил свой топор. Перрин чувствовал, как расползается кожа у него на спине, мышцы будто извиваются, растягиваются, снова сплетаясь заново воедино. Его плечи судорожно задрожали, глаза застлал туман. Холод обжег до костей, затем проник еще глубже. У него возникло такое чувство, словно он куда-то двигается, падает, летит; Перрин не взялся бы ответить, что именно это было, однако по ощущениям его как будто несло – невесть каким образом, невесть куда и с громадной скоростью. Минула целая вечность, пока мир вокруг него снова не обрел привычную четкость. Морейн отступила на шаг, пошатнулась, едва не упала, но Лан успел подхватить ее под руку.

Измученно раскрыв рот, Перрин смотрел на свое плечо. Раны и синяки исчезли, боли поубавилось. Он осторожно повернулся, изогнулся, но боль в спине тоже утихла. Ноги перестали ныть; ему незачем было смотреть – он и так знал, что ссадин и синяков больше не было. В желудке у Перрина громко заурчало.

– Тебе нужно поскорее поесть, – сказала юноше Морейн. – Для этого Исцеления немалая часть сил была взята у тебя самого. Тебе необходимо их восстановить.

Голод – и образы пищи – уже занимал мысли Перрина. Добрый кусок говядины, непрожаренный, с кровью, оленина и баранина и... Усилием воли он заставил себя не думать о мясе. Лучше он раздобудет те корешки, которые в жареном виде пахли как репа. Его желудок протестующее заворчал.

– У тебя даже шрама не осталось, кузнец, – сказал позади него Лан.

– Большинство раненых волков сами ушли в лес, – сказала Морейн, разминая спину сжатými в кулак руками и потягиваясь, – но тех, кого смогла отыскать, я Исцелила. – Перрин бросил на нее испытующий взгляд, но она, казалось, просто вела разговор. – Возможно, явились они сюда по своим собственным причинам, но без них, похоже, мы все были бы мертвы.

Перрин неловко переступил с ноги на ногу и опустил взгляд.

Айз Седай потянулась к синяку на щеке Мин, но девушка сделала шаг назад:

– Мне почти не больно, а вы устали. У меня и похуже бывало, когда я просто спотыкалась.

Морейн улыбнулась и опустила руку. Лан аккуратно, но крепко взял Айз Седай под локоть; ее слегка пошатывало.

– Очень хорошо. А как ты, Ранд? Не ранен? Даже малейшая царапина, нанесенная мечом мурддраала, способна привести к смерти, и порой троллочы клинки почти так же опасны.

Перрин только сейчас заметил влажное пятно на одежде Ранда.

– Ранд, да у тебя куртка намокла, – промолвил он.

Ранд вытянул правую руку из-под куртки: ладонь была в крови.

– Это не мурддраал, – сказал он, с отсутствующим видом уставившись на свою руку. – Даже не троллок. Открылась рана, которую я получил в Фалме.

Морейн зашипела и, вырвав руку из хватки Лана, припала на колени возле Ранда. Откинув полу куртки, она изучала рану. Саму рану Перрин не видел, потому что Морейн заслонила ее головой, но сейчас запах крови стал сильнее. Руки Айз Седай сместились, и Ранд сморщился от боли.

– «Кровь Дракона Возрожденного на скалах Шайол Гул освободит человечество от Тени». Разве не так гласят пророчества о Драконе? – произнес он.

– Кто тебе это сказал? – требовательно спросила Морейн.

– Доставили бы меня сейчас к Шайол Гул, – вяло сказал Ранд, – с помощью Путевых врат или Портального камня, и можно всему положить конец. Не будет больше смертей. Не будет больше снов. Больше не будет.

– Будь все настолько просто, – угрюмо сказала Морейн, – я бы так или иначе это осуществила, но не все в Кариатонском цикле следует воспринимать буквально. На одно, о чем говорится прямо, приходится десять пророчеств, которые могут иметь сотни различных толкований. Не думай, что ты вообще что-то знаешь из того, что *должно* случиться, пусть даже кто-то пересказал тебе все пророчества до единого. – Она примолкла, будто собираясь с силами. Стиснув ангриал в кулаке, Айз Седай свободной рукой скользнула по раненому боку Ранда, как будто там не было крови. – Потерпи.

Вдруг Ранд широко распахнул глаза и сел, прямой, как натянутая струна. Он судорожно, задыхаясь, втягивал воздух, вздрагивая и глядя перед собой. Перрин, когда его Исцеляли, думал, что процедура длилась едва ли не вечность, но через несколько мгновений Морейн позволила Ранду прислониться спиной к дубу.

– Я сделала... все, что в моих силах, – промолвила она, едва шевеля губами. – Все, что могла. Но будь осторожен: рана может открыться вновь, если...

Голос ее затих, и Морейн стала заваливаться на землю.

Ранд поймал ее, но рядом в мгновение ока оказался Лан и подхватил Морейн. Когда она оказалась на руках Стража, на его лице на миг отразилось чувство столь близкое к нежности, какого Перрин и не ожидал увидеть у Лана.

– Вымоталась, – сказал Страж. – Она позаботилась обо всех, но нет никого, кто избавил бы от усталости ее. Пойду уложу ее в кровать.

– Есть Ранд, – нерешительно промолвила Мин, но Страж покачал головой:

– Нисколько не сомневаюсь, что ты готов попробовать, овечий пастух, – сказал Лан, – но тебе известно так мало, что с тем же успехом ты можешь как помочь ей, так и убить ее.

– Верно, – заметил Ранд с горечью. – Мне доверять нельзя. Льюс Тэрин Убийца Родичей сгубил всех близких. Быть может, и я натворю таких же бед под конец.

– Не раскисай, овечий пастух, – строгим тоном сказал ему Лан. – Твои плечи – опора всему миру. Помни: ты – мужчина, и делай то, что должно быть сделано.

Ранд поднял взгляд на Стража, и, как ни удивительно, вся его горечь словно исчезла.

– Я стану сражаться в полную силу, – сказал он. – Потому что, кроме меня, больше никому, и это должно быть сделано, и в этом – мой долг. Я буду биться, но не обязан любить то, чем я стал. – Он закрыл глаза, как будто засыпая. – Я буду сражаться. Сны...

Лан какое-то время пристально глядел на него, потом кивнул. Страж поднял голову и поверх лежащей у него на руках Морейн посмотрел на Перрина с Мин:

– Уложите его в постель, да и сами хоть немного поспите. Нам понадобится составить план, и одному Свету ведомо, что случится дальше.

## Глава 6. Охота начинается



Перрин не надеялся уснуть, но желудок, набитый холодным рагу – его решимость по отношению к корешкам испарилась сразу, как в нос ударил запах остатков ужина, – и засевшая в костях усталость уложили юношу на кровать. Если он и видел сны, то не запомнил их. Проснулся Перрин оттого, что его тряс за плечи Лан, представший в лившемся через открытую дверь свете зари тенью в лучистом ореоле.

– Ранд пропал, – только и сказал Лан и спешно, почти бегом, ушел, но и этих слов было более чем достаточно.

Перрин, зевая, заставил себя сползти с кровати и торопливо оделся на утреннем холодке. Выйдя из хижины, он обнаружил снаружи лишь горстку шайнарцев, которые с помощью своих лошадей отволакивали тела троллоков в лес, и по тому, как двигалась большая часть солдат, было понятно, что им не помешало бы как следует отлежаться. Исцеление отбирает силы, и, чтобы восстановить их, телу нужно время.

Желудок у Перрина требовательно заворчал, и он заинтересованно принялся к ветерку в надежде, что кто-то уже занялся стряпней. Он готов был слопать те похожие на репу коренья даже сырыми. Но нос Перрина обнаружил лишь застоялый смрад убитого мурддраала, вонь мертвых троллоков, запахи людей, живых и павших, лошадей и деревьев. И погибших волков.

Избушка Морейн, стоявшая на противоположном склоне низины-чаши, выглядела местом притяжения всех и вся. Вот внутрь забежала Мин, через пару-тройку мгновений оттуда вышел Масима, за ним – Уно. Одноглазый скрылся за деревьями, рысцой припустив к крутой скальной стене позади хижины, в то время как второй шайнарец стал, прихрамывая, спускаться по склону.

Перрин направился к избушке. Когда он шлепал вброд через мелкий ручей, то ему повстречался Масима. Лицо шайнарца было измученным, шрам на щеке стал заметнее, а глаза запали даже глубже обычного. Посреди ручья тот неожиданно поднял голову и схватил Перрина за рукав куртки.

– Ты из одной с ним деревни, – хрипло сказал Масима. – Ты должен знать. Почему лорд Дракон покинул нас? Какой грех мы совершили?

– Грех? О чем ты говоришь? Куда бы там Ранд ни отправился, это вовсе не из-за того, что вы что-то там сделали или не сделали.

Ответ ни в коей мере не удовлетворил Масиму; он не отпуская рукав Перрина и вглядываясь ему в лицо, словно надеялся увидеть там ответы. Ледяная вода начала просачиваться в левый сапог Перрина.

– Масима, – произнес он осторожно, – что бы ни сделал лорд Дракон, это случилось согласно его замыслам. Лорд Дракон не оставил бы нас.

«Или оставил бы? Будь я на его месте, поступил бы так?» – подумал Перрин.

Масима медленно кивнул:

– Да. Да, теперь я все понял. Он в одиночку вышел в мир, чтобы разнеслась весть о его явлении. Мы тоже должны нести эту весть. Да. – Он похромал через ручей, бормоча что-то себе под нос.

Хлюпая через шаг, Перрин поднялся к избушке Морейн и постучал в дверь. Никто не откликнулся. Поколебавшись немного, он вошел.

Прихожая, где ночевал Лан, была столь же проста и аскетична, как и хижина самого Перрина: грубо сколоченная кровать у одной стены, несколько колышков, на которых обитатели избушки развешивали свои пожитки, и одна полка. Через открытую дверь проникало не так уж и много света, а кроме него, комнатку освещали лишь неказистые светильники на полке – лучины из маслянистой смолёнки, воткнутые в трещины обломков камней. От них поднимались тонкие струйки дыма, туманным облаком скапливающегося под крышей. Нос Перрина невольно сморщился от смолистого запаха горящего дерева.

Макушкой Перрин едва не доставал низкого потолка, а вот Лойал почти упирался в него головой, хотя и сидел в изножье кровати Лана. Стараясь занять поменьше места, огир даже подтянул колени. Увенчанные кисточками уши беспокойно подергивались. Мин сидела скрестив ноги на земляном полу рядом с дверью, ведущей в комнату Морейн, сама же Айз Седай в раздумьях ходила туда-сюда. Должно быть, то были мрачные думы. Доступное ей пространство укладывалось в три шага, но она решительно промеряла его вновь и вновь, и энергичность ее быстрой поступи шла вразрез со спокойствием, которое выражало ее лицо.

– По-моему, Масима сходит с ума, – сказал Перрин.

– А когда-нибудь он был в здравом уме? – фыркнула Мин.

Морейн повернулась к Перрину, поджав губы.

– Неужели Масима – самое важное из того, о чем ты думаешь этим утром, Перрин Айбара? – сказала она тихим голосом. Слишком тихим.

– Нет. Мне бы знать, когда ушел Ранд и почему. Видел ли кто, как он уходил? Хоть кто-то знает, куда он отправился? – Перрин заставил себя взглянуть Айз Седай в глаза так же твердо и спокойно, как и она. Это оказалось не так-то просто. Пусть он превосходил ее ростом, но она-то была Айз Седай. – Не ваша ли тут вина, Морейн? Не вы ли держали его в узде, пока он не утратил всякое терпение и не решил идти куда угодно, делать хоть что-то, лишь бы не сидеть сиднем?

Уши у Лойала встали торчком, и он украдкой сделал толстым пальцем предостерегающий знак.

Слегка склонив голову набок, Морейн вонзила испытующий взгляд в Перрина, и он изо всех сил старался не опустить взор.

– Я здесь ни при чем, – промолвила Айз Седай. – Он ушел где-то среди ночи. Когда, как и почему – я еще надеюсь узнать.

Плечи Лойала расслабленно поникли – он испустил тихий вздох облегчения. Тихий для огира, а так звук походил на шипение, с каким взлетает пар, когда раскаленное докрасна железо охлаждают в чане с водой.

– Никогда не серди Айз Седай, – прошептал Лойал, очевидно себе под нос, но услышали его все. – «Лучше обнять солнце, чем разгневать Айз Седай».

Мин чуть склонилась вперед и протянула Перрину сложенный лист бумаги:

– Ночью, после того как мы уложили Ранда в постель, Лойал ходил его проведать, и тот попросил у него ручку, бумагу и чернила.

Огир дернул ушами и нахмурился так, что длинные его брови свесились до самых щек.

– Не знал я, что он задумал. Не знал.

– Мы это понимаем, – сказала Мин. – Лойал, никто тебя ни в чем не обвиняет.



Морейн нахмурилась, глядя на письмо, но не стала мешать Перрину, когда тот читал. Послание было написано рукой Ранда.

*То, что я делаю, я делаю потому, что другого выхода нет. Он вновь преследует меня, и, думаю, в этот раз один из нас должен умереть. Но моим спутникам незачем погибать вместе со мной. Слишком многие уже отдали за меня жизнь. Я тоже умирать не желаю и, если у меня получится, постараюсь остаться в живых. Во снах кроется смерть и ложь, но в них есть также и правда.*

На этом письмо заканчивалось, подписи не было. Перрину не было нужды гадать, кого имел в виду Ранд под словом «он». Для Ранда, для всех них им мог быть только один – Ба’ал-замон.

– Ранд оставил записку там, подсунул под дверь, – сказала Мин напряженным голосом. – Взял кое-что из старой одежды, которую шайнарцы вывесили на просушку, а еще свою флейту и лошадь. Немного съестных припасов, и ничего больше, насколько нам известно. Никто из часовых не видел, как он ушел, а ведь прошлой ночью они бы не пропустили и крадущейся мыши.

– А если бы и заметили? Тогда что? – спокойно сказала Морейн. – Неужели кто-то из них встал бы на пути *лорда Дракона*? Или хотя бы окликнул его? Найдутся такие, кто – Масима, к примеру, – горло себе перережет, если так велит им *лорд Дракон*.

Настала очередь Перрина сверлить взглядом Айз Седай.

– А вы ждали чего-то другого? Они поклялись следовать за ним. Света ради, Морейн, он бы никогда не назвал себя Драконом, если бы не вы. Чего же вы от них ждете? – Она молчала, и дальше Перрин говорил уже тише: – Вы верите, Морейн? Верите, что он действительно Дракон Возрожденный? Или просто считаете, что он из тех, кого вы можете использовать, пока Единая Сила не убьет его или не сведет с ума?

– Спокойнее, Перрин, – сказал Лойал. – Не кипятись так.

– Я успокоюсь, когда она мне ответит. Ну так что же, Морейн?

– Он тот, кто он есть, – коротко ответила она.

– Вы говорили, что Узор в конце концов вынудит Дракона выйти на верный путь. Не это ли случилось, или же он всего лишь пытается от вас удрать? – На какое-то мгновение Перрин подумал, что зашел слишком далеко – темные глаза Айз Седай блеснули гневом, – но и сдавать назад он был не намерен. – Так что?

Морейн глубоко вздохнула:

– Вполне возможно, что все предначертано Узором, однако я не предполагала, что ему суждено уйти в одиночку. Он владеет огромной мощью, но, несмотря на это, во многих отношениях Ранд незащищен, как дитя, и столь же мало знает мир вокруг. Да, направлять он способен, но не всегда ему удастся призвать Единую Силу, и, даже обратившись к ней, нередко он не знает, что ему делать с ее потоком, как его контролировать. И если он не научится управлять Силой, то сойти с ума не успеет – прежде она сама уничтожит его. Но ему еще столь многому нужно учиться. Ранд желает бегать, не обучившись ходить.

– Вы играете словами, Морейн, и уводите по ложным следам, – фыркнул Перрин. – Если он, как вы выразились, тот, кто он есть, разве вам не приходило в голову, что он лучше вас знает, как ему поступать?

– Он тот, кто он есть, – повторила она твердо, – но я должна сохранить ему жизнь, раз ему предопределено что-то осуществить. Мертвым ему не исполнить пророчеств, и даже если он сумеет избежать приспешников Тьмы и отродий Тени, есть тысячи других, готовых убить его. Все сказанное – лишь намек на сотую часть того, кто он есть. Но если это все, с чем он

может столкнуться, я бы и вполтину так не беспокоилась, как сейчас. Нельзя сбрасывать со счетов Отрекшихся.

В углу раздался стон Лойала; Перрин вздрогнул и по привычке забормотал:

– «Темный и все Отрекшиеся заточены в Шайол Гул...»

Однако Мореин не дала ему закончить:

– Печати слабеют, Перрин. Некоторые из них сломаны, хотя об этом мир не знает. Не должен знать. Отец Лжи не на свободе. Пока еще. Но поскольку печати поддались и все больше ослабевают, кто из Отрекшихся уже смог вырваться? Ланфир? Саммаэль? Асмодиан? Или Бе'лал, или Равин? Или сам Ишамаэль, Предавший Надежду? Всего их было тринадцать, Перрин, и они были скованы печатями, а не стенами узилища, в котором удерживается Темный. Тринадцать самых могучих Айз Седай, что жили в Эпоху легенд, и слабейший из них сильнее десятка сильнейших Айз Седай наших дней, а самый невежественный владеет всеми знаниями Эпохи легенд. И все они, каждый мужчина, каждая женщина, отринули Свет и предали свои души Тени. Что, если они освободились и поджидают его? Я не позволю им его заполнить.

Перрин вздрогнул – отчасти из-за ледяной стали в ее последних словах, отчасти из-за мыслей об Отрекшихся. Он и мысли допускать не желал хотя бы об одном Отрекшемся, который свободно разгуливает по миру. Этими именами пугала мать, когда он был маленьким. «За мальчиками, которые матерям не говорят правду, приходит Ишамаэль. А тех мальчиков, которые не ложатся спать, когда положено, в ночи подстерегает Ланфир». И то, что он стал взрослым, не сильно умеряло страхи – не теперь, когда он узнал, что все они реальны. Не теперь, когда Мореин сказала, что они, быть может, освободились.

– Заточены в Шайол Гул, – прошептал Перрин, мечтая верить в это, как прежде. Снедаемый тревогой, он перечитал письмо Ранда. – Сны. Он и вчера о снах говорил.

Шагнув к Перрину, Мореин впиалась взглядом ему в лицо:

– Сны?

Вошли Лан и Уно, но Мореин жестом велела им молчать. В маленькой комнатухе стало совсем тесно: пять человек, да еще и огир вдобавок.

– Что за сны снились *тебе* в последние несколько дней, Перрин? – Все его уверения, что с его снами все было в порядке, она пропустила мимо ушей. – Рассказывай, – настаивала Мореин. – У тебя были необычные сны? Какие именно? Говори! – Айз Седай впиалась в юношу взглядом, вытягивая из него слова, словно кузнечными клещами.

Перрин оглянулся на остальных – они все, даже Мин, пристально смотрели на него – и неохотно рассказал об одном сне, который представлялся ему странным и который повторялся каждую ночь. Сон о мече, которого он не мог коснуться. О волке, явившемся ему в последнем сне, говорить не стал.

– Калландор, – выдохнул Лан, услышав рассказ Перрина. Какой бы каменной твердости ни было у него лицо, Страж казался ошеломленным.

– Да, – промолвила Мореин. – Но мы должны быть совершенно уверены. Поговори с остальными. – Лан поспешно вышел из хижины, а она обратилась к Уно: – А твои сны о чем? Тебе тоже снился меч?

Шайнарец переминался с ноги на ногу. Нарисованный на повязке красный глаз смотрел прямо на Мореин, но живой глаз Уно помаргивал и бегал.

– Да мне все время снятся сны о растрек... гм... клинках, Мореин Седай, – отвечал он напряженным голосом. – И в последние ночи, наверно, тоже меч снился. Я свои сны помню не так хорошо, как лорд Перрин.

– Лойал? – спросила Мореин.

– Сны у меня всегда одни и те же, Мореин Седай. Рощи, Великие Древа и стеддинг. Когда мы, огиры, находимся вдали от стеддинга, то всегда видим его во сне.

Айз Седай повернулась снова к Перрину.

– То был просто сон, – сказал тот. – И ничего больше.

– Сомневаюсь, – молвила она. – Ты описал зал, именуемый Сердцем Твердыни, тот, что расположен в крепости под названием Твердыня Тира. И описал так, будто стоял в том зале. А сияющий меч – Калландор, Меч-Который-Не-Меч, Меч-Которого-Нельзя-Коснуться.

Лойал сел прямо, стукнувшись головой о потолок, и, похоже не заметив этого, произнес:

– Пророчества о Драконе гласят: Тирская Твердыня не падет, пока рука Дракона не завладеет Калландором. Падение Твердыни Тира будет одним из вернейших знамений Возрождения Дракона. Если Ранд возьмет Калландор, всему миру придется признать его Драконом.

– Возможно. – Слово поплыло с уст Айз Седай, точно льдинка по стоячей воде.

– Возможно? – переспросил Перрин. – Возможно? Я думал, что это последний знак, последнее, что остается для свершения ваших пророчеств.

– Не первый, но и не последний, – сказала Морейн. – Калландор будет лишь очередным исполнением того, что описано в Кариатонском цикле, тогда как рождение Дракона на склонах Драконовой горы было первым. Он еще должен повергнуть государства, или раздробить мир. Даже книгочеи, всю свою жизнь вдоль и поперек изучавшие пророчества, ведать не ведают, какое им всем дать объяснение. Что означает то, что он «поразит свой народ мечом мира и уничтожит их листом»? Как понимать «девять лун обяжет он служить себе»? Тем не менее этим пассажем в цикле придается такое же важное значение, как и Калландору. Есть и другие. Что за «раны безумия и порезы надежды» должен он исцелить? Что за цепи суждено ему разорвать и кто закован в те цепи? А некоторые из предсказаний настолько туманны, что он, возможно, уже исполнил их, пусть даже я о том и не знаю. Так что – нет. Калландор – далеко не последний в списке.

Перрин беспокойно повел плечами. Из пророчеств он знал только кое-какие отрывки и отдельные строки; а с тех пор как Ранд позволил Морейн всучить себе в руки то знамя, то Перрину даже слышать о них лишний раз не хотелось. Нет, это нежелание родилось у него даже раньше. После того, как путешествие с использованием Портального камня убедило Перрина, что его жизнь самой судьбой связана с жизнью Ранда.

– Если же ты, Лойал, сын Арента, сына Халана, – продолжала Морейн, – считаешь, будто Ранду достаточно просто руку протянуть, то ты глупец, как и он сам, если так думает. Даже если он живым доберется до Тира, в Твердыню он может никогда и не попасть. К Единой Силе тайренцы вовсе любви не питают, и еще меньше им понравится человек, утверждающий, будто он – Дракон. Направлять Силу – деяние, объявленное там противозаконным, а Айз Седай, самое лучшее, лишь терпят, пока те не обращаются к Силе. Цитируешь вслух пророчества о Драконе или хотя бы владеешь экземпляром Кариатонского цикла – этого в Тире достаточно, чтобы ты оказался в тюрьме. И никто не вступит в Твердыню Тира без позволения правящих там благородных лордов. А уж в Сердце Твердыни не допускается никто, за исключением самих благородных лордов. Он к этому не готов. Не готов.

Перрин тихонько хмыкнул. Твердыня нипочем не падет, пока Дракон Возрожденный не возьмет Калландор. «Как, Света ради, он должен добраться до меча – что находится внутри проклятой крепости! – до того, как крепость падет? Безумие какое-то!»

– Почему же мы просто сидим тут? – воскликнула Мин. – Если Ранд направился в Тир, почему бы нам не идти за ним? Его могут убить или... или... Почему мы здесь отсиживаемся?

Морейн положила ладонь на голову Мин.

– Потому что я должна быть уверена, – мягко сказала она. – Не слишком-то приятно, когда Колесо избирает, быть тебе великим или пребывать в тени величия. Избранники Колеса могут лишь принимать то, что грядет.

– Надоело уже принимать то, что грядет. – Мин потерла глаза рукой. Перрину почудилось, будто он заметил слезы. – Пока мы ждем, Ранд уже мог умереть.

Мореин пригладила волосы Мин; на лице Айз Седай появилось выражение чуть ли не жалости.

Перрин присел на край кровати Лана, напротив Лойала. Людской запах густым облаком висел в воздухе – запах людей, а еще тревоги и страха; от Лойала пахло книгами и деревьями, равно как и беспокойством. Ощущение ловушки усугубляли стены вокруг них – стены и теснота жилища. Горящие лучины добавляли вони.

– Как может мой сон подсказать, куда ушел Ранд? – спросил Перрин. – Это же мой сон.

– Те, кто способен направлять Единую Силу, – негромко промолвила Мореин, – те, кто особенно силен во владении духом, иногда навязывают собственные сны другим людям. – При этом она не переставала успокаивать Мин, нежно поглаживая ее по голове. – Особенно тем, кто... восприимчив. Вряд ли Ранд поступал так нарочно, но сновидения тех, кто прикасается к Истинному Источнику, бывают сильны. С учетом мощи Ранда его сны вполне могут охватить целую деревню, а может, даже и город. Он мало знает о том, что он способен делать и что он делает, и еще меньше – как контролировать свой дар.

– Тогда почему эти сны не снились вам? – спросил Перрин. – Или Лану.

Уно вперил взор куда-то перед собой и вид имел такой, будто хотел оказаться где угодно, лишь бы не здесь, а у Лойала поникли уши. Перрин слишком устал и проголодался, чтобы беспокоиться, выказывает ли он Айз Седай должное уважение. И вдобавок был слишком разгневан – как он только что осознал.

– Почему? – пытливо повторил Перрин свой вопрос.

– Айз Седай обучены ограждать свои сны, – спокойно отвечала Мореин. – Каждый раз, когда засыпаю, я выставляю защиту, даже о том не задумываясь. Стражи, благодаря узам, обрегают нечто весьма схожее. Гайдины не могли бы выполнять возложенные на них задачи, если бы Тень вкрадывалась в их сновидения. Во сне любой из нас уязвим, а Тень по ночам в самой силе.

– Вечно мы от вас узнаем что-то новенькое, – пробурчал Перрин. – Нельзя ли хоть раз заранее сказать нам, чего ждать, вместо того чтобы объяснять уже случившееся?

Уно выглядел так, будто старался придумать повод немедленно убраться вон.

Мореин обратила на Перрина хмурый взгляд:

– Ты хочешь, чтобы я с тобой за один вечер поделилась знаниями всей своей жизни? Или, по-твоему, года хватит? Вот что я скажу тебе. Остерегайся снов, Перрин Айбара. Будь очень осторожен со снами.

Перрин отвел глаза в сторону.

– Осторожен я, – пробормотал он. – Осторожен.

Затем воцарилась тишина, нарушать которую никто не испытывал желания. Мин сидела, уставившись на свои скрещенные лодыжки, хотя, очевидно, находя в присутствии рядом Мореин какое-то утешение. Уно стоял, прислонившись к стене и не глядя ни на кого. Лойал забылся настолько, что вытащил из кармана книгу и в тусклом свете пытался читать. Ожидание все тянулось, выматывая Перрина. «Не Тени в своих снах я боюсь. Волков я боюсь. Ни за что не пушу их в свои сны. Не пушу!»

Возвратился Лан, и Мореин нетерпеливо выпрямилась. Страж ответил на ее немой вопрос:

– Половина из них припомнила сны с мечами в последние четыре ночи подряд. Некоторые помнят зал с огромными колоннами, а пятеро сказали, что меч был то ли из стекла, то ли из какого-то кристалла. Масима говорит, что прошлой ночью видел во сне, как этот меч держит Ранд.

– Это все проясняет, – заметила Мореин. Оживившись, Айз Седай потирала руки; казалось, будто внезапно она преисполнилась новых сил. – *Теперь* я уверена. Правда, еще бы хоте-

лось узнать, как ему удалось уйти незамеченным. Если он раскрыл какой-то талант, корнями уходящий в Эпоху легенд...

Лан поглядел на Уно, и одноглазый воин взволнованно передернул плечами:

– Побери меня прах, совсем позабыл я за этим проклятым разговором, что растре... – Он запнулся и, прокашлявшись, покосился на Морейн. Она выжидающе глядела на него. – Я о том, что... э-э... то есть я прошел по следам лорда Дракона. Теперь в ту укромную долинку есть иной путь. То... землетрясение обрушило ее дальнюю стену. Подъем там получился крутой, однако лошадь его одолеет. На перевале я нашел еще больше следов, а оттуда есть легкий спуск вокруг горы.

Договорив, Уно сделал глубокий выдох.

– Хорошо, – сказала Морейн. – По крайней мере, он не открыл вновь способа, как летать, или как становиться невидимым, или еще что-то такое, о чем говорят легенды. Нам нужно не мешкая последовать за ним. Уно, я дам тебе достаточно золота, чтобы ты с остальными добрался до Джеханнаха, и назову имя того, кто позаботится, чтобы там тебе дали еще. К чужеземцам гэлданцы относятся настороженно, но, если не будете привлекать к себе внимания, вас не потревожат. Ждите там, пока я не пришлю весточку.

– Мы отправимся вместе с вами, – возразил Уно. – Все мы поклялись следовать за Драконом Возрожденным. Нас совсем горстка, и я не понимаю, как мы захватим крепость, которую прежде никто никогда взять не мог, но с помощью лорда Дракона мы совершим то, что должны.

– Так мы теперь «народ Дракона». – Перрин безрадостно рассмеялся. – «Твердыня Тира останется несокрушимой, пока не явится народ Дракона». Морейн, вы дали нам новое имя?

– Следи за языком, кузнец, – прорычал Лан, воплощение камня и льда.

Морейн пронзила их обоих взглядом, и они умолкли.

– Извини, Уно, – сказала она. – Чтобы была надежда настигнуть Ранда, мы должны двигаться быстро. Из шайнарцев ты один в состоянии выдержать долгую погоню, а остальным нужно несколько дней, чтобы набраться сил. Мы же не можем ждать ни дня. Как только смогу, я пошлю за вами.

Уно состроил кислую мину, но поклонился, соглашаясь с решением Айз Седай. Получив ее позволение уйти, шайнарец выпрямился и отправился с известиями к остальным.

– Ну а я отправлюсь с вами, что бы вы там ни говорили, – со всей твердостью заявила Мин.

– Ты отправишься в Тар Валон, – сказала ей Морейн.

– Ничего подобного!

Словно не услышав ее ответа, Айз Седай спокойно продолжила:

– Престол Амерлин необходимо известить обо всем случившемся, а рассчитывать на то, что отыщется доверенное лицо с почтовыми голубями, я не могу. Как и на то, что Амерлин вообще увидит послание, которое я отправлю с голубем. Дорога долгая и трудная. В одиночку я бы тебя не послала, будь у нас возможность хоть кого-то дать тебе в провожатые, но я позабочусь о деньгах для тебя и о письмах тем, кто может помочь тебе в пути. Скачи быстро, гони во весь опор. Загонишь лошадь, купи другую – или укради, если потребуется, – но скачи быстро.

– Пусть Уно передаст ваше послание. Он справится – вы сами так сказали. А я отправляюсь за Рандом.

– У Уно свои обязанности, Мин. И неужели ты думаешь, будто мужчина может запросто явиться к воротам Белой Башни и потребовать аудиенции у Престола Амерлин? Даже короля заставят ожидать не один день, если он прибудет без предупреждения, а простому шайнарцу, боюсь, придется неделями, если не целую вечность, обивать пороги. Не говоря уже о том, что о столь необычном событии еще до захода солнца станет известно в Тар Валоне всем и каждому. Не многие женщины ищут встречи с самой Амерлин, но такое случается, и больших пересудов это не вызовет. Никто не должен узнать и той малости, что Престол Амерлин получила от меня

послание. От сохранения тайны, возможно, зависит ее жизнь – да и наши тоже. Именно ты должна стать моим гонцом.

Мин сидела, шевеля губами, со всей очевидностью подбирая новые доводы, но Морейн уже повернулась к Стражу:

– Лан, я крайне опасаясь, что следов ухода Ранда мы обнаружим куда больше, чем мне того хотелось бы, но я полагаюсь на твое умение следопыта. – (Страж кивнул.) – Перрин? Лойал? Вы пойдете со мной за Рандом?

Сидевшая у стены Мин возмущенно запротестовала, но на ее жалобы Айз Седай внимания не обратила.

– Я пойду, – поторопился сказать Лойал. – Ранд – мой друг. И готов признаться: я ничего не хочу пропустить. Сами знаете, дело в моей книге.

Перрин с ответом не спешил. Ранд был его другом, в кого бы он там ни перековался. И вряд ли есть сомнения, что их судьбы связаны, хотя Перрин совсем не возражал бы, чтобы подобная участь его миновала – если существует такая возможность.

– Это же нужно, верно? – в конце концов промолвил он. – Я пойду.

– Хорошо. – Морейн вновь потеряла руки – с видом человека, готового взяться за важное дело. – Так, вам всем нужно собираться в дорогу. И немедленно! Ранд опережает нас на несколько часов. Я намерена еще до полудня уверенно идти по его следу.

В последних словах стройной Айз Седай было столько воли и целеустремленности, что всех, кроме Лана, будто рукой подтолкнуло к двери; Лойал ступал горбясь, пока не вышел из хижины. Перрину на ум пришло сравнить Морейн с хозяйкой, погоняющей гусей.

Едва перешагнув порог, Мин чуть задержалась и, обернувшись, с чересчур сладкой улыбкой обратилась к Лану:

– А от тебя никакой весточки никому передать не надо? Найнив, быть может?

Страж на это моргнул пару раз, хотя кто другой, если бы его вот так застигли врасплох, выглядел бы как охромевшая на одну ногу лошадь.

– Все знают... – начал Лан, но почти сразу же взял себя в руки. – Если ей нужно будет от меня что-то услышать, я сам ей скажу. – И он захлопнул дверь прямо у нее перед носом.

– Мужчины! – пробормотала Мин в закрытую дверь. – Не видят того, что и валун узрит, и чересчур упрямы, чтобы доверить им самим думать за себя.

Перрин сделал глубокий вдох. Слабые запахи смерти по-прежнему висели в воздухе низины, но это было лучше тесноты в хижине. Немного лучше.

– Чистый воздух, – вздохнул Лойал. – Дым уже начал мне надоедать.

Вместе они двинулись вниз по склону. На берегу ручья вокруг Уно собрались шайнарцы, те, кто мог держаться на ногах. Судя по жестикуляции, одноглазый воин обильно сыпал проклятиями, наверстывая упущенное время.

– За что вам двоим такие привилегии? – неожиданно спросила Мин. – У вас-то она *спросила*. Мне она такой любезности, как просьба, не оказала.

Лойал покачал головой:

– По-моему, Мин, она спрашивала, уже зная, как мы ответим. Похоже, Морейн может прочесть и меня, и Перрина, точно книгу. Она знает, как мы поступим. А ты для нее – книга закрытая.

Видимо, сказанное огиром Мин не сильно успокоило. Она посмотрела снизу вверх на обоих спутников: с одной стороны – Перрин, который больше чем на голову выше ее, с другой – Лойал, возвышающийся над нею, как башня.

– Будто мне от этого легче, – сказала Мин. – Я до сих пор иду, куда она хочет, так же безропотно, как и вы, барашки. А поначалу ты неплохо держался, Перрин. Напустился на Морейн так, будто она продала тебе одежду, у которой швы расползаются.

– А ведь и вправду я на нее накинулся, – с удивлением промолвил Перрин. Он и сам не сообразил, что именно сделал. – Это оказалось не так ужасно, как я себе представлял.

– Ты везунчик, – пророкотал Лойал. – «Гневить Айз Седай – все равно что голову в осиное гнездо сунуть».

– Лойал, – обратилась к нему Мин. – Мне нужно потолковать с Перрином. С глазу на глаз. Ты не против?

– О-о, нет! Конечно нет. – Огир перестал сдерживать свой обычный шаг и быстро ушел вперед, доставая трубку и кисет с табаком из кармана долгополой куртки.

Перрин настороженно посматривал на Мин. Девушка покусывала губу, подбирая, по-видимому, нужные ей слова.

– Ты когда-либо видела образы вокруг него? – спросил юноша, кивком указывая на удаляющегося огира.

Она покачала головой:

– По-моему, такое выходит только с людьми. Но в твоих знаках я вижу кое-что, о чем тебе лучше бы знать.

– Я же говорил тебе...

– Перрин, не стоит прикидываться тупицей больше, чем следует. Тогда, в хижине, появились новые образы, сразу после того, как ты сказал, что пойдешь. Раньше их не было. Они должны быть связаны с предстоящим походом. Или, по крайней мере, с тем, что ты решил пойти.

Помолчав, Перрин с неохотой спросил:

– И что же ты видишь?

– Айильца в клетке, – быстро сказала она. – Человека из Туата'ан с мечом. Сокола и ястреба, усевшихся тебе на плечи. Это, по-моему, соколиха и ястребица. Ну и все остальное, разумеется, то, что всегда там. Тьма, кружащаяся вокруг тебя, и...

– Больше ни слова! – Убедившись, что девушка умолкла, Перрин почесал голову, размышляя. Все сказанное звучало для него полной бессмыслицей. – У тебя есть хоть какие-то мысли, что все это значит? Я про новые образы спрашиваю.

– Нет, но они важны. Как и все знаки, которые я вижу. Поворотные моменты в жизни людей или то, чему суждено сбыться. Это всегда важно. – Она помолчала, в чем-то сомневаясь и глядя на Перрина. – И вот еще что... – медленно добавила она. – Если встретишь женщину – самую красивую женщину из всех, каких ты когда-либо видел, – беги!

Перрин заморгал:

– Ты видела красавицу? С какой стати мне убегать от красивой женщины?

– А просто совет принять ты не можешь? – раздраженно промолвила Мин. Она пнула камешек и проследила, как тот скатывается по склону.

Торопиться с выводами Перрин не любил – одна из причин, почему некоторые люди считали его тугодумом, – но он сопоставил ряд высказываний Мин за последние несколько дней и пришел к поразительному заключению. Он встал как вкопанный, мучительно подбирая слова:

– Мм... э-э... Знаешь, Мин, ты мне нравишься... Нравишься, но... мм... вроде как напоминаешь мне моих сестреноч... Я хочу сказать, ты...

Девушка подняла голову, и он запнулся, наткнувшись на ее взгляд из-под удивленно приподнятых бровей. Поток его слов оборвался. На ее губах играла едва заметная улыбка.

– Что ж, Перрин, знай – я люблю тебя. – Мин постояла, наблюдая за тем, как он глотает ртом воздух, затем заговорила не спеша, осторожно подбирая слова: – Как брата, ты, чурбаноголовый простофиля! Нет, мужская самонадеянность никогда не перестает меня удивлять! Вы как один думаете, будто все происходящее связано исключительно с вами и каждая женщина обязана вас желать.

Перрин почувствовал, как по его лицу растекается горячий румянец:

– Я бы никогда... Я не... – Он прочистил горло. – Что ты там видела насчет женщины?

– Просто прими мой совет, – сказала Мин и быстрым шагом продолжила спуск к ручью. – Обо всем прочем можешь позабыть, – бросила она через плечо, – но насчет этого – берегись!

Перрин хмуро смотрел вслед девушке – и на сей раз его мысли вроде быстро пришли в порядок, – затем нагнал ее в два шага.

– Так это Ранд, да?

Она издала горлом нечленораздельный звук и покосилась на Перрина, не замедляя, впрочем, шага.

– Может, в конце концов, ты и не такой уж шерстеголовый, – пробормотала она. А потом добавила, будто разговаривая сама с собой: – Я связана с ним так же крепко, как ветка связана со стволом. Но я не видела знаков, говорящих об ответной любви Ранда ко мне. И я не единственная.

– А Эгвейн знает? – спросил Перрин.

Ранд и Эгвейн были чуть ли не обещаны друг другу с детства. Разве что на колени еще не вставали перед Кругом женщин, который объявил бы об их помолвке. Он не знал наверняка, насколько далеко все у них зашло, если вообще что-то изменилось.

– Знает, – коротко ответила Мин. – Как будто кому-то из нас от этого легче.

– А Ранд? Ему известно?

– О, конечно, – с горечью сказала она. – Так я ему и сказала, да? Или нет? «Ранд, я прочитала твои знаки, и, похоже, мне суждено в тебя влюбиться. А еще мне придется делить тебя с другими, что мне вовсе не по нраву, но так тому и быть». Нет, все-таки ты, Перрин Айбара, чудо чурбаноголовое. – Она сердито провела ладонью по глазам. – Если бы я могла быть с ним, то уверена, что помогла бы. Как-нибудь. О-о, Свет, если он умрет, не знаю, сумею ли я вынести это.

Перрин неловко пожал плечами:

– Послушай, Мин... Я все силы приложу, чтобы помочь ему. – «Чего бы это ни стоило». – Обещаю тебе. А для тебя и в самом деле лучше всего – отправиться в Тар Валон. Там безопасно, там тебе ничто не грозит.

– Безопасно? – Мин покатила слово на языке, будто пробуя на вкус и пытаясь определить, что оно значит. – По-твоему, в Тар Валоне безопасно?

– Уж если в Тар Валоне опасно, тогда опасно везде.

Девушка громко фыркнула, и дальше они пошли молча. Им, как и остальным, нужно было собираться в путь.



## Глава 7. Покидая горы



Спуск с гор был труден, но чем ниже спускался отряд, тем меньше Перрин испытывал необходимость в подбитом мехом плаще. Час за часом продвигались они, и на смену последним заморозкам пришли первые дни весны. Стаяли и пропали остатки снега, и на высокогорных лугах, по которым скакал отряд, начали появляться травы и полевые цветы – беленькие девичьи надежды и розовые непоседницы. Все чаще встречались деревья, листья на них становилось больше, и среди ветвей пели малиновки и луговые жаворонки. Были там и волки. Они никогда не показывались на глаза – даже Лан не говорил, что заметил хоть одного, – однако Перрин знал наверняка. Свой разум он накрепко закрыл от волков, но вновь и вновь едва уловимая – точно легким перышком прикоснулись – щекотка на задворках сознания напоминала ему, что они – там.

Большую часть времени Лан был занят тем, что разведывал путь для отряда; он, верхом на Мандарбе, своем черном боевом коне, разыскивал следы Ранда, а остальные следовали по тем знакам, что Страж оставлял для них. Стрелку, выложенную камешками на земле или легко нацарапанную на скалистой стене ущелья на развилке. Повернуть сюда. Пересечь эту седловину. Тут свернуть в сторону, по этой оленьей тропе, вот здесь через перелесок и вниз вдоль узкого ручья, пусть даже ничто и не указывает на то, что кто-то вообще когда-то проходил раньше этим путем. Ничто, кроме отметок Лана. Пучок травы или стеблей, перевязанный одним способом, велит повернуть влево, связанный по-другому – двигаться вправо. Согнутая ветка. Горка камней – значит впереди крутой подъем; два листа наколоты на шип – жди крутого спуска. По прикидкам Перрина, Страж использовал чуть ли не сотню разных знаков, и Мореин знала их все. Лан редко возвращался к отряду, обычно только когда они разбивали лагерь, и, как правило, он, отойдя в сторонку от костра, о чем-то тихо совещался с Мореин. Из лагеря же он чаще всего уходил за несколько часов до восхода солнца.

После него, едва лишь розовело небо на востоке, первой в седле всегда оказывалась Мореин. Айз Седай не слезала бы со своей белой кобылы, Алдиб, дотемна и готова была ехать и в ночи, вот только Лан отказывался двигаться дальше по следу в потемках.

– Если лошадь сломает ногу, это задержит нас куда больше, – говорил Мореин Страж, если та принималась жаловаться на промедление.

Ответ Мореин всегда был почти одинаков:

– Если ты не способен двигаться быстрее, то, пожалуй, придется мне отправить тебя к Мирелле, не дожидаясь, пока ты состаришься. Ладно, положим, это подождет, но ты должен вести нас быстрее.

Слова ее звучали наполовину шуткой, наполовину – сердитой угрозой. В них определенно таилась некая угроза или, вероятно, предостережение – такой вывод сделал для себя

Перрин, глядя на то, как Лан поджимал губы, пусть даже Айз Седай потом улыбалась и, протянув руку, успокаивающе похлопывала Стража по плечу.

После первого подобного разговора Перрин с подозрением поинтересовался:

– Кто такая Мирелле?

Лойал сокрушенно покачал головой, бормоча что-то насчет неприятностей, ожидающих тех, кто сует свой нос в дела Айз Седай. Лошадь под огиром, с мохнатыми щетками над копытами, была рослой и тяжеловесной, точно дхурранский жеребец, однако из-за свисающих по бокам длинных ног Лойала животное казалось недомерком – вроде большого пони.

На губах у Морейн заиграла улыбка, исполненная загадочного веселья.

– Зеленая сестра, только и всего. Та самая, кому Лан должен будет однажды передать посылочку на сохранение.

– Тот день придет не скоро, – сказал Лан, и, что поразительно, в голосе его слышался нескрываемый гнев. – А если это будет зависеть от меня, то и никогда. Ты переживешь меня надолго, Морейн Айз Седай!

«Слишком много у нее секретов», – подумал Перрин, но не стал углубляться в дальнейшие расспросы на тему, способную взломать железный самоконтроль Стража.

Позади седла Айз Седай был приторочен замотанный в одеяло сверток – знамя Дракона. Перрина беспокоило, что они взяли его с собой, но Морейн его мнения не спрашивала, а когда он его высказал, не послушала. Конечно, не каждый встречный сумел бы опознать знамя, даже если бы его увидел, и все же Перрин надеялся, что Морейн так же хорошо хранит секреты от других людей, как и оберегает от него.

Путешествие было скучным, по крайней мере поначалу. Одна увенчанная облачной шапкой гора едва ли не в точности походила на соседнюю, и открывавшийся впереди перевал мало чем отличался от того, который они недавно миновали. На ужин, как правило, Перрин добывал кролика, камнем из пращи. У него оставалось не так много стрел, чтобы рисковать ими, стреляя по кроликам в этой гористой местности. На завтрак чаще всего был остывший кролик, и его же, не сходя с седла, доедали на обед.

Иногда, если лагерь разбивали у ручья и света дня еще хватало, Перрин с Лойалом ловили горную форель: лежа на животе, по локоть запуская руки в холодную воду, они выдергивали зеленоспинных рыбин из-под скалистых подводных выступов, где те таились. Пальцы Лойала, громадные от природы, оказывались даже ловчее, чем у Перрина.

Как-то раз, на третий день пути, к рыболовам присоединилась Морейн. Спросив о том, как надо добывать форель, она растянулась на берегу ручья и, расстегнув жемчужные пуговицы, принялась закатывать рукава. Перрин с Лойалом обменялись удивленными взглядами. Огир пожал плечами.

– Вообще-то, дело нехитрое, – отвечал ей Перрин. – Просто нужно подвести руку сверху и сзади и подсунуть под низ, будто хочешь пощекотать рыбе брюшко. Затем выхватить. Хотя тут требуется сноровка. В первые несколько попыток можно ничего и не поймать.

– Я несколько дней упражнялся, пока поймал хоть одну, – добавил Лойал. Он уже погружал свои огромные руки в воду, действуя осторожно, чтобы не испугать рыбу своей тенью.

– Неужели так сложно? – промурлыкала Морейн.

Ее ладони скользнули в воду – и через мгновение она с плеском выдернула руки из ручья, удерживая в них жирную форель, шлепающую хвостом по воде. Бросив рыбу на берег, Морейн восторженно засмеялась.

Перрин, хлопая глазами, воззрился на рыбину, бьющуюся на земле в лучах заходящего солнца. Веса в ней было не меньше пяти фунтов.

– Вам изрядно повезло, – заметил он. – Такая крупная форель не часто прячется под столь небольшим уступом. Нам стоит пройти немного вверх по течению. Пока здесь под берегом устроится еще одна, уже стемнеть успеет.

– Ты думаешь? – спросила Морейн. – Вы двое, ступайте дальше. А я, пожалуй, еще попытаю счастья здесь.

Немного помедлив, Перрин прошел по берегу вверх по течению, высматривая нависающий над водой участок. Морейн явно что-то задумала, но он не мог сообразить, что именно. И это его беспокоило. Лежа на животе, следя, чтобы его тень не упала на ручей, он заглянул за обрыв. В воде висело с полдюжины вытянутых силуэтов – рыбы слегка пошевеливали плавниками, чтобы удержаться на месте. Вздыхнув, Перрин решил, что даже все вместе они не перевесят рыбину Морейн. Если им с Лойалом повезет, то они сумеют поймать еще по две, однако тени от деревьев на дальнем берегу уже протянулись по воде. Удачей станет теперь любая добыча, а ведь у Лойала аппетит под стать росту, и один огир запросто способен слопать и этих четырех рыб, и, пожалуй, большую часть той крупной рыбы. Лойал уже подводил свои большие ладони к очередной форели.

Не успел еще Перрин опустить руки в воду, как раздался возглас Морейн:

– Думаю, трех рыб нам хватит. Последние две будут поувесистей первой.

Перрин ошарашенно поглядел на Лойала:

– Не могла она столько наловить!

Огир выпрямился, обратив мелких форелей в бегство.

– Она – Айз Седай, – просто сказал он.

Когда они вернулись к Морейн, то, как и следовало ожидать, на берегу лежали три весьма крупные форели. Сама Айз Седай уже заканчивала застегивать пуговицы на рукавах.

Перрин подумал о том, чтобы напомнить ей, что тому, кто поймал рыбу, полагается ее и почистить, но в этот самый момент Айз Седай поймала взгляд юноши. На ее гладком лице не появилось никакого особенного выражения, но немигающие темные глаза как будто уже знали, что он хотел сказать, и наотрез отказали ему. Когда же Морейн отвернулась, Перрину почему-то показалось, что слишком поздно что-то говорить.

Бурча себе под нос, он вытянул из-за пояса нож и принялся потрошить и разделывать рыб.

– Похоже, Морейн вдруг разом позабыла, что каждый должен повседневной работой заниматься. Думаю, она пожелает, чтобы мы и сготовили, и прибрались после.

– Без сомнения, так и будет, – отозвался Лойал, не переставая возиться с другой рыбиной. – Она же – Айз Седай.

– По-моему, я где-то это уже слышал. – Нож Перрина вспорол рыбье брюхо. – Может, шайнарцы и рады были бегать туда-сюда, лишь бы ей чего подать-принести, но теперь-то нас всего четверо. Нам нужно все делать по очереди. Так честнее.

Лойал громко зафыркал от смеха:

– Сомневаюсь, что она смотрит на все таким образом. Сперва она была вынуждена терпеть то, что Ранд постоянно с ней спорит, а теперь ты вознамерился вместо него пререкаться. Вообще-то, Айз Седай никому с собой спорить не позволяют. Полагаю, она рассчитывает вновь привить нам привычку исполнять ею веленное, и не позже, чем мы доберемся до первой же деревни.

– Хорошая привычка, которой стоит держаться, – заметил Лан, откидывая за спину плащ. Страж возник словно бы ниоткуда в угасающем свете дня.

От неожиданности Перрин чуть не свалился с валуна, а у пораженного Лойала уши встали торчком. Ни тот ни другой не слышали шагов Стража.

– Привычка, которую вам никогда не следует терять, – добавил Лан и широким шагом направился в сторону Морейн и лошадей. Его сапоги ступали совершенно беззвучно даже по этой каменистой почве, а когда он оказался всего в нескольких шагах, свисавший со спины плащ придал ему пугающий облик бестелесной головы с руками, плывущими в воздухе вдоль ручья.

– Она нам нужна, чтобы найти Ранда, – тихо произнес Перрин, – но больше я не позволю ей распоряжаться моей жизнью. – И он принялся еще яростней чистить рыбу.

От обещанного Перрин отступаться не желал – он действительно собирался исполнить данное слово, – но в последующие дни обнаружилось, что каким-то не вполне ему понятным образом они с Лойалом взяли на себя и готовку, и уборку, и разные повседневные заботы, и все прочее, что Морейн полагала необходимым. Он даже по каким-то причинам взялся ежевечерне обихаживать Алдиб; юноша расседывал кобылу и как следует чистил ее, в то время как Морейн поудобней устраивалась на ночлег, погруженная, по всей очевидности, в глубокую задумчивость.

Лойал смирился с таким положением дел, как с чем-то неизбежным, но не Перрин. Он пытался отнекиваться, не соглашаться, но трудно было отказать Морейн в сущей мелочи, да еще и разумно ею обоснованной. Только вот за одной мелочью всегда следовала другая, обоснованная столь же разумно, как и первая, а затем еще и еще. Само присутствие Морейн и сила ее взгляда затрудняли возможные споры. То в тот самый момент, когда Перрин собирался открыть рот и решительно возразить, ее темные глаза ловили его взгляд. То приподнятая бровь намекала, что он был груб, или распахнутые от удивления глаза говорили о том, что он пытается отвергнуть ее столь пустяковую просьбу, или же в него впивался бесстрастно-спокойный взор, вобравший в себе самую суть понятия «Айз Седай». Все это заставляло Перрина уступать, а утраченные однажды позиции отвоевать обратно оказывалось невозможным. Он обвинил Морейн в том, что та использует против него Единую Силу, хотя на самом деле он вовсе не был в этом уверен, и она велела ему не валять дурака. Перрин начал чувствовать себя железной чушкой, которая пытается не дать кузнецу перековать себя в косу.

Вдруг Горы тумана резко сменились лесистыми предгорьями Гэалдана – местность, казалось, представляла собой сплошные долины и холмы, впрочем не слишком высокие. Олени, которые в горах зачастую лишь настороженно наблюдали за путниками, словно не зная, что такое человек, теперь, едва заведя лошадей, стремглав убегали прочь, лишь мелькали их белые хвосты. Серо-полосатых горных котов и след простыл, и лишь обостренное зрение позволяло Перрину улавливать вдалеке их едва различимые силуэты, что, как дым, сразу исчезали из виду. Отряд вступал в земли, населенные людьми.

Лан снял свой меняющий цвета плащ и возвращался все чаще, рассказывая, что ждет впереди. Во многих местах попадались вырубки. Вскоре привычными, если не сказать – почти неизменными видами, что представляли взорам всадников, стали окруженные оградами из грубого камня поля и люди, рядами шагающие по пашне и бросающие в землю семена из висевших на плечах котомок. Кое-где на вершинах холмов и взгорий виднелись отдельно стоящие постройки – фермерские дома и сложенные из серого камня амбары.

Здесь не должно было быть волков. Волки избегают мест, где есть люди, но Перрин по-прежнему ощущал их – невидимую свиту и стражу, окружившую конный отряд. Юношу переполняло нетерпение; он истомился в жажде поскорее добраться до какой-нибудь деревни или городка, до любого места, где многолюдье вынудит волков убраться восвояси.

На следующий день после того, как путники впервые заметили возделанное поле, как раз когда солнце коснулось горизонта у них за спиной, они вступили в деревню под названием Джарра, что стояла немногим севернее границы с Амадицией.

## Глава 8. Джарра



Серокаменные дома с крышами из сланцевых плиток, теснясь вдоль нескольких узких улиц Джарры, взбирались по склону холма, господствовавшего над речушкой с перекинутым через нее низеньким деревянным мостом. На грязных улицах, как и на имеющей уклон деревенской лужайке, было пусто, если не считать какого-то человека, подметавшего ступеньки единственной деревенской гостиницы, что стояла рядом с каменной конюшней; однако, судя по всему, совсем недавно на лужайке побывало немало народу. Посредине, образуя круг, высилось с полдюжины арок, сплетенных из зеленых ветвей и украшенных той малостью цветов, какую возможно собирать столь ранней весной. На изрядно потоптанной с виду земле виднелись и другие следы гулянья – скомканный красный женский шарф у подножия одной арки, вязаная детская шапочка, опрокинутый набок оловянный кувшин и немногие остатки угощения.

Задержавшиеся в воздухе над лужайкой ароматы сладкого вина и кексов с пряностями мешались с дымами десятков труб и запахами вечерней стряпни. На миг чутье Перрина уловило еще один запах, который он не сумел опознать, некий слабый след, от мерзости которого волосы у него на затылке встали дыбом. Затем запах пропал. Однако Перрин был уверен: тут прошло нечто, какое-то... зло. Он потерял нос, как будто хотел изгнать запах из памяти.

«Быть не может, что это Ранд. Свет, даже если он и *впрямь* сошел с ума, это не может быть он. Или может?»

Раскрашенная вывеска над дверью гостиницы гласила: «Прыжок Харилина», и на ней был изображен человек, стоящий на одной ноге и со вскинутыми руками. В ту минуту, когда всадники подбирали поводья перед массивным каменным зданием, подметальщик выпрямился, неудержимо зевая. Присмотревшись глазами Перрина, он вздрогнул, однако когда его взгляд упал на Лойала, то его собственные глаза, и без того навывкате, едва из орбит не вылезли. У селянина был широкий рот, но подбородок вряд ли заслуживал упоминания, поэтому выглядел работник очень похожим на лягушку. От него исходил застарелый запах кислого вина – для Перрина, по крайней мере. Несомненно, этот малый в празднестве поучаствовал.

Но подметальщик сумел взять себя в руки и, встряхнувшись, ухитрился согнуться в поклоне, прижав руку к двойному ряду деревянных пуговиц куртки. Взгляд его перебежал от одного путника к другому и всякий раз останавливался на Лойале, при этом его глаза округлялись еще больше.

– Добро пожаловать, добрая госпожа, и да осияет Свет ваш путь. Добро пожаловать, добрые господа. Желаете ли откусать, снять комнату, помыться? Все это найдется здесь, в «Прыжке». У мастера Харода, владельца гостиницы, хозяйство крепкое. Меня зовут Саймон. Если что-нибудь понадобится, кликните Саймона, и он вам это раздобудет. – Подметальщик опять зевнул, смущенно прикрыв рот и кланяясь, чтобы скрыть зевок. – Прошу прощения, добрая госпожа. Вы издалека? Нет ли у вас вестей о Великой охоте? Охоте за Рогом Валир? Или о Лжедраконе? Говорят, в Тарабоне Лжедракон появился. Или, может, в Арад Домане.

– Мы вовсе не из столь дальних краев, – сказал Лан, одним махом соскочив с седла. – Несомненно, тебе известно больше, чем мне.

Отряд принялся спешиваться.

– У вас тут играли свадьбу? – поинтересовалась Морейн.

– Свадьбу, добрая госпожа? Да у нас сплошняком свадьбы идут. Свадебное поветрие. И все в последние пару дней. Не только во всей деревне, но и на милю окрест не осталось ни одной незамужней женщины, которая по летам для помолвки годится. Подумать только, даже вдовушка Джорат проволокла старика Банаса через арки, и оба дали клятву, что больше никогда в брак не вступят. Точно вихрь какой прямо-таки всех подхватил. А началось-то с Рилит, дочки ткача, что взяла да и попросила Джона-кузнеца жениться на ней, а он-то по годам в отцы ей годится, а то и в деды. Старый болван просто снял фартук и сказал «да», и она потребовала поставить арки прямо здесь и сейчас. И слышать не пожелала о приличествующем ожидании, и остальные женщины встали на ее сторону. Вот с тех пор у нас свадьбы день и ночь. Да что там, вряд ли хоть кому-то вообще удалось поспать.

– Очень интересно, – сказал Перрин, когда Саймон примолк, чтобы в очередной раз зевнуть. – Но не случилось ли тебе видеть молодого...

– Да, весьма занимательно, – перебила Перрина Морейн, – и, возможно, попозже я еще выслушаю твой рассказ. А сейчас мы бы хотели занять комнаты и поужинать.

Лан, глядя на Перрина, сделал короткий резкий жест рукой, несомненно указывая придерживаться язык.

– Разумеется, добрая госпожа. Ужин. Комнаты. – Саймон помедлил, разглядывая Лойала. – Придется сдвинуть вместе две кровати для... – Он наклонился поближе к Морейн и понизил голос. – Прошу прощения, добрая госпожа, но... э-э... что именно... он... собой представляет? И я нисколько не хочу проявлять неуважение, – поспешил он добавить.

Говорил Саймон недостаточно тихо, и уши Лойала раздраженно задержались.

– Я – огир! А по-твоему, я кто? Троллок?

От рокочущего голоса огира Саймон отступил на шаг:

– Троллок, добрый... э-э... господин? Что вы, я же взрослый человек! В детские сказки я не верю. Ох, вы сказали «огир»? Да ладно, огиры ведь детск... я имею в виду... то есть... – Придя в явное отчаяние, он повернулся лицом к конюшне, стоявшей рядом с гостиницей, и прокричал: – Нико! Патрим! У нас постояльцы! Живо сюда! Надо о лошадях позаботиться!

Вскоре из конюшни, зевая и протирая глаза, появились двое мальчишек, с сеном в растрепанных шевелюрах. Они приняли поводья, Саймон же с поклоном указал в сторону ступеней, ведущих к дверям гостиницы.

Перрин перебросил через плечо седельные сумы и свернутое одеяло и, прихватив лук, последовал внутрь за Морейн и Ланом, перед которыми, кланяясь и едва ли не приплясывая, шел Саймон. Лойал, чтобы миновать дверной проем, вынужден был наклониться пониже, а когда же огир переступил порог, то его макушку от потолка гостиницы отделял всего лишь фут. Он продолжал ворчать под нос, что ему непонятно, почему так мало людей помнят об огирах. Голос его походил на отдаленные раскаты грома. Даже Перрин, шагавший прямо впереди Лойала, разобрал лишь половину сказанных им слов.

В гостинице пахло элем и вином, сыром и усталостью, и откуда-то из глубины здания доносился аромат жареного барашка. Несколько сидевших в общей зале мужчин так низко склонились над своими кружками, словно и впрямь не прочь были улечься на скамью и поспать. В дальнем конце залы единственная толстенькая служанка наполняла кружку из бочки с элем. Сам же хозяин, в длинном белом фартуке, сидел в углу на высоком табурете, привалившись спиной к стене. При появлении гостей он поднял голову и посмотрел на них затуманенным взглядом, но, когда в гостиницу вошел Лойал, у него отвисла челюсть.

– Постояльцы, мастер Харод, – объявил Саймон. – Желают снять комнаты. Мастер Харод? Он – огир, мастер Харод.

Служанка обернулась, увидела Лойала, и кружка выпала у нее из руки, загремев по полу. Из придавленных усталостью мужчин, что сидели за столами, никто даже взора не поднял. Один уронил голову на стол и захрапел.

Уши Лойала неистово задергались.

Мастер Харод медленно поднялся на ноги, не отрывая взгляда от Лойала и все время приглаживая фартук.

– Ну, он хотя бы не белоплащик, – промолвил наконец хозяин гостиницы, затем вздрогнул, словно поразившись тому, что произнес это во всеуслышание. – То есть я хочу сказать: добро пожаловать, добрая госпожа! Добрые господа! Простите, манеры у меня не очень. Единственное мое оправдание – усталость, добрая госпожа. – Он метнул еще один взгляд на Лойала и с недоверчивым видом проямлил: – Огир?

Лойал открыл уже было рот, но Морейн опередила его:

– Как уже сказал ваш человек, уважаемый хозяин, мне и моим спутникам нужны комнаты на ночь и ужин.

– О, конечно, добрая госпожа, конечно. Саймон, покажи-ка этим добрым людям наилучшие комнаты, чтобы они смогли положить свои вещи. К вашему возвращению, добрая госпожа, у меня на столе будет выставлено наилучшее угощение. Превосходный ужин.

– Извольте следовать за мной, добрая госпожа, – сказал Саймон. – И вы, добрые господа. – Он поклонился и указал на боковую лестницу, ведущую из общей залы наверх.

Позади Морейн и остальных один из мужчин за столом вдруг воскликнул:

– Что, во имя Света, оно такое?

Мастер Харод пустился в разъяснения насчет огир, причем говорил таким тоном, словно был хорошо с ними знаком. Большая часть его рассказа, какую услышал Перрин, пока голоса не стихли позади, была неправдой. Уши у Лойала дергались не переставая.

На втором этаже огир головой едва не стал скрести о потолок. В узком коридоре было совсем темно, только в окно у двери в дальнем конце врывались закатные отсветы.

– В комнатах есть свечи, добрая госпожа, – промолвил Саймон. – Надо бы лампу принести, но у меня голова все еще кругом идет от всей этой свадебной кутерьмы. Если пожелаете, я пришлю кого-нибудь развести огонь. А еще, разумеется, всем вам нужно воды, умыться с дороги. – Он распахнул дверь. – Наша лучшая комната, добрая госпожа. Их у нас немного – чужестранцы, как вы понимаете, здесь редки, – но эта у нас лучшая.

– Я займу соседнюю, – заметил Лан. На плече он нес, вместе со своими, свернутое одеяло и переметные суммы Морейн, а также сверток со стягом Дракона.

– О, добрый господин, та комната вовсе не так хороша. Кровать узкая. Тесно. Думаю, ее для слуги предназначали, как будто у нас тут когда-то появлялся кто-то, у кого был слуга. Прошу прощения, добрая госпожа.

– Я все равно ее займу, – твердо сказал Лан.

– Саймон, – спросила Морейн, – а что, мастер Харод недолюбливает Детей Света?

– Ну, так и есть, добрая госпожа. Раньше так не было, но теперь невзлюбил. Не очень-то разумно этак себя вести, выказывать неприязнь к Чадам, коль так рядом, как мы, с границей живешь. Постоянно они проходят через Джарру, словно никакой границы и в помине нет. Но вот вчера возникли неприятности. Уйма неприятностей. И с этими свадьбами беспрестанными, да и вообще.

– А что случилось, Саймон?

Перед тем как ответить, он пристально взглянул на Морейн. Перрин подумал, что вряд ли кто-то, кроме него, еще заметил, насколько пристально – в этом полумраке.

– Их было десятка два, приехали позавчера. Тогда ничто бед не сулило. Но вот вчера... Ну, трое из них встали и заявили, что отныне они больше не Чада Света. Сняли свои плащи и просто ускакали прочь.

Лан хмыкнул:

– Белоплащники дают клятву на всю жизнь. И как поступил их командир?

– Ну, что-нибудь он бы да сделал, можете быть уверены, добрый господин, но тут еще один заявил, что отправляется на поиски Рога Валир. Мало того, другой сказал, что им следует охотиться на Дракона. Этот, когда уходил, говорил, что собирается на равнину Алмот. Потом некоторые из них стали говорить женщинам на улицах всякие непотребности, вздумали лапать их. Женщины в крик ударились, и остальные белоплащники принялись орать на тех, которые к женщинам приставали. Такой суматохи я допрежь никогда не видывал.

– И никто из вас их остановить не пытался? – спросил Перрин.

– Добрый господин, вот вы этот топор носите, словно знаете, как с ним обращаться, но не так-то просто даже слово поперек сказать людям с мечами, в доспехах и со всем таким прочим, когда ты разве что метлой да мотыгой умеешь орудовать. Остальные белоплащники, те, которые не ушли, сами и положили этому конец. Чуть мечи не повытаскивали. И это ведь не самое худшее было. Двое как с ума спрыгнули – это, почитай, если прочие еще в своем уме оставались. Та парочка неистовствовала, орала, будто Джарра кишмя кишит приспешниками Тьмы. Вознамерились деревню дотла спалить – так и говорили, что дотла! Вот с «Прыжка» и хотели начать. Сами поглядеть можете: на заднем дворе следы от огня есть, оттуда поджигатели за дело взялись. Учинили драку с другими белоплащниками, когда они их унимать стали. Те белоплащники, что остались, вот они помогли нам все потушить, накрепко связали спятившую парочку и поскакали отсюда назад в Амадицию. Скатертью дорожка, скажу я, и коли они никогда не вернуться, то и ладно, а еще лучше, чтобы их и не было.

– Дурные манеры, – заметил Лан, – даже для белоплащников.

Саймон согласно кивнул:

– Верно говорите, добрый господин. Никогда раньше они себя так не вели. Расхаживают с важным видом, это да. Глядят на тебя, точно на грязь, нос суют не в свое дело. Но прежде никогда за ними бесчинств не водилось. Ничего на них похожего, что ни говори.

– Их тут уже нет, – сказала Морейн, – и все беды они с собой унесли. Уверена, мы переночуем спокойно.

Перрин держал рот на замке, но покоя в душе не находил.

«Ладно, слышали про все эти свадьбы и белоплащников, но, по мне, лучше было бы разузнать, не останавливался ли здесь Ранд и куда он направился, когда ушел. Тот запах не может принадлежать ему».

Перрин последовал за Саймоном, который провел его с Лойалом по коридору в другую комнату, где из обстановки имелось две кровати, умывальник, пара табуретов и еще кое-что по мелочи. В дверном проеме Лойалу пришлось, оберегая голову, пригнуться. Узкие окна пропускали совсем мало света. Кровати были достаточно большими, в изножье лежали сложенные шерстяные и стеганные одеяла, но матрасы выглядели комковатыми. Пошарив рукой по каминной полке над очагом, Саймон отыскал трутницу и свечу, которую и зажег с помощью извлеченного из коробочки огнива.

– Сейчас распоряжусь, чтобы для вас кровати сдвинули вместе, добрый... гм... огир. Да-да, сейчас, минуточку.

Впрочем, особо он, похоже, не торопился и не выказывал намерения немедленно исполнять сказанное, и с подсвечником Саймон возился так, словно собирался добиться некоего совершенства в том, как его поставить. Перрину показалось, что тот чем-то встревожен.

«Что ж, и я был бы более чем встревожен, веди себя белоплащники подобным образом в Эмондовом Лугу».



– Саймон, а вчера или позавчера не проезжал тут еще один чужестранец? Высокий юноша с серыми глазами и рыжеватыми волосами? Возможно, за еду или ночлег он расплачивался игрой на флейте.

– Помню его, добрый господин, – сказал Саймон, по-прежнему туда-сюда двигая подсвечник. – Вчера утром пришел, совсем рано. Выглядел голодным, так оно и оказалось. На всех вчерашних свадьбах на флейте играл. Красивый парень. Кое-кто из женщин поначалу посматривал на него, но... – Саймон помолчал, искоса глядя на Перрина. – Он друг вам, добрый господин?

– Знакомый, – сказал Перрин. – А что?

Саймон колебался.

– Да ничего такого, добрый господин. Станный он парень, вот и все. Сам с собою разговаривал порой, а иногда смеяться начинал, когда никто ничего даже не говорил. В этой самой комнате спал в прошлую ночь, вернее сказать, не всю ночь, а часть ее. Нас всех своим криком посреди ночи перебудил. Говорил, просто кошмар приснился, но дольше оставаться он не пожелал. Да не слишком-то мастер Харод и уговаривал его остаться после всего того шума. – Саймон опять умолк. – Когда уходил, он кое-что странное сказал.

– Что же? – с настойчивостью спросил Перрин.

– Сказал, его кое-кто преследует. Сказал... – Человек со скошенным подбородком сглотнул и заговорил медленнее. – Сказал, что его убьют, если он не уйдет. «Один из нас должен умереть, и я постараюсь, чтобы это был он». Его собственные слова.

– Он не нас имел в виду, – пророкотал Лойал. – Мы – его друзья.

– Да-да, конечно, добрый... гм... добрый огир. Разумеется, парень имел в виду не вас. Я... хм... Не хочу ничего такого сказать о вашем друге, но я... гм... Мне показалось, он болен. На голову, понимаете ли.

– Мы о нем и позаботимся, – сказал Перрин. – Потому-то мы за ним и следуем. В какую сторону он направился?

– Так я и знал! – воскликнул Саймон, возбужденно покачиваясь на носках. – Как только вас увидел, я понял, что она сумеет помочь. В какую сторону? На восток, добрый господин. На восток, точно сам Темный гнался за ним по пятам. Как вы думаете, она поможет мне? Поможет моему брату, так ведь? Ноам тяжело болен, а матушка Рун говорит, что ничего не может поделать.

Перрин сохранил невозмутимое выражение лица и, чтобы выиграть немного времени на раздумья, поставил в угол свой лук и положил на одну из кроватей свернутое одеяло и переметные сумы. Беда была в том, что размышления не слишком-то помогли. Перрин оглянулся на Лойала, но и там поддержки не нашел: от испуга уши у огира пригнулись, а длинные брови свесились до самых щек.

– А с чего ты взял, что она может помочь твоему брату? – спросил Перрин. «Дурацкий вопрос! Правильный вопрос – как он намерен в этой ситуации поступить?»

– Ну, было дело, я как-то раз ездил в Джеханнах, добрый господин, и видел там двух... двух женщин, похожих на нее. Так что в ней я ошибиться не мог. – Он понизил голос до шепота. – Говорят, *они* могут подымать мертвых, добрый господин.

– Кто еще знает об этом? – резко спросил Перрин, а Лойал промолвил одновременно с ним:

– Если твой брат мертв, тогда никто ничего не в силах сделать.

Мужчина с лицом, наводящим на мысли о лягушке, тревожно забегал взглядом от одного собеседника к другому, а речь его превратилась в лепет.

– Кроме меня, добрый господин, никто не знает. Ноам не мертв, добрый огир, лишь болен. Клянусь, больше никто ее не опознал. Даже мастер Харод в жизни никогда не бывал дальше двадцати миль отсюда. Ноам тяжело болен. Я бы сам ее попросил, да только у меня

коленки затрясутся так сильно, что меня она и не расслышит. А что, если она сочтет мою просьбу за оскорбление и призовет на меня молнию? А если я ошибся? Еще облыжно обвинишь женщину невесту в ч... То есть... ох!.. – Он вскинул руки, не то в мольбе, не то от чего-то защищаясь.

– Не буду ничего обещать, – сказал Перрин, – но я поговорю с ней. Лойал, почему бы тебе не составить компанию Саймону, пока я переговорю с Морейн?

– Разумеется, – пророкотал огир. Саймон вздрогнул, когда ладонь Лойала накрыла его плечо. – Саймон покажет мне комнату, и мы поговорим. Скажи-ка, Саймон, что ты знаешь о деревьях?

– Де-де-деревьях, д-добрый огир?

Медлить Перрин не стал. Он поспешно прошел обратно по темному коридору, постучал в дверь комнаты Морейн и отворил, едва дождавшись ее повелительного «Войдите!».

С полдюжины свечей позволяли судить, что лучшая комната «Прыжка» была не так уж и хороша, хотя балдахин над единственной кроватью поддерживали четыре высоких столбика и матрас с виду не казался столь комковатым, как у Перрина. На полу лежал обрезок ковра, а вместо табуретов имелись два стула с мягкой обивкой. Не считая этого, других отличий от его комнаты на первый взгляд не было. Морейн с Ланом стояли перед неразожженным камином, и вид у них был такой, словно они что-то обсуждали, и, похоже, Айз Седай не понравилось, что их прервали. Лицо Стража хранило невозмутимость статуи.

– Ранд здесь был, сомнений нет, – начал Перрин. – Этот малый, Саймон, его запомнил. Морейн прошипела что-то сквозь зубы.

– Тебе сказано было держать рот на замке, – прорычал Лан.

Перрин повернулся на каблуках лицом к Стражу. Это было легче, нежели выстоять под взглядом Морейн.

– А скажи, как нам узнать, был ли он здесь, если не задавать вопросов? Если интересно, так он ушел вчера ночью, отправился на восток. И он тревожился из-за кого-то, кто преследует его и пытается убить.

– Восток. – Морейн кивнула. Полнейшее спокойствие, звучавшее в ее голосе, несколько не вязалось с неодобрением во взгляде. – Хорошо знать это, хотя так и должно быть, если он направляется в Тир. Но в том, что он побывал здесь, я была убеждена еще до того, как услышала о белоплащниках, а уж после рассказа о них совершенно в этом уверена. Перрин, в одном Ранд почти наверняка прав. Я не допускаю мысли, что мы единственные, кто стремится его отыскать. И если те, другие, узнают о нас, то они вполне могут попытаться нас остановить. А нам и без того хватает играть в догонялки с Рандом. Ты должен научиться держать язык на привязи и помалкивать, пока я не разрешу тебе говорить.

– Белоплащники? – недоверчиво переспросил Перрин. «Держать язык на привязи? Чтоб мне сгореть, если стану так делать!» – Но как они могли подсказать вам?.. Безумие Ранда. Оно что, *заразно*?

– Не в его безумии дело, – сказала Морейн, – даже если допустить, что он уже настолько повредился умом, чтобы зваться безумцем. Перрин, он намного более сильный та'верен, чем кто-либо со времен Эпохи легенд. Вчера в этой деревне Узор... сдвинулся, сам обернулся вокруг него, как глина облегает форму. Свадьбы, белоплащники – этого было достаточно, чтобы любой умеющий слушать понял, что Ранд был здесь.

Перрин глубоко вздохнул:

– И что, вот такое мы будем обнаруживать везде, где он побывал? Свет, если за ним гонятся отродья Тени, они с той же легкостью сумеют выследить его, что и мы.

– Возможно, – сказала Морейн. – А может быть, и нет. Никто ничего не знает о таких сильных та'верен, как Ранд. – На миг в ее голосе послышалась досада на собственное неве-

дение. – Артур Ястребиное Крыло был наиболее сильным та'верен, о котором остались хоть какие-то записи. А ведь Ястребиное Крыло был далеко не так силен, как Ранд.

– Говорят, – вмешался в разговор Лан, – бывали случаи, когда люди, находившиеся с Ястребиным Крылом в одной комнате, вдруг начинали говорить правду, когда намеревались лгать, или принимали решения, о которых ничуть и не помышляли. Иногда каждый бросок игральных костей, каждый ход в карточной игре оказывался ему на руку. Но лишь иногда.

– Иначе говоря, вы не знаете, – сказал Перрин. – Глядишь, он на всем пути до Тира будет оставлять след из свадеб и спятивших белоплащников.

– Иначе говоря, я знаю столько, сколько нужно знать! – резко сказала Морейн. Взгляд ее темных глаз хлестнул Перрина, точно кнут. – Узор сплетается вокруг та'верен затейливо и густо, и другие способны отследить рисунок этих нитей, если знают, на что смотреть. Будь осторожен, дабы язык твой не раскрыл больше, чем ты можешь представить.

Помимо воли Перрин опустил плечи, ссутулился, словно она наносила настоящие удары.

– Что ж, вам лучше порадоваться, что на этот раз я не держал язык за зубами. Саймону известно, что вы Айз Седай. Он хочет, чтобы вы Исцелили его брата Ноама от какой-то хвори. Если бы я не поговорил с ним, он никогда не набрался бы духу, чтобы попросить об этом, зато, возможно, принялся бы чесать языком с приятелями.

Лан поймал взгляд Морейн, и какое-то время они пристально смотрели друг на друга. От Стража явственно исходила угроза – как от готового к прыжку волка. Наконец Морейн покачала головой.

– Нет, – промолвила она.

– Как пожелаешь. Решаешь здесь ты. – Лан говорил таким тоном, будто полагал, что Морейн приняла неверное решение, однако напряжение покинуло его.

Перрин уставился на них:

– Вы думали о... Что Саймон никому не расскажет, если будет мертв? Так, да?

– Он умрет не из-за моих поступков, – сказала Морейн. – Но я не могу и не стану ручаться, что так будет всегда. Нам надо найти Ранда, и я не потерплю неудачи. Я выразилась вполне ясно для тебя? – Пойманный взглядом Айз Седай, Перрин не сумел ответить. Она кивнула, будто его молчание послужило достаточной заменой ответу. – А теперь отведи меня к Саймону.

Дверь в комнату Лойала была открыта, свет от горевших там свечей лужицей проливался в коридор. Две кровати внутри были сдвинуты, и Лойал сидел на краю одной из них рядом с мужчиной с сильно скошенным подбородком. Саймон, разинув рот, с зачарованным видом взирал на Лойала.

– О да, стеддинги просто чудесны, – говорил Лойал. – Такой покой под сенью Великих Древ. Вы, люди, затеваете раздоры и войны, но стеддинги не беспокоит ничто. Живя в согласии, мы выращиваем деревья... – Он умолк, увидев Морейн с Ланом и Перрина позади них.

Саймон вскочил на ноги и принялся кланяться и пятиться, пока не уперся спиной в дальнюю от дверей стену.

– Гм... добрая госпожа... Гм... гм... – И даже тогда он продолжал подскакивать и подергиваться, словно игрушка на веревочке.

– Покажи мне своего брата, – велела Морейн, – и я сделаю, что смогу. Перрин, ты пойдешь с нами, раз уж этот добрый человек обратился к тебе первому. – Лан приподнял бровь, и она покачала головой. – Пойдем все сразу – наверняка привлечем внимание. Если понадобится, Перрин сумеет меня защитить.

Лан с неохотой кивнул, соглашаясь с Морейн, а потом окинул Перрина суровым взглядом:

– Смотри, кузнец. Если с ней что случится... – Взгляд холодных голубых глаз был красноречивее слов.

Саймон подхватил одну из свечей и торопливо засеменил по коридору, по-прежнему продолжая кланяться, отчего тени людей, отбрасываемые язычком пламени, принялись танцевать по стенам.

– Сюда... гм... добрая госпожа. Вот сюда.

Дверь в конце коридора открывалась на наружную лестницу, которая привела в тесный проход между зданием гостиницы и конюшней. Ночь сжала мерцающий свет свечи до размеров булавочной головки. В усыпанном звездами небе висел полумесяц, его сияния вполне хватало для глаз Перрина. Юноша гадал, когда же Мореин скажет Саймону прекратить кланяться, но она этого так и не сделала. Приподняв подол юбок, чтобы не испачкать их грязью, Айз Седай грациозно скользила вперед так, словно темный проход был дворцовым залом, а она – королевой. Воздух уже почти утратил дневное тепло; ночи по-прежнему несли отголоски зимы.

– Сюда. – Саймон провел Мореин и Перрина к небольшому сарайчику позади конюшни и, поспешно отодвинув щеколду, открыл дверь. – Сюда, – указал он. – Вот здесь, добрая госпожа. Тут. Мой брат. Ноам.

Дальний конец сарайчика был отгорожен деревянными перекладинами; судя по корявому виду, изгородь сколотили наспех. Толстый засов с навешенным на него крепким железным замком удерживал закрытой дверь из горбылей. За дощатой загородкой, на постланной на пол соломе лежал, распластавшись на животе, человек. Он был бос, рубашка и штаны разорваны, словно он хотел их снять, но не знал как и потому только порвал ткань. В нос Перрину шибануло запахом немытого тела, и он подумал, что его наверняка должны почувствовать даже Саймон и Мореин.

Ноам поднял голову и уставился на вошедших молча и безучастно. Ничто в нем не навело на мысль, что он приходится Саймону братом, – прежде всего, у него имелся подбородок, а еще он был крупным и широкоплечим, – но не это ошеломило Перрина. Ноам глядел на них блистающими золотом глазами.

– Почти что год он вел бредовые речи, добрая госпожа, утверждал, будто способен... способен разговаривать с волками. И его глаза... – Саймон бросил быстрый взгляд на Перрина. – Ну, бывало, выпьет лишку, так и заводит об этом речь. Все над ним смеялись. А потом, где-то с месяц тому назад, он исчез из деревни. Отправился я выяснять, что стряслось, и нашел его – вот таким.

С опаской, без всякого желания Перрин осторожно потянулся мыслью к Ноаму, как потянулся бы к волку. *Бежать через лес, носом чую холодный ветер. Рвануться из укрытия, зубами подрезая жилы. Вкус крови, остро-пряный на языке. Убить.* Перрин отдернулся, как от огня, отгородился мысленным щитом. Сказать по правде, это были вовсе не мысли, а лишь хаотичное нагромождение желаний и образов, отчасти – из воспоминаний, отчасти – из мечтаний. Но волчьего там было гораздо больше, нежели чего-то прочего. Ноги сделались ватными, и, чтобы устоять, Перрин оперся рукой о стену. «Да поможет мне Свет!»

Мореин положила ладонь на замок.

– У мастера Харода есть ключи, добрая госпожа. Только вот не знаю, позволит ли он...

Айз Седай с силой дернула замок на себя, и тот с щелчком открылся. Саймон, с отвисшей челюстью, уставился на нее. Мореин вытащила дужку замка из проушины засова, и мужчина со скошенным подбородком повернулся к Перрину:

– А не опасно ли так, добрый господин? Он – мой брат, но, когда матушка Рун пыталась ему помочь, он ее укусил... И еще он... он убил корову. Собственными зубами, – чуть слышно закончил Саймон.

– Мореин, – произнес Перрин, – этот человек опасен.

– Все люди опасны, – холодным тоном ответила она. – А теперь тихо.

Она открыла дверцу и вошла в загородку. Перрин затаил дыхание.

Не успела Морейн сделать первый шаг, как Ноам оскалил зубы и зарычал. Рычание понемногу усиливалось, стало утробным, и наконец дрожь охватила все его тело. Морейн не обращала внимания на звуки, которые он издавал. Она приближалась к Ноаму, а тот, не переставая рычать, отползал от нее по соломе, пока не забился в самый угол. Или же это она загнала его в угол?

Неторопливо и бестрепетно Айз Седай опустилась рядом с Ноамом на колени и обхватила его голову ладонями. Утробное рычание Ноама усилилось до настоящего рыка, затем утихло, превратившись в хныканье, прежде чем Перрин успел даже пошевелиться. Время тянулось, Морейн держала голову Ноама, а затем столь же спокойно отпустила ее и встала. Горло у Перрина сжалось, когда она повернулась к Ноаму спиной и вышла из клетки, но тот лишь проводил женщину взглядом. Морейн толкнула дощатую дверь, закрывая ее, потом вставила дужку замка обратно в засов, не побеспокоившись защелкнуть его, – и Ноам с рыком кинулся на деревянную решетку. Он грыз перекладины, бился о доски плечами, старался просунуть меж ними свою голову, при этом продолжая рычать и шелкать зубами.

Морейн отряхнула с платья солому, лицо ее было безмятежно, и руки ничуть не дрожали. – Вы так рисковали, – выдохнул Перрин.

Она посмотрела на него – уверенным, всезнающим взглядом, – и он опустил глаза. Свои желтые глаза.

Саймон все смотрел на брата.

– Сможете помочь ему, добрая госпожа? – хрипло спросил он.

– Мне жаль, Саймон, – сказала Морейн.

– И ничего нельзя поделать, добрая госпожа? Может, хоть что-то? Одну из тех... – он понизил голос до шепота, – штукек Айз Седай?

– Исцеление – дело непростое, Саймон, оно в той же мере исходит от больного, сколь и от того, кто Исцеляет. Тут не осталось ничего, что помнило бы, как было Ноамом, ничего, что помнило бы, как было человеком. Не осталось карт, способных показать ему обратный путь, и не осталось ничего, что могло бы пройти по этому пути. Ноама больше нет, Саймон.

– Он... он ведь так любил веселые разговоры, добрая госпожа, любил пошутить, когда выпьет слишком много. Он ведь только... – Саймон потер ладонью глаза и заморгал. – Спасибо, добрая госпожа. Я знаю, вы бы сделали что-нибудь, если бы могли.

Морейн положила руку ему на плечо, тихонько сказала какие-то слова в утешение и потом вышла из сарайчика.

Перрин понимал, что нужно пойти за ней, но его будто бы не пускал тот человек – то, что некогда было человеком, – который грыз деревянные перекладины. Перрин сделал быстрый шаг и неожиданно для себя вынул свисающий замок из засова. Замок был хорош – работа знающего свое дело кузнеца, настоящего мастера.

– Добрый господин?

Перрин уставился на замок в руке, перевел взгляд на человека в клетке. Ноам прекратил грызть доски; тяжело дыша, он опасливо глядел на Перрина. Несколько зубов были криво обломаны.

– Можешь держать его здесь всю жизнь, – сказал Перрин, – но... но не думаю, что ему когда-нибудь станет лучше.

– Если он сбежит отсюда, добрый господин, то умрет!

– Здесь, в клетке, или где-то на свободе – он все равно погибнет, Саймон. На воле он по крайней мере будет свободен и счастлив, насколько это возможно. Он больше не твой брат, но решать должен именно ты. Можешь оставить его здесь, чтобы на него глазели люди, оставить его смотреть на решетку, пока он не зачахнет с тоски. Саймон, если посадить волка в клетку, вряд ли стоит ожидать, что он будет счастлив. Или что он проживет долго.

– Да, – медленно промолвил Саймон. – Да, понимаю.

Поколебавшись, он все же кивнул, а потом мотнул головой, указывая на дверь загородки. Все это подразумевало тот ответ, которого ждал Перрин. Юноша распахнул дощатую дверь и отошел в сторону.

Ноам недолго смотрел на открывшийся проход, затем резко устремился вон из клетки, передвигаясь на четвереньках, но с удивительным проворством. Прочь из клетки, прочь из сарая – и в ночь.

«Да поможет Свет нам обоим», – подумал Перрин.

– Наверное, ему лучше быть на свободе. – Саймон встряхнулся. – Но не знаю, что скажет мастер Харод, когда обнаружит, что дверь открыта, а Ноам пропал.

Перрин закрыл дверь клетки; огромный замок звонко клацнул, когда он вернул его на место.

– Пусть поломают голову.

Саймон закатился лающим смехом, но тут же умолк.

– Уж он-то понавыдумывает. Да и все они. Когда Ноам покусал матушку Рун, кое-кто стал твердить, будто Ноам превратился в волка – с мехом и все такое! Враки ведь, но так они говорят.

Дрожа, Перрин прислонил голову к дверце клетки. «Может, меха у него и нет, но он – волк. Волк, а не человек. Да поможет мне Свет».

– Его не всегда здесь держали, – вдруг заговорил Саймон. – Он был в доме матушки Рун, но, когда пришли белоплащники, мы с ней убедили мастера Харода поместить его сюда. У белоплащников всегда имеется список, куда они вносят имена приспешников Темного, которых они разыскивают. Понимаете, дело в цвете глаз Ноама. В том списке белоплащников было одно имя. Некий кузнец, прозываемый Перрин Айбара. Они говорили, что у него желтые глаза и что он бежит с волками. Легко догадаться, почему я не захотел, чтобы они прознали о Ноаме.

Перрин повернул голову и бросил из-за плеча взгляд на Саймона:

– А сам-то ты как полагаешь, этот Перрин Айбара и в самом деле приспешник Темного?

– Приспешник Темного и бровью не повел бы, если бы мой брат умер в клетке. Я так разумею, что она нашла тебя вскоре после случившегося. Успела вовремя помочь. Как бы мне хотелось, чтобы она пришла в Джарру несколькими месяцами раньше!

Перрин устыдился, что раньше сравнивал Саймона с лягушкой.

– И я бы хотел, чтобы она смогла что-нибудь для него сделать, – промолвил он. «Чтоб мне сгореть, я бы хотел, чтобы это было в ее силах».

Внезапно в голову Перрину пришла мысль, что о Ноаме наверняка известно всей деревне. О Ноаме и о его глазах.

– Саймон, ты не мог бы принести мне чего-нибудь поесть в комнату?

Мастер Харод и все прочие с таким интересом разглядывали Лойала, что, вероятно, и не заметили цвета глаз Перрина, однако, если он будет обедать в общей зале, эта деталь уж точно не пройдет мимо внимания селян.

– Конечно, – отозвался Саймон. – И утром тоже. Спускаться вам не потребуется, пока не придет время садиться на коня.

– Хороший ты человек, Саймон. Очень хороший.

Саймон выглядел таким довольным, что Перрин вновь испытал укол стыда.

## Глава 9. Волчьи сны



Через черный ход Перрин вернулся в свою комнату, а вскоре туда явился Саймон, который принес накрытый салфеткой поднос. Ткань не могла удержать запахи жареной баранины, сладкой фасоли, репы и свежее выпеченного хлеба, но источавшая соблазнительные ароматы еда успела остыть, а Перрин все лежал на кровати, глядя в побеленный потолок. В голове у него постоянно всплывали образы Ноама. Ноам, грызущий деревянную решетку клетки. Ноам, убегаящий во мрак. И эти картины не желали покидать его мысли. Перрин пытался размышлять об изготовлении замков, о тщательной закалке и о ковке стали, но никак не получалось.

Оставив без внимания поднос, юноша поднялся и направился по коридору к комнате Морейн. На стук в дверь та откликнулась:

– Входи, Перрин.

На миг в его памяти вновь всколыхнулись старые предания об Айз Седай, но он вытолкнул их из головы и открыл дверь.

Морейн была одна – за что Перрин возблагодарил судьбу, – она сидела, устроив маленькую чернильницу у себя на колене, и что-то писала в маленькой книжке в кожаном переплете. Не глядя на вошедшего Перрина, Айз Седай закупорила скляночку и вытерла стальной кончик ручки маленьким лоскутком пергамента. В камине ярко горело пламя.

– Давненько уже тебя жду, – заметила она. – Я не говорила с тобой об этом раньше, потому что было понятно, что ты не хотел разговора со мной на эту тему. Однако после сегодняшнего вечера... Что ты хочешь знать?

– Мне того же ожидать? – спросил он. – Такого вот конца?

– Возможно.

Перрин ждал продолжения, но она лишь убрала ручку и чернила в полированную шкапку из розового дерева и подула на свои записи, подсушивая чернила.

– Это все? Морейн, вам не отделаться от меня уклончивыми ответами Айз Седай. Если вам что-то известно, расскажите мне. Пожалуйста.

– Известно мне весьма немного, Перрин. Как-то, надеясь отыскать ответы на совершенно другие вопросы, я рылась в книгах и рукописях, которые отобрали для своих исследований две мои подруги, и нашла один отрывок. Он был переписан из книги, относящейся к Эпохе легенд. И там рассказывалось... о ситуациях, которые похожи на твою. Возможно, то был единственный экземпляр, оставшийся во всем мире, да и из него я узнала не многое.

– Что именно вы узнали? Что бы то ни было, это больше, чем я знаю сейчас. Чтоб мне стореть, я-то волновался, что с ума сойдет Ранд, но никогда не думал, что беспокоиться придется о самом себе!

– Перрин, даже в Эпоху легенд о таком знали совсем мало. Та, кто писала об этом, и сама, похоже, не была уверена, правда то или легенда. И не забывай, мне ведь удалось прочитать

лишь фрагмент текста. Она утверждала, что некоторые из говоривших с волками теряли себя, что волк поглощал все человеческое в них. Некоторые. Что она имела в виду: одного ли из десяти, пятерых ли, а может, девять из десяти – я не знаю.

– Я могу отгораживаться от них. Не знаю, как это у меня получается, но я могу не слушать их. Могу заставить себя не слышать их. Это поможет мне?

– Может помочь, – ответила Мореин, пристально разглядывая его и, по-видимому, тщательно подбирая слова. – В основном та женщина писала о сновидениях. Перрин, сны могут представлять для тебя опасность.

– Об этом вы мне уже как-то говорили. Что вы имеете в виду?

– Если верить автору той книги, волки живут частью в нашем мире, а частью – в мире снов.

– Мире снов? – спросил Перрин недоверчиво.

Мореин бросила на него цепкий взгляд:

– Так я сказала, и так она написала. То, как волки общаются между собой, и то, как они разговаривают с тобой, каким-то образом связано с тем самым миром снов. На понимание этого явления я не претендую. – Мореин помолчала, слегка нахмурилась. – Мне доводилось читать о сновидицах – об Айз Седай, обладавших талантом, который называется Сновидение, – так вот, порой они рассказывали, как в своих снах встречались с волками. Бывало даже, что волки выступали в качестве проводников. Боюсь, что если ты намерен избегать волков, то тебе нужно научиться быть столь же осторожным во сне, как и наяву. Если именно так ты решил действовать.

– Я решил? Мореин, я не кончу так, как Ноам. Не бывать этому!

Она с недоумением глядела на него, чуть покачивая головой:

– Ты говоришь так, будто все свои решения можешь принимать самостоятельно. Перрин, ты – та'верен, не забывай об этом. – Он повернулся к ней спиной, устремив взор в окно, где царила ночная темень. Айз Седай продолжила: – Возможно, зная, что представляет собой Ранд, зная, какой он сильный та'верен, я слишком мало внимания обращала на двух других та'верен, которых обнаружила вместе с ним. Три та'верен в одной деревне, родившиеся с разницей в несколько недель? Неслыханное событие. Может, ты – так же, как и Мэт, – предназначен Узором для чего-то большего, нежели ты предполагаешь. Или предполагаю я сама.

– Не желаю я никакого *предназначения* в Узоре, – пробурчал Перрин. – И уж точно ни о чем таком речи не будет, если я потеряю в себе человека. Мореин, вы можете мне? – Как же нелегко дались ему эти слова. «Что, если для этого она воспользуется Единой Силой? Или я соглашусь забыть, что я – человек?» – Помогите мне... не потерять себя, человека в себе?

– Если мне удастся удержать тебя воедино, сохранить цельным, то я сделаю это. Обещаю тебе, Перрин. Но я не намерена поступаться борьбой с Тенью. Помни также и об этом.

Перрин повернулся, чтобы взглянуть ей в глаза, но Мореин встретила его взор не дрогнув. «А если завтра ради твоей борьбы понадобится уложить меня в могилу, ты и на это тоже пойдешь?» От уверенности, что она так и поступит, у него мороз прошел по коже.

– Что вы недоговариваете?

– Не слишком ли далеко ты заходишь, Перрин? – холодно произнесла Мореин. – Не стоит требовать от меня больше, чем я полагаю нужным поделить.

Помедлив, он задал еще вопрос:

– Можете ли вы сотворить и для меня то, что сделали для Лана? Можете поставить защиту для моих снов?

– Страж у меня уже есть, Перрин. – Ее губы изогнулись в намеке на улыбку. – И я намерена ограничиться одним. Я из Голубой Айя, а не из Зеленой.

– Вы знаете, что я имею в виду. Я не хочу быть Стражем.

«О Свет, на всю жизнь оказаться связанным с Айз Седай? Ничем не лучше волков».



– Перрин, тебе это не поможет. Щит действует против снов, приходящих извне. А опасность для твоих снов кроется в тебе самом. – Морейн вновь раскрыла маленькую книжечку. – Тебе надо поспать, – сказала она, явно завершая разговор. – Будь осторожен со своими снами, ведь спать иногда тебе все же придется.

Айз Седай перелистнула страницу, и Перрин ушел.

Вернувшись в свою комнату, юноша чуть-чуть ослабил хватку, в которой себя держал, приоткрыв щелочку в своих ощущениях. Волки до сих пор были где-то там, не приближаясь к деревенской околице, но со всех сторон окружив Джарру. Едва ощутив присутствие волков, Перрин в тот же миг вернул себе жесткий контроль над чувствами.

– Город – вот что мне нужно, – пробормотал он.

Город вынудил бы волков держаться поодаль. «После того, как я найду Ранда. Когда закончу все, что нужно сделать ради него». Перрин не был уверен, действительно ли сожалеет, что Морейн не смогла оградить его своей защитой. Или Единая Сила, или волки – такого выбора никому не пожелаешь.

Хотя в камине лежали дрова и растопка, огонь разводить Перрин не стал. Он распахнул оба окна, и в комнату ворвался холодный ночной воздух. Перрин сбросил одеяла на пол и, не раздеваясь, улегся на бугристую постель, даже не пытаясь найти положение поудобнее. Последняя его мысль, перед тем как он заснул, была о том, что если уж что и удержит его от глубокого сна и опасных видений, так это комковатый матрас.

Он был в длинном коридоре, высокий потолок и каменные стены которого, исполосованные причудливыми тенями, блестели от влаги. Искривленные полосы теней с четкими краями, вдруг начинающиеся и резко обрывающиеся, были слишком черны по сравнению с разделяющим их светом. Откуда исходил свет, Перрин так и не смог уяснить.

– Нет, – сказал юноша, затем повторил еще громче: – Нет! Это сон. Я должен проснуться. Проснуться!

Коридор остался прежним.

*Опасность.*

То была волчья мысль, слабая, донесшаяся издалека.

– Я проснусь. Проснусь! – Перрин с силой ударил о стену кулаком. Было больно, но это не помогло одолеть сон. Вдобавок ему почудилось, будто изломанная тень на стене сдвинулась, уклоняясь от кулака.

*Беги, брат. Беги.*

– Прыгун? – не сдержал удивления Перрин. Он был уверен, что опознал волка, чьи мысли он услышал. Прыгун – тот, кто завидовал орлам. – Прыгун мертв!

*Беги!*

Перрин понесся во всю прыть, придерживая рукой топор, чтобы рукоять не била по ноге. Он понятия не имел, куда бежит и зачем, но не мог не поддаться настойчивости в послании Прыгуна. «Прыгун умер, – думал Перрин. – Он мертв!» И все же юноша продолжал бег.

Коридор, по которому он бежал, под странными углами пересекался с другими переходами: из них одни вводили вверх, другие вниз. С виду они ничем не отличались от того коридора, в котором он находился. Те же сырые каменные стены, где не было дверей, и полосы тьмы.

Выскочив к одному из поперечных коридоров, Перрин резко остановился. Там, моргая и нерешительно на него глядя, стоял мужчина, облаченный в странного покроя кафтан и штаны. Полы кафтана, будто колокол, расширялись над бедрами, а широко расклешенные штанины напозлали на башмаки. Вся одежда была ярко-желтого цвета, разве только башмаки имели не столь насыщенный оттенок.

– Нет, это совсем невыносимо, чересчур для меня, – сказал человек – самому себе, а не Перрину. Слова незнакомец выговаривал быстро и резко, со странным акцентом. – Во сне мне

предстают не просто крестьяне, но иноземные крестьяне, если судить по этим нарядам. Поди прочь из моих снов, мужлан!

– Кто вы? – спросил Перрин.

Брови у мужчины взлетели так, точно его смертельно оскорбили.

Полосы теней вокруг них искривились, перекрутились. Одна отделилась от потолка, будто повисла в воздухе, и своим концом коснулась головы чудного мужчины. Тень словно вплелась ему в волосы. Глаза чужестранца расширились, и дальнейшее, казалось, случилось в один миг. Тень дернулась обратно к потолку, отстоявшему от пола на добрый десяток футов, и уволокла за собой что-то бледное. Какие-то капли упали Перрину на лицо. Душераздирающий крик сотряс воздух.

Застыв, Перрин уставился на окровавленное нечто в виде человеческой фигуры, облаченное в тот самый ярко-желтый наряд; фигура вопила, корчилась и извивалась на полу. Затем он невольно поднял взгляд на ту бледную штуку – она напоминала свисающий с потолка пустой мешок. Часть ее уже поглотила черная полоса, но в оставшемся Перрин без труда узнал человеческую кожу, с виду целую и неповрежденную.

Тени вокруг Перрина возбужденно заплясали, и он пустился бежать, преследуемый предсмертными криками. По теневым полосам, подгоняя юношу, пробегала рябь.

– Сгиньте! Чтоб вам сгореть! – крикнул Перрин. – Я знаю, это сон! Да испепелит вас Свет! Пропадите!

Красочные гобелены висели на стенах между высокими золотыми канделябрами на дюжину свечей, освещавших белоплиточный пол и расписной потолок, по которому плыли пушистые облака и летали причудливые птицы. Ни в этом длинном, кажущемся бесконечным коридоре, насколько его мог видеть Перрин, ни в стрельчатых белокаменных арках, кое-где нарушавших однообразие стен, не двигалось ничего, лишь подрагивало пламя свечей.

*Опасность.*

Донесшееся послание оказалось даже слабее прежнего, однако настойчивости в него вложили куда больше – если такое было возможно.

Взяв в руку топор, Перрин осторожно двинулся по коридору, бормоча самому себе:

– Проснись! Проснись, Перрин! Если знаешь, что это сон, то либо он изменится, либо ты проснешься. Да проснись же, чтоб тебе сгореть!

Теряющийся в бесконечности коридор оставался таким же реальным, как и любой другой, по которому он когда-либо проходил.

Перрин поравнялся с первой из белых стрельчатых арок. Арка вела в огромную комнату, лишенную на первый взгляд окон, но обставленную с роскошью, точно дворцовые покои: затейливая резьба украшала всю мебель, блестела обильная позолота, узорные инкрустации выложены драгоценной поделочной костью. Посреди комнаты стояла женщина, она хмуро рассматривала лежавшую на столе раскрытую потрепанную рукопись. Черноволосая и черноглазая красавица была облачена в белый с серебром наряд.

В тот миг как Перрин ее узнал, она подняла голову, и взгляд женщины упал прямо на него. Глаза ее широко раскрылись – как от потрясения, так и от гнева.

– Ты! Что ты здесь делаешь? Как ты?.. Ты разрушишь все, о чем и представления иметь не способен!

Вдруг пространство вокруг Перрина как будто стало терять объем, уплощаться, обращаться в плоскую картину – он словно бы смотрел теперь не на комнату, а на ее изображение. Затем эта картина, как казалось, начала поворачиваться к нему ребром и вскоре превратилась в яркую вертикальную линию на фоне черноты. Линия ярко полыхнула белым и исчезла, оставив лишь тьму чернее черного.

Вдруг Перрин увидел, что пол возле самых его сапог резко обрывается во мрак: белые плитки впереди пропали, будто отсеченные громадным топором. Пока он недоверчиво пялился

на них, белый обрез стал таять во тьме – так вода смывает песчаный нанос. Юноша поспешил отпрянуть от края.

*Беги.*

Перрин повернулся: там стоял Прыгун, крупный серый волк, седой и в шрамах.

– Ты же погиб. Я видел, как ты умирал. Я *чувствовал* твою смерть!

В сознание Перрина ворвалось волчье послание:

*Сейчас же убегай! Не время тебе быть здесь. Опасность. Великая опасность. Страшнее всех Нерожденных. Тебе нужно уйти. Уходи немедленно! Сейчас же!*

– Как? – выкрикнул Перрин. – Я бы ушел, но как мне уйти?

*Уходи!*

Оскалив клыки, Прыгун бросился на горло Перрина.

Со сдавленным стоном Перрин рывком сел на кровати, вскинув руки к горлу, чтобы сдержать исток крови, уносящей жизнь. Пальцы его встретили кожу, целую и невредимую. Он облегченно сглотнул, но в тот же миг коснулся пальцами какого-то влажного пятна.

Чуть не падая от спешки, Перрин сполз с кровати, метнулся, пару раз споткнувшись, к умывальнику. Он схватил кувшин и, расплескивая повсюду воду, наполнил тазик. Когда он умыл лицо, вода в тазике стала розовой. Розовой – от крови того чудно одетого мужчины.

Еще больше темных пятен усеивало куртку и штаны Перрина. Сорвав с себя одежду, юноша швырнул ее в дальний угол. Пусть там и валяется. Потом Саймон может ее сжечь.

В открытое окно ворвался порыв ветра. Вдрагивая от холода, в одной рубашке и нижнем белье, Перрин уселся на полу, привалившись спиной к кровати. «Неудобно, именно так и надо». Мысли его переполняли горечь, тревога и страх. А еще – решимость. «Я ни за что не поддамся. Не бывать тому!»

Перрин по-прежнему дрожал, когда в конце концов к нему пришел сон – неглубокий, на грани полуяви, когда он как-то осознавал комнату, в которой находился, некая полудрема с мыслями о холоде. И все же пришедшие к нему дурные сны были лучше, чем те, иные.

Стояла ночь, Ранд, свернувшись калачиком под деревьями, наблюдал за широкогрудым черным псом, что приближался к его укрытию. В боку ныла рана, которую Морейн не удалось до конца Исцелить, но он не обращал на боль внимания. В сиянии луны едва можно было разглядеть пса, ростом доходившего человеку до пояса, с толстой шеей и массивной головой. Клыки влажно блестели в ночной темноте, точно мокрое серебро. Втянув ноздрями воздух, собака потрусила к нему.

«Ближе, – подумал Ранд. – Подойди ближе. На этот раз не станем предупреждать твоего хозяина. Давай ближе. Вот так».

Пес был всего в десяти шагах, в груди его заворочалось глухое рычание, и животное стремительно рванулось вперед. Прямиком на Ранда.

Сила наполнила Ранда. С вытянутых рук сорвалось нечто; что это было такое – он и сам не ведал. Полоса белого света, твердого, точно сталь. Жидкий огонь. На миг, очутившись в сердцевине этого нечто, пес будто бы стал прозрачным и тут же исчез.

Белый свет померк, оставив послеобраз, горящий перед взором Ранда. Он тяжело навалился плечом на ствол ближайшего дерева, чувствуя щекой грубую кору. Его трясло от облегчения и спазмов беззвучного смеха. «Сработало. Обереги меня Свет, на этот раз получилось». Так случалось не всегда. В эту ночь были и другие псы.

Единая Сила пульсировала в нем, билась и кипела, и от пятна порчи Темного на саидин у Ранда скрутило желудок, жаждущий вывернуться наизнанку. На лице, несмотря на холодный ночной ветер, бусинками выступил пот, и во рту явственно ощущался болезненный привкус. Ранда так и тянуло повалиться наземь и умереть. Ему хотелось, чтобы Найнив напоила его

каким-нибудь снадобьем, или чтобы Морейн Исцелила его, или... Что-нибудь, хоть что-то, лишь бы исчезло удушающее чувство тошноты.

Однако саидин наполняла его и жизнью, через слой болезненности пробивалась жизнь, энергия и осознание всего. Жизнь без саидин была лишь бледной своей копией. Все прочее блекло, становилось тусклой подделкой.

«Но они сумеют найти меня, если я продолжу за нее держаться. Выследят, отыщут меня. Мне нужно добраться до Тира. Там я все выясню. Если я – Дракон, там и придет конец всему. А если нет, то... Если все ложь, то и с этим тоже будет покончено. Конец всему».

Неохотно, с бесконечной медлительностью Ранд принялся разрывать связь с саидин, сбрасывая ее объятия, словно отказываясь от дыхания, дарящего ему жизнь. Ночь показалась серой. Тени утратили неизмеримую резкость своих границ, размылись, сливаясь вместе.

Где-то в отдалении, на западе, завывала собака – захлебывающийся плач в безмолвной ночи.

Ранд медленно поднял голову. Он стал вглядываться в ту сторону, как будто, если б постарался, сумел бы разглядеть пса.

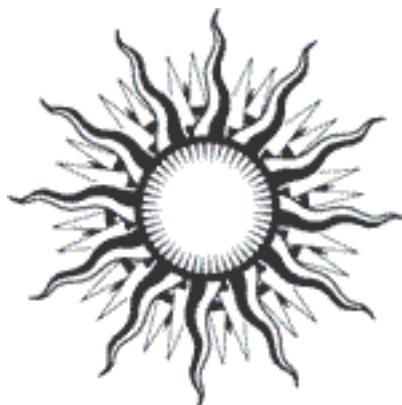
Первой собаке ответила другая, затем залилась воем третья, потом послышалось еще два отклика в унисон; все они раздавались с разных направлений, но все – к западу от того места, где находился Ранд.

– Преследуй меня, – прорычал он. – Трави, коли хочешь. Но я добыча не из легких. Теперь уже нет!

Оттолкнувшись от дерева, он перешел вброд мелкий ручей с обжигающе-ледяной водой, а затем размеренным быстрым шагом направился на восток. Холодная вода залила сапоги, рана в боку болела – ни на то, ни на другое Ранд не обращал внимания. Ночь у него за спиной вновь была тиха, но и эта тишина была ему безразлична.

«Охоться на меня. Я тоже могу поохотиться. Я – добыча не из легких».

## Глава 10. Тайны



Забыв на мгновение о спутниках, Эгвейн ал'Вир привстала в стременах в надежде уловить взглядом далекий еще Тар Валон, но увидеть сумела лишь нечто смутное, блеснувшее белым в лучах утреннего солнца. И все же именно там и должен стоять на острове город. Одиноким пик с обломанной вершиной, который называли Драконовой горой, возвышался посреди холмистой равнины; он вырос на горизонте еще вчера во второй половине дня, ближе к вечеру, и находился он на ближнем берегу реки Эринин, по эту сторону от Тар Валона. Эта гора и служила своеобразным ориентиром – один-единственный сломанный клык, торчащий над невысокими холмами и равнинами, – который легко заметить за много миль и который не составляет труда обойти, – и так поступают все, даже те, кто направляется в Тар Валон.

Говорили, будто Драконова гора высится на том месте, где погиб Льюс Тэрин Убийца Родичей; упоминалось о горе и в других преданиях, в словах пророчеств и предостережений. Так что весомых причин держаться подальше от ее черных склонов хватало с лихвой.

У Эгвейн имелась причина не сворачивать со своего пути, и не одна. Лишь в Тар Валоне могла она получить должное обучение, столь ей необходимое.

«Больше на меня никогда не наденут ошейник! – Эту мысль Эгвейн погнала прочь, но та подкралась к ней в ином обличье. – Никогда больше я не утрачу свободу!»

В Тар Валоне Анайя вновь примется проверять ее сновидения; Айз Седай наверняка этого пожелает, хоть и не сумела найти убедительного подтверждения своей догадки, что Эгвейн – сновидица. Сны Эгвейн стали тревожны с той поры, как девушка покинула равнину Алмот. Помимо снов о шончан – от них она по-прежнему просыпалась в холодном поту, – она все чаще и чаще видела сны о Ранде. Ранд бежит. Бежит к чему-то, но в то же время от чего-то и убегает.

Она во все глаза всматривалась туда, где должен был появиться Тар Валон. Наверняка Анайя там будет. «Наверное, и Галад тоже там». Против воли Эгвейн покраснела и напрочь изгнала Галада из своих мыслей. «Думай о погоде. Думай о чем-нибудь другом. Свет, как же сегодня тепло!»

Сейчас, в начале года, когда память о зиме была совсем свежа, Драконова гора все еще оставалась увенчана белым, но здесь, на равнине, снега уже таяли. Ранние восходы проклянулись сквозь бурый покров прошлогодних трав, а там, где деревья взобрались на пологие холмы, показывались кое-где первые рыжеватые росточки. После проведенной в пути зимы, когда лошади, увязая по брюхо в сугробах, успевали от рассвета до заката пройти меньше, чем Эгвейн при хорошей погоде могла проделать на своих двоих к полудню, когда путники нередко по несколько дней оставались заперты метелью в лагере или какой-нибудь деревне, признаки наступающей весны радовали глаз.

Откинув за спину сковывающий движения плотный шерстяной плащ, Эгвейн позволила себе опуститься в седло с высокой задней лукой и нетерпеливым жестом оправила юбку. Ее темные глаза наполнились отвращением. Долго, слишком уж долго девушка носила это платье, собственноручно перешитое ею в наряд, пригодный для верховой езды, однако второе ее – и единственное запасное – платье дорожная грязь испачкала еще больше. И вдобавок оно было того же темно-серого цвета – цвета, в который облачали обузданных. В начале их пути к Тар Валону, многие недели назад, выбор в одежде был небогат: либо темно-серое, либо вообще ничего.

– Клянусь, Бела, я никогда больше не надену серого, – сказала Эгвейн своей мохнатой лошадке, поглаживая той гриву.

«Хотя вряд ли у меня будет большой выбор, когда мы вернемся в Белую Башню», – подумала девушка. В Башне всем послушницам положено носить белое.

– Снова сама с собой болтаешь? – спросила Найнив, подъезжая поближе к Эгвейн на своем гнедом мерине. Всадницы, обе одного роста, и одеты были тоже одинаково; лишь из-за разницы в стати их лошадей бывшая Мудрая Эмондова Луга казалась на голову выше. Найнив хмурилась и подергивала свою толстую темную косу, свисающую у нее с плеча, как привыкла делать в минуты волнения или беспокойства, да еще когда собиралась упрямитесь пуще обычного. Кольцо Великого Змея на пальце выдавало в девушке одну из принятых – еще не полноправная Айз Седай, но на широкий шаг ближе к ним, чем Эгвейн. – Лучше тебе смотреть в оба.

Эгвейн придержала на языке реплику, что она, мол, и так смотрела в оба на Тар Валон. «Неужели Найнив думает, будто я встала в стременах оттого, что мне не нравится седло?» Частенько Найнив словно бы забывала, что она больше не Мудрая Эмондова Луга, а Эгвейн уже совсем не ребенок. «Но она носит кольцо, а я нет – пока что! – и для нее это значит, что ничего не изменилось!»

– Тебя не удивляет, как Мореин обращается с Ланом? – спросила Эгвейн сладеньким голоском и испытала мимолетное наслаждение, заметив, с какой силой и резкостью Найнив дернула себя за косу. Однако удовольствие от колкости быстро угасло. Не в природе Эгвейн было отпускать язвительные остроты, к тому же она знала, что чувства Найнив к Лану ныне подобны моткам пряжи после того, как в корзинке с рукоделием порезвился котенок. Но Лан – не котенок, и Найнив стоило бы как-то разобраться в своих отношениях с этим мужчиной, пока его упрямое до глупости благородство не сведет ее с ума настолько, что она же Лана и прикончит.

Всего путников было шестеро, все одеты достаточно скромно, чтобы не выделяться в попутных деревнях и городках, и все же, похоже, более странный отряд в последнее время не пересекал Каралейнскую степь: четыре женщины, а один из мужчин лежал в носилках, подвешенных между двумя лошадьми. Лошади с носилками, помимо того, везли легкие тюки, а еще съестные припасы, без которых не обойтись на длинных переходах между деревнями на том пути, каким они двигались.

«Шесть человек, – размышляла Эгвейн, – но сколько же у них секретов?» Не одну тайну они разделяли, причем и такие, какие, возможно, придется хранить даже в Белой Башне. «Как просто жилось мне дома!»

– Найнив, как ты считаешь, с Рандом все в порядке? – спросила Эгвейн и поторопилась добавить: – И с Перрином.

Она не могла позволить себе и дальше делать вид, будто в один прекрасный день выйдет за Ранда замуж; теперь это нельзя считать ничем иным, кроме как притворством. Девушке самой не нравилось такое положение – она еще не полностью с ним смирилась, – но она отдавала себе в этом отчет.

– Ты о своих сновидениях? Они снова тебя тревожат? – Голос Найнив прозвучал беспокоенно, но Эгвейн была не расположена к проявлениям сочувствия.

Она заставила себя отвечать столь обыденно, насколько ей удался подобный тон:

– По слухам, что до нас долетают, невозможно сказать, что вообще происходит. В них наврано и перепутано все, чему я была свидетелем.

– Все пошло наперекосяк с того дня, когда в наши жизни вмешалась Морейн, – беспеременно заявила Найнив. – Перрин и Ранд... – Поморщившись, она недолгое время молчала. Эгвейн была уверена, что Найнив винит Морейн за все, что случилось с Рандом. – Покамест им придется заботиться о себе самим. А нам, боюсь, надо будет беспокоиться о себе. Что-то не так. У меня такое... предчувствие.

– Ты знаешь, что именно? – спросила Эгвейн.

– Ощущения почти как перед грозой. – Темные глаза Найнив принялись изучать утреннее небо, голубое и чистое, с редкими разбросанными по нему белыми облачками, и она вновь покачала головой. – Все равно что надвигается гроза.

Найнив с детства обладала способностью предсказывать погоду. Слушать ветер – так это называли, и считалось, что предугадывать перемены в погоде должна уметь Мудрая каждой деревни, хотя многие из них на самом-то деле не имели подобного дара. Как бы то ни было, с того дня, как Найнив покинула Эмондов Луг, ее способности то ли возросли, то ли изменились. Теперь грозы, которые она предчувствовала, порой были связаны скорее с людьми, нежели с ветром.

Задумавшись, Эгвейн прикусила губу. Они не могли позволить себе задержки или промедления – только не после такого долгого пути, только не в такой близости от Тар Валона. Ради Мэта, а также по причинам, которые ее рассудок мог счесть куда важнее жизни одного-единственного деревенского юноши, друга детства, но которые ее сердце ценило не столь высоко. Девушка посмотрела на своих спутников, пытаясь определить, не заметил ли что-нибудь кто-то из них.

Во главе отряда скакала Верин Седай, невысокая и полная, в одежде коричневых тонов, однако она, по виду совершенно углубившись в собственные мысли и надвинув капюшон так, что тот почти полностью скрыл лицо, позволила своей лошади самой выбирать бег по нраву. Она принадлежала к Коричневой Айя, а Коричневых сестер обычно больше заботит поиск знаний, чем что-то в мире вокруг них. Впрочем, Эгвейн не была так уж уверена в отрешенности Верин – связавшись с ними, Айз Седай увязла в мирских делах по уши.

За носилками, на которых без сознания лежал Мэт, ехала Илэйн – одного возраста с Эгвейн и тоже послушница, однако золотоволосая и голубоглазая, в то время как у Эгвейн волосы и глаза были темными. Одета в такое же серое платье, что и Эгвейн с Найнив, девушка посматривала на Мэта с беспокойством, которое разделяли все члены отряда. Вот уже трое суток Мэт не приходил в себя. С другой стороны носилки сопровождал худощавый, длинноволосый мужчина, который, как казалось, пытался глядеть сразу во все стороны, но так, чтобы его стараний никто не замечал, и сосредоточенность обострила черты его лица и углубила морщины.

– Хурин, – промолвила Эгвейн, и Найнив согласно кивнула.

Они придержали лошадей, чтобы поравняться с носилками. Лошадка Верин иноходью пробежала вперед.

– Хурин, ты ничего не чувствуешь? – спросила Найнив, и Илэйн подняла от носилок Мэта неожиданно заинтересованный взгляд.

Оказавшись на перекрестье трех взоров, худощавый мужчина поерзал в седле и потерял свой длинный нос.

– Беду, – произнес он коротко и вместе с тем неохотно. – По-моему... вроде как... беду.

Хурин, ловец воров при короле Шайнара, в отличие от шайнарских воинов, не носил на макушке пучок волос, однако висевшие на поясе короткий меч и зубчатый мечелом имели

весьма бывалый вид. Многолетний опыт, похоже, развил в нем дар вынюхивать творящих зло преступников, особенно тех, у кого руки были в крови.

Дважды за время пути советовал он своим спутникам покинуть деревню, где они и часа еще не пробыли. В первый раз они не прислушались к его словам, заявив, что слишком устали, однако на исходе ночи трактирщик вместе с двумя сподручниками из местных попытался убить спавших в своих постелях постояльцев. То были вовсе не приспешники Темного, а всего лишь воры, охочие до лошадей и пожитков, которые путники везли во выюках и в переметных сумках. Но остальные жители деревни об их разбойных проделках знали и, по-видимому, сочли чужестранцев, которые не дались трем их односельчанам-лиходеям, своей добычей. Так что пришлось путникам бежать от толпы, размахивающей топорами и вилами. Во второй раз Верин приказала всем скакать дальше, стоило только Хурина заговорить на эту тему.

Но в разговорах со своими спутниками ловец воров всегда был осторожен, не позволяя себе лишних речей. Исключение он делал лишь для Мэта, пока тот в силах был разговаривать; они вдвоем перешучивались и играли в кости, когда женщин не было поблизости. И теперь Эгвейн догадывалась, что, наверное, Хурин, будучи на деле единственным мужчиной в отряде, чувствует себя весьма неуютно рядом с Айз Седай и еще тремя девушками, которые проходят обучение в Тар Валоне, хотя пока и не возведены в ранг сестер. Немалое число мужчин находило, что им проще сразиться с врагом, чем встретиться лицом к лицу с Айз Седай.

– Что за беда? – спросила Илэйн.

Говорила она непринужденно, но в голосе так явственно прозвучало ожидание ответа, немедленного и подробного, что Хурин не мог не откликнуться.

– Я чувю... – Он осекся и заморгал, словно от удивления, взгляд перебежал от одной женщины к другой. – Всего лишь ощущение, – произнес он наконец. – Э-э... предчувствие. Я видел кое-какие следы вчера и сегодня. Много лошадей. Два или три десятка проскакали туда, два или три – сюда. Вот что меня озадачивает. Это все. Чувство. Но, скажу я, за этим таится какая-то беда.

Следы? Эгвейн их не заметила. Найнив резко сказала:

– Ничего тревожащего я в них не вижу! – Найнив гордилась тем, что в мастерстве следопыта не уступит любому мужчине. – Их оставили несколько дней назад. С чего ты решил, что они сулят беду?

– Просто я так считаю, – медленно промолвил Хурин, как будто желая что-то добавить. Он глубоко вздохнул и опустил глаза, потирая нос. – Когда нам в последний раз встречалась на пути деревня? С того дня прошло немало времени, – пробормотал ловец воров. – Кто знает, какие вести из Фалме опередили нас? Может статься, нам окажут вовсе не такой добрый прием, какого мы ожидаем. Вот что я думаю: эти люди могут быть разбойниками, убийцами. И вот что еще я думаю: нам нужно быть осторожными. Будь Мэт на ногах, я бы на разведку отправился, но сейчас мне, пожалуй, лучше не оставлять вас одних.

Брови Найнив полезли вверх.

– По-твоему, мы не в состоянии сами о себе позаботиться?

– Много ли будет проку от Единой Силы, если тебя убьют раньше, чем успеешь ею воспользоваться? – сказал Хурин, обращаясь к высокой передней луке своего седла. – Прошу прощения, но, по-моему, я... Просто лучше поеду я пока рядом с Верин Седай. – Он ударил коня каблуками, и тот галопом унес ловца воров вперед, прежде чем кто-либо из девушек успел вымолвить хоть слово.

– Вот так сюрприз! – заметила Илэйн, когда Хурин придержал коня, оказавшись в нескольких шагах от Коричневой сестры. Верин уделила ему внимания едва ли больше, нежели всему прочему вокруг, и ловец воров выглядел вполне довольным таким отношением к себе. – С тех пор как мы покинули мыс Томан, он сторонился Верин как только мог. Он и глядит на нее всегда так, будто боится каждого ее слова.



– Уважение к Айз Седай не означает, что он не боится их, – сказала Найнив, а потом неохотно добавила: – И нас.

– Если он думает, что впереди нас ждет беда, стоило бы отправить его на разведку. – Эгвейн сделала глубокий вдох и обратила на остальных девушек такой спокойный взор, какой только сумела изобразить. – Если что-то случится, мы способны защитить себя лучше, чем удастся ему и сотне солдат в придачу.

– Он этого не знает, – сдержанно сказала Найнив, – и рассказывать ему я не собираюсь. И вообще хоть кому-то.

– Могу только вообразить, что обо всем этом сказала бы Верин. – В голосе Илэйн слышалась обеспокоенность. – Хотелось бы иметь хоть какое-то представление о том, что ей известно. Эгвейн, если Амерлин докопается до истины, то не знаю, сумеет ли матушка меня выручить, не говоря уже про вас двоих. Не берусь сказать, попытается ли даже она помочь. – (Матушкой Илэйн была королева Андора.) – Она постигла лишь самую малость во владении Силой, прежде чем покинула Белую Башню, пусть и вела себя в жизни так, будто ее возвысили до полноправной сестры.

– На поддержку Моргейз нам надеяться нельзя, – сказала Найнив. – Она в Кэймлине, а мы будем в Тар Валоне. Нет, мы и без того наверняка неприятности на себя навлекли уже за то, что сбежали, и не важно, с чем мы вернулись. Будет лучше, если мы станем держаться тише воды ниже травы, вести себя смирно и не делать ничего такого, что привлечет к нам больше внимания, чем мы уже на себя обратили.

В другой раз Эгвейн посмеялась бы над предложением Найнив прикинуться смирной овечкой. С этой задачей даже Илэйн управилась бы лучше. Но вот сейчас смеяться ей совсем не хотелось.

– А если Хурин прав? – сказала она. – Если на нас нападут? От двадцати или тридцати человек он нас не защитит, и мы можем погибнуть, если станем ждать, пока Верин что-нибудь предпримет. Найнив, ты же сама сказала, что предчувствуешь грозу.

– Вот как? – отозвалась Илэйн. Она покачала головой, встряхивая рыжевато-золотистыми кудрями. – Верин не понравится, если мы... – Девушка умолкла. – По нраву это Верин или нет, но, может статься, нам придется действовать.

– Я сделаю то, что должно быть сделано, – твердо заявила Найнив, – если что-то надо будет предпринять, а вы обе бегите, если так будет нужно. Пусть о ваших способностях в Белой Башне всем уши прожужжали, но не думайте, что вас обеих не усмирят, если Престол Амерлин или Совет Башни решит, что это необходимо.

Илэйн с трудом сглотнула.

– Если нас за это усмирят, – произнесла она слабым голосом, – то и тебя тоже. Мы должны убегать все вместе или действовать сообща. Раньше Хурин оказывался прав. Если мы хотим дожить до тех неприятностей, что ждут нас в Башне, наверное, нам придется... сделать то, что потребуется.

Эгвейн вздрогнула. Быть усмирненной. Отрезанной от *саидар*, женской половины Истинного Источника. Очень немногие из когда-либо живших Айз Седай понесли подобное наказание, однако за некоторые проступки Башня требовала усмирения. От послушниц в обязательном порядке требовали заучивать имена всех усмирненных когда-то Айз Седай, а также знать, за какие преступления их постигла такая кара.

Теперь Эгвейн была способна в любое время ощущать Источник – рядом с собой, практически за гранью зримого, подобно полуденному солнцу за плечом. Пусть при попытке дотянуться до саидар девушке зачастую и не удавалось ее коснуться, Эгвейн по-прежнему испытывала подобное желание. Чем чаще касалась она саидар, тем больше хотела этого, практически всегда, несмотря на то что Шириам Седай, наставница послушниц, не переставала твердить об опасностях, проистекающих из чрезмерного тяготения к Единой Силе. Оказаться отрезанной

от нее, сохранить способность чувствовать саидар, но навсегда лишиться возможности снова к ней прикоснуться...

Никому из девушек, похоже, говорить на эту тему не хотелось.

Чтобы скрыть свою дрожь, Эгвейн склонилась с седла к слегка покачивающимся носилкам. Одежда Мэта пришла в беспорядок, обнажив кривой кинжал в золотых ножнах, который юноша сжимал в одной руке; рукоять кинжала венчал рубин величиной с голубиное яйцо. Аккуратно, не прикасаясь к кинжалу, она заново расправила одежду, накрыв руку Мэта. Он был всего на несколько лет старше ее, но исхудавшие щеки и пожелтевшая кожа его заметно состарили. Грудь Мэта, когда он с хрипом вдыхал воздух, почти не поднималась. В ногах у него лежал кожаный мешок, с бугристыми, выпирающими боками. Эгвейн натянула одеяло заодно и на мешок.

«Нам нужно доставить Мэта в Башню, – подумала она. – И мешок».

Найнив тоже склонилась над Мэтом, потрогала его лоб.

– Жар усилился. – Голос ее звучал озабоченно. – Если бы только у меня был корень успокой-травы или хотя бы жарогон...

– Может, если Верин повторит Исцеление... – промолвила Илэйн.

Найнив покачала головой. Она пригладила Мэту волосы и вздохнула, затем выпрямилась и заговорила снова:

– Верин утверждает, что все возможное, чтобы сохранить ему жизнь, уже сделано, и я ей верю. Вчера вечером я сама испробовала Исцеление, но ничего не получилось.

У Илэйн открылся рот.

– Шириам Седай говорит, что мы не должны пытаться Исцелять, пока не продедем это под присмотром – шаг за шагом и притом сотню раз.

– Ты же могла убить его! – гневно произнесла Эгвейн.

Найнив громко фыркнула:

– Я и раньше Исцеляла, еще когда у меня и в мыслях не было идти в Тар Валон, пусть даже я и не ведала, что делаю. Но похоже, мне, чтобы все сработало, нужны мои снадобья. Будь у меня хоть немного жарогона... Кажется, долго он не протянет. Я бы сказала, считанные часы остались.

Эгвейн подумала, что речи Найнив о своих возможностях и о том, как она об этом узнала, звучат почти столь же нерадостно, как и ее слова о Мэте. Девушка не впервые задалась вопросом, почему Найнив вообще решила отправиться на обучение в Тар Валон. Направлять Силу она научилась, сама того не ведая, пусть и не всегда могла контролировать свои действия, и ей удалось благополучно пройти через кризис, преодолевая который погибают три из четырех женщин, пытающихся научиться владению Единой Силой без руководства Айз Седай. Найнив утверждала, что хочет углубить свои познания, но при обучении она зачастую сопротивлялась и упрячилась, как ребенок, которому в рот силком вливают отвар из корня овечьих язычков.

– Скоро мы доставим Мэта в Белую Башню, – сказала Эгвейн. – Там его сумеют Исцелить. Амерлин о нем позаботится. Она обо всем позаботится. – Девушка старалась не глядеть в изножье носилок Мэта, где под одеялом скрывался мешок. Ее спутницы тоже избегали туда смотреть. Были тайны, о которых все они предпочитали помалкивать.

– Всадники! – внезапно сказала Найнив, но Эгвейн их уже заметила.

Впереди, на гребне невысокого холма, показалось десятка два верховых. Они скакали наперерез путникам таким галопом, что белые плащи хлопали у них за плечами.

– Дети Света! – Слова Илэйн прозвучали как ругательство. – Похоже, нашла нас твоя гроза да Хуринова беда.

Верин одной рукой натянула поводья, а ладонь другой положила на руку Хурина, который уже взялся было за меч. Эгвейн взяла за повод одну из лошадей, которые везли носилки, и остановила ее как раз позади пухлой Айз Седай.

– Дети мои, позвольте переговоры вести мне, – спокойно промолвила Айз Седай, сдвигая свой капюшон назад так, что стала видна седина в ее волосах. Эгвейн не взялась бы сказать, сколько лет Верин; девушка полагала, что та достаточно стара, чтобы быть бабушкой, впрочем седые волосы были единственным признаком, позволявшим как-то судить о возрасте Айз Седай. – И ни в коем случае не позволяйте им вас разозлить.

Лицо Верин было таким же бесстрастным, как и голос, но Эгвейн показалось, что Айз Седай прикидывает расстояние до Тар Валона. Уже виднелись и верхушки башен, и ведущий на остров мост, такой высокой аркой изогнувшийся над водой, что под ним без труда проходили по реке торговые суда.

«Так близко, что нам его видно, – подумала Эгвейн, – но слишком далеко, чтобы это могло чем-то помочь».

На какое-то мгновение девушка уверилась, что приближающиеся белоплащники намерены атаковать их, но тут их предводитель вскинул руку, и всадники рывком натянули поводья и остановились, подняв тучу пыли и разметав по сторонам комья земли, в неполных сорока шагах от путников.

Найнив что-то сердито бурчала себе под нос, а Илэйн гордо выпрямилась, преисполненная надменности, словно собиралась выбрать белоплащников за дурные манеры. Хурин по-прежнему не отпускал рукояти меча; судя по его виду, нюхач готов был встать между белоплащниками и женщинами, что бы там ни говорила Айз Седай. Верин же спокойно махала перед лицом рукой, отгоняя пыль. Всадники в белых плащах выстроились дугой, охватывая маленький отряд и недвусмысленно перекрывая путникам дорогу.

Сияли тщательно отполированные нагрудники и конические шлемы, и даже кольчуга, обтягивающая руки солдат, ярко поблескивала. На груди у каждого всадника пылало золотом многолучевое солнце. Кое-кто из них наложил на лук стрелу, и хотя оружия они не поднимали, держали его наготове. Командир оказался молод, однако у него на плаще, под эмблемой с солнечными лучами, красовались два золотых банта, указывающие на его ранг.

– Две тарвалонские ведьмы, если я не ошибаюсь? – заметил он с напряженной улыбкой, от которой его узкое лицо еще больше вытянулось. Глаза юнца блеснули высокомерием, словно бы он ведал некую истину, постичь которую у других неоставало ума. – Да еще две гниды и пара собачонок, одна больная, другая старая. – (Хурин ощетинился, но рука Верин удержала его.) – Откуда вы явились? – требовательным тоном спросил белоплащик.

– Мы идем с запада, – спокойно промолвила Верин. – Уйдите с дороги и дайте нам продолжить путь. У Детей Света нет здесь власти.

– Дети имеют власть всюду, где есть Свет, ведьма, а где Света нет, его приносим мы. Отвечай на мои вопросы! Или же мне доставить тебя в наш лагерь и пускай тогда Вопрошающие ведут дознание?

Эгвейн понимала, что для Мэта непозволительна любая задержка на пути к Белой Башне, где ему должны помочь. Но что еще важнее – девушка вздрогнула оттого, что у нее возникла подобная мысль, – нельзя допустить, чтобы содержимое кожаного мешка попало в руки белоплащников.

– Я тебе уже ответила, – по-прежнему спокойно сказала Верин, – и ответила более вежливо, чем ты того заслуживаешь. Ты и в самом деле считаешь, что сможешь остановить нас? – Несколько белоплащников подняли луки, словно услышали в ее словах угрозу, но она продолжила говорить, ничуть не повысив голоса. – В каких-то землях вы можете удерживать власть, угрожая и запугивая, но не тут, у самых стен Тар Валона. Неужели вы действительно полагаете, что вам позволят схватить здесь Айз Седай?

Офицер тревожно поерзал в седле, как будто вдруг засомневался, удастся ли ему делом подкрепить свои слова. Затем он оглянулся на своих солдат – то ли желая напомнить себе об их поддержке, то ли сообразив, что все они смотрят на него, – и тогда взял себя в руки.

– Знай, ведьма, меня не страшат ни твои уловки, ни сами приспешники Темного. Отвечай мне, или ответишь Вопрошающим. – Как он ни старался, его слова прозвучали не так властно, как прежде.

Верин с видом, словно вела праздную беседу о пустяках, открыла было рот, но не успела и слова вымолвить, как вмешалась Илэйн, звенящим повелительным голосом заявив:

– Я – Илэйн, дочь-наследница Андора. Если вы сейчас же не уберетесь, тебе, белоплащик, придется держать ответ перед королевой Моргейз!

Раздосадованная, Верин недовольно зашипела.

На мгновение белоплащик показался совершенно сбитым с толку, но затем рассмеялся:

– Ты в этом уверена? Возможно, девчонка, это тебя удивит, но нынче Моргейз не так уж сильно обожает ведьм. Если я заберу у них тебя и верну к ней под крылышко, она лишь поблагодарит меня. Лорд-капитан Эамон Валда будет весьма не против побеседовать с тобой, дочь-наследница Андора.

Офицер поднял руку; был ли то просто обычный жест, или же он давал какой-то сигнал своим солдатам – Эгвейн не взялась бы утверждать. Тем не менее некоторые белоплащники подобрали поводья коней.

«Больше нет времени ждать, – подумала Эгвейн. – Снова на цепь меня не посадят!» И она открыла себя Единой Силе. Сейчас, после длительной практики, это простое упражнение ей удавалось проделывать намного быстрее, чем при первых попытках. В одно биение сердца ее разум очистился, освободился от всего, кроме единственной вещи – бутона розы, плавающего в пустоте. Эгвейн сама стала бутонем розы, раскрывающимся навстречу свету, открывающимся саидар, женской половине Истинного Источника. Сила заполнила ее, угрожая вот-вот смести. Эгвейн словно наполнилась светом, нет – Светом, стала единой со Светом в упоительном экстазе. Борясь с тем, чтобы не оказаться переполненной, сокрушенной, девушка сосредоточилась на клочке земли перед лошадью офицера-белоплащика. Совсем маленький участок – ведь она никого не хочет убить. «Вам меня не схватить!»

Рука офицера все еще двигалась вверх. И почва перед ним с ревом извергла узкий фонтан земли и камней, вознесшийся выше головы всадника. Заржав, конь белоплащика встал на дыбы, и тот свалился с седла как мешок.

Он еще не успел шлепнуться наземь, а Эгвейн все свое внимание перенесла поближе к прочим белоплащикам, и земля взорвалась еще одним небольшим извержением. Бела, затанцевав, рванула было в сторону, но девушка придержала кобылу коленями и поводьями, даже того не заметив. Завернутая в кокон пустоты, она, однако же, испытала удивление, когда к небу выстрелил третий фонтан, созданный не ею, а за ним и четвертый. Каким-то краешком сознания она уловила сияние, окружившее Найнив и Илэйн, которое говорило, что они тоже обняли саидар, что тоже были объаты ею. Этот ореол не увидел бы никто, кроме другой способной направлять Силу женщины, однако результаты были видны всем. Взрывы преследовали белоплащиков со всех сторон, осыпая их комьями земли, потрясая громовыми раскатами, заставляя их лошадей с диким ржанием шарахаться то туда, то сюда.

Хурин, с раскрытым от изумления ртом и перепуганный, очевидно, не меньше белоплащиков, озираясь по сторонам, при этом стараясь удержать на месте и лошадей, везущих носилки, и своего собственного жеребца. Глаза Верин широко распахнулись от гнева и удивления. Губы ее яростно шевелились, но все ее слова тонули в грохоте.

Белоплащники удирали вовсю, некоторые в панике побросали луки; они уносились галопом так, будто сам Темный преследовал их по пятам. Сбежали все, кроме молодого офицера, который поднимался на ноги. Ссутулившись, он зло уставился на Верин, так выкатив глаза, что виднелись белки. Земля испачкала и его белый плащ, и лицо, но он словно не замечал этого.

– Так убей же меня, ведьма, – произнес он срывающимся голосом. – Давай! Убей меня, как ты убила моего отца!

Айз Седай не обращала на него никакого внимания, всецело сосредоточившись на своих спутниках. Белоплащники, удиравшие без оглядки, будто также позабывшие про своего командира, исчезли за тем же пригорком, откуда и появились. Лошадь офицера убежала вместе с ними.

Под разъяренным взглядом Верин Эгвейн отпустила саидар – медленно и нехотя. Отпустить Источник всегда было трудно. Сияние, окутывавшее Найнив, исчезало еще медленнее. Она так грозно хмурилась на узколище белоплащника, стоявшего перед ними, словно тот все еще мог устроить какую-нибудь хитрую пакость. Илэйн выглядела потрясенной тем, что она натворила.

– То, что вы сделали... – начала Верин, но прервалась, сделав глубокий вдох. Взглядом она охватила всех трех девушек разом. – То, что вы сделали, – отвратительно. Отвратительно! Айз Седай не используют Силу в качестве оружия, только против отродий Тени или как крайнее, последнее средство для защиты собственной жизни. Три Клятвы...

– Они собирались убить нас! – с жаром прервала ее Найнив. – Убить или отправить на пытки. Он как раз отдавал приказ.

– Это... На самом деле, Верин Седай, это не было использованием Силы в качестве оружия. – Илэйн вскинула подбородок, но голос ее дрожал. – Мы никому не причинили вреда, даже попытки к тому не было. И конечно...

– Не играй со мной словами! – рявкнула Верин. – Когда вы станете полноправными Айз Седай – если вы вообще когда-либо станете Айз Седай! – тогда вы обязаны будете подчиняться Трем Клятвам, но даже от послушниц ожидают, что они будут изо всех сил стараться жить так, будто уже связаны обетами.

– А что насчет этого? – Найнив взмахом руки указала на офицера-белоплащника, с ошеломленным видом по-прежнему стоявшего рядом. Кожа на лице Найнив натянулась, точно на барабане; она казалась рассвирепевшей не меньше Айз Седай. – Он намерен был захватить нас в плен. Мэт умрет, если в ближайшее время не попадет в Башню, и... и...

Эгвейн знала, что Найнив силится не произнести вслух: «И мы не можем допустить, чтобы мешок, предназначенный Амерлин, попал не в те руки».

Верин устало оглядела белоплащника.

– Он всего лишь пытался запугать нас, дитя мое. Он прекрасно понимал, что не смог бы заставить нас идти туда, куда нам не захочется, разве что ценою таких неприятностей, навлечь которые на себя он бы не пожелал. Особенно здесь, в двух шагах от Тар Валона. Потратив чуточку времени и проявив малость терпения, я с помощью слов провела бы нас мимо них. О да, он вполне мог бы попытаться нас убить, сумеет он устроить засаду, но ни один белоплащик, обладающий хотя бы козлиным умишком, даже не помыслит нападать на Айз Седай, которой известно, что он находится рядом. Посмотрите, что вы наделали! Какие небылицы станут рассказывать эти люди и сколько вреда от этого будет!

Стоило Верин упомянуть о засаде, как лицо офицера побагровело.

– Нет в этом трусости – избегать прямой атаки на силы, что учинили Разлом Мира! – вспылил он. – Вы, ведьмы, желаете нового Разлома Мира, чтобы тем самым услужить Темному!

Верин лишь покачала головой в усталом отрицании.

Эгвейн захотелось исправить хоть что-то из ею содеянного.

– Я очень сожалею о том, что сделала, – сказала она офицеру. Девушка радовалась, что не связана клятвой не говорить ни слова лжи, как полноправные Айз Седай, ибо в лучшем случае сказала лишь полуправду. – Я не должна была так поступать и приношу свои извинения. Уверена, Верин Седай Исцелит ваши ушибы. – (Он отшатнулся, отступил на шаг, будто девушка предложила живьем содрать с него кожу, и Верин громко фыркнула.) – Мы прошли долгий путь, – продолжила Эгвейн, – от самого мыса Томан, и не будь я такой уставшей, я бы никогда не...

– Молчи, девочка! – вскричала Верин, и в тот же миг белоплащик зарычал:

– Мыс Томан? Фалме! Вы были в Фалме!

Он отшатнулся еще на шаг и наполовину обнажил меч. Лицо у него исказилось, и Эгвейн не могла понять, намеревается ли он напасть или решил защищаться. Хурин, положив руку на мечелом, двинул своего коня ближе к белоплащику, но уколиций офицер лишь разразился напыщенной речью, с яростью брызжа слюной:

– Мой отец погиб в Фалме! Байар рассказал мне! Это вы, ведьмы, убили его ради своего Лжедракона! За это вы умрете! Я еще увижу, как вас сожгут!

– Несдержанные дети, – вздохнула Верин. – Ничем не лучше мальчишек, у которых язык без костей. Ступай со Светом, сын мой, – сказала она белоплащику.

И, не проронив более ни слова, Верин объехала его во главе своего маленького отряда, однако вслед ей неслись крики:

– Меня зовут Дэйн Борнхальд! Запомните, приспешники Темного! Я заставлю вас трепетать перед этим именем! Запомните мое имя!

Когда вопли Борнхальда позади смолкли, всадники еще некоторое время продолжали свой путь молча. Наконец Эгвейн промолвила, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Я лишь хотела как лучше.

– Лучше! – пробормотала Верин. – Ты должна научиться понимать, когда наступает момент, чтобы выложить всю правду, а когда самое время попридержать язык. Этот урок – наименьший среди того, чему ты должна обучиться, но наиважнейший, если ты намерена прожить достаточно долго, чтобы носить шаль полноправной сестры. Неужели тебе ни разу не приходило в голову, что вести из Фалме могли опередить нас?

– С чего бы такая мысль должна ей на ум прийти? – спросила Найнив. – Из тех, кто нам до сих пор встречался, ни один и не слыхивал ничего, кроме сплетен, а значит, мы в последний месяц обгоняем все слухи.

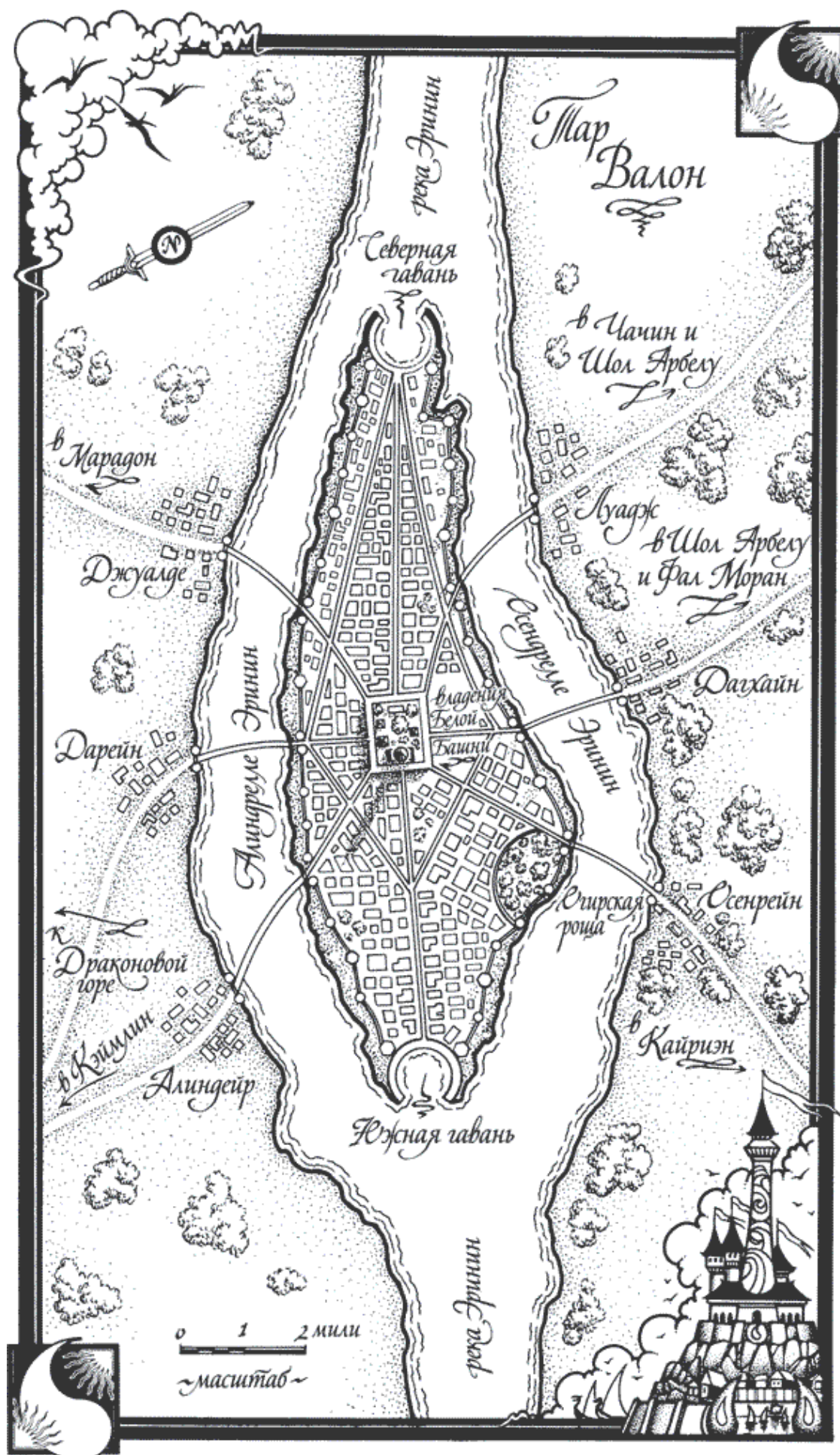
– А все ли вести обязательно повторяют наш путь? – возразила Верин. – Двигались мы медленно. Слух же несется на крыльях по сотням дорог. Всегда ожидай худшего, дитя мое, и тогда все неожиданности, что с тобой случатся, будут только приятными.

– Но что он имел в виду, говоря о моей матери? – Илэйн вдруг припомнила слова, сказанные белоплащиком. – Наверняка обо всем лгал. Она никогда не обратится против Тар Валона.

– С Тар Валоном королевы Андора всегда поддерживали дружбу, но нет ничего неизменного. – Лицо Верин снова обрело спокойное выражение, тем не менее в голосе сохранялось напряжение. Она повернулась в седле и окинула всех спутников взглядом – трех девушек, Хурина, лежащего в носилках Мэта. – Мир – странная штука, и все в нем меняется.

Всадники поднялись на косогор; вот впереди показалась деревня – желтые черепичные крыши теснились подле огромного моста, который вел в Тар Валон.

– Теперь вы и в самом деле должны быть начеку, – сказала им Верин. – Дальше ждет настоящая опасность.







## Глава 11. Тар Валон



Дарейн, маленькая деревня на берегу реки Эринин, существовала почти столь же долго, как и островной Тар Валон. Небольшие красно-коричневые кирпичные домики и лавки Дарейна, его мощенные камнем улицы давали ощущение постоянства, хотя деревушка в Троллоковых войны была сожжена, а когда армии Артура Ястребиное Крыло осаждали Тар Валон – разграблена; во время Столетней войны деревня не раз становилась жертвой мародеров и вновь была предана огню в ходе Айильской войны, каких-то неполных двадцать лет тому назад. Не очень-то спокойная история для маленькой деревни, однако само местоположение Дарейна, возле въезда на один из мостов, ведущих в Тар Валон, позволяло вполне уверенно утверждать, что, сколько бы раз деревню ни разрушали, ее всегда будут отстраивать заново. По крайней мере, пока стоит Тар Валон.

Поначалу Эгвейн показалось, что Дарейн вновь готовится к войне. По улице маршировало каре пикейщиков, чьи ряды и колонны ошетинились, будто чесальный гребень, сталью, следом шагали лучники – в приплюснутых шлемах с ободками, у бедра – полные стрел колчаны, через грудь перекинuty луки. Повинуясь взмаху облаченной в боевую перчатку руки командира, эскадрон конных латников, чьи лица были скрыты стальными забралами шлемов, уступил дорогу Верин и ее спутникам. На груди у всех воинов красовалось, подобное снежной слезе, Белое Пламя Тар Валона.

Горожане вполне беззаботно сновали по своим делам, рыночная толпа обтекала солдат, относясь к марширующим мимо них воинам как к чему-то давно привычному. Несколько мужчин и женщин, несущих подносы с фруктами, подстроившись под шаг солдат, пытались заинтересовать их сморщенными яблоками и грушами, извлеченными из зимних подвалов, но, не считая этих немногих разносчиков, владельцы магазинов и уличные торговцы не обращали на воинские отряды никакого внимания. Верин, казалось, их тоже не замечала, ведя Эгвейн и остальных путников через деревню к большому мосту, дугой выгнувшемуся над водным пространством шириной в полмили, если не больше. Сам же мост был подобен кружеву, сотканному из камня.

На въезде мост охраняли солдаты – дюжина вооруженных пиками пехотинцев и лучники, этих было раза в два меньше; они проверяли и досматривали всех, кто желал перейти мост. Командовавший караулом лысеющий офицер, шлем которого висел на рукояти меча, похоже, был озадачен тем, какой длины выстроилась перед мостом очередь. Хотя хвост из пеших и конных, людей с телегами, которые тащили волы или лошади, а то и сами владельцы, протянулся всего на сотню шагов, но всякий раз, когда кого-то одного пускали на мост, подходил другой и вставал в конец очереди. Тем не менее лысеющий офицер, по-видимому, и не думал спешить и, прежде чем позволить кому-то ступить на мост, с обстоятельностью удостоверился в его праве попасть в пределы Тар Валона.

Когда Верин повела свой отряд в начало очереди, караульный офицер, сердито нахмурившись, открыл было рот, однако хорошенько пригляделся к лицу женщины и поспешно нахлобучил шлем на голову. Никому из тех, кто на самом деле часто общался с Айз Седай, не требовалось увидеть кольцо Великого Змея, чтобы распознать их.

– Доброго утра вам, Айз Седай, – сказал офицер и поклонился, приложив руку к сердцу. – Доброго утра. Если угодно, пожалуйста на мост.

Верин остановила коня рядом с ним. В очереди поднялся приглушенный ропот, но никто не стал жаловаться в открытую.

– Неприятности с белоплащниками, гвардеец?

«Почему мы остановились?» Эгвейн еле сдерживала свое нетерпение.

– Она что, забыла про Мэта? – пробормотала она.

– Не совсем, Айз Седай, – ответил офицер. – Стычек не было. Они пытались войти в Элдонский Рынок, на другой стороне реки, но мы дали им от ворот поворот. Амерлин хочет быть уверена, что они не повторят попытку.

– Верин Седай, – осторожно начала было Эгвейн, – Мэт...

– Секунду, дитя мое, – отозвалась Айз Седай, лишь отчасти рассеянно. – Я о нем не забыла. – Она тут же переключила свое внимание на офицера. – А окрестные деревни?

Мужчина беспокойно дернул плечами:

– Совсем не подпускать белоплащников мы не можем, Айз Седай, но они отступают подальше, когда выезжают наши патрули. Видимо, пытаются спровоцировать нас.

Верин кивнула и уже собралась ехать дальше, но офицер заговорил вновь:

– Простите, Айз Седай, но вы явно прибыли издалека. Есть ли у вас какие-нибудь вести? Каждое торговое судно везет с собой вверх по реке новые слухи. Поговаривают, где-то на западе появился новый Лжедракон. Да что там, болтают даже, что с ним идут армии Артура Ястребинное Крыло, восставшие из мертвых, и что он перебил множество белоплащников и разрушил город – вроде как Фалме называется, – это в Тарабоне, как говорят.

– А еще бают, что ему Айз Седай помогали! – раздался из очереди мужской голос.

Хурин глубоко задышал и заерзал, как будто предчувствуя насилие.

Эгвейн посмотрела вокруг, но никаких подсказок на то, кто кричал, не обнаружила. Казалось, все – кто терпеливо, а кто и с заметным нетерпением – лишь дожидались, когда подойдет их очередь перейти мост. Все изменилось, и отнюдь не к лучшему. Когда девушка покидала Тар Валон, любой, кто осмелился бы слово сказать против Айз Седай, мог считать, что легко отделался, если от услышавших подобные речи он сумел бы уйти всего лишь с расквашенным носом. Офицер, с лицом, пошедшим красными пятнами, оглядывал очередь.

– Слухи редко бывают правдивы, – сказала ему Верин. – Могу вас заверить, что Фалме все так же стоит на месте. И город этот совсем не в Тарабоне, гвардеец. Поменьше прислушивайтесь к сплетням и побольше – к Престолу Амерлин. Да осияет вас Свет. – Она тронула поводья и провела мимо офицера, застывшего в поклоне, свой небольшой отряд.

Мост поразил Эгвейн, подобно чуду, как это бывало с любым увидевшим мосты Тар Валона. Ажурные стены выглядели настолько замысловато, что такие узоры сделали бы честь даже искуснейшей мастерице с ее пальцами. С трудом верилось, что подобное возможно сотворить с камнем, и казалось невероятным, что мост способен устоять под тяжестью собственного веса. Под мостом, в полусотне шагов или даже ниже, неустанно катила свой могучий поток река, а изумительная арка парила над ней от берега и до острова – без единой опоры на протяжении полумили.

Но еще поразительней в своем роде оказалось для Эгвейн чувство, что мост ведет ее к дому. Дивное ощущение – и потрясающее. «Эмондов Луг – мой дом». Но именно в Тар Валоне было знание, к которому она стремилась, то знание, которое должно сохранить ей жизнь, даст ей возможность жить, возможность оставаться свободной. Только в Тар Валоне она могла выяс-

нить – должна выяснить, – почему сны так тревожат ее и почему порой они кажутся исполненными ускользающих от нее значений и смыслов. Отныне жизнь Эгвейн связана с Тар Валоном. И если когда-нибудь она вернется в Эмондов Луг – болезненное «если», но надо быть честной с собой, – если она вернется, то лишь погостить, повидать родителей. Она уже далеко ушла от той, кем некогда была, – дочери владельца местной гостиницы. Прежним узам больше нипочем ее не удержать, и не потому, что она тяготилась ими, а потому, что переросла их.

Мост был всего лишь началом. Дальний конец его арки подходил к стенам, что окружали остров; те были из ослепительно сияющего белого камня с серебристыми прожилками, и своей верхней кромкой стены с превосходством взирали на изгиб моста. Гладь стен через равные промежутки прерывали сторожевые башни из такого же белого камня, и река омывала их массивные подножия. Но за стенами и выше их возносились истинные башни Тар Валона, башни из преданий, их остроконечные шпили, желобчатые колонны и закручивающиеся спиралями переходы, соединенные тут и там воздушными мостами в доброй сотне, а то и более шагов над землей. Но и это всего лишь было начало.

Возле одетых в бронзу ворот, достаточно просторных для проезда в ряд двух десятков верховых, стражи не было, и открывались они на одну из широких улиц, пересекающих весь остров. Хотя весна едва вступила в свои права, в воздухе уже веяло ароматами цветов, благоуханий и пряностей.

При виде города Эгвейн затаила дыхание, как будто никогда не видела его прежде. На каждой площади и на каждом перекрестке бил фонтан, возвышался памятник или стояла статуя, городской вид украшали высокие, словно башни, колонны, но именно город – сам город – поражал взор. Простое по форме бывало столь щедро наделено орнаментом и резьбой, что само казалось частью еще большего украшения, и, напротив, оставшееся без особой отделки одною своей формой превращалось в шедевр. Здания, огромные и маленькие, сложенные из камня всевозможных оттенков, были похожи на раковины, или на волны, или на изваянные ветром скалы, с мягкими плавными контурами и причудливых очертаний, то ли созданные природой, то ли порожденные человеческой фантазией. Жилые дома, гостиницы и просто конюшни – даже самые незначительные здания в Тар Валоне сооружались во имя красоты. Большую часть города возвели огиры, после Разлома Мира ставшие мастерами каменных дел и потратившие на эту работу немало лет, и они называли Тар Валон своим лучшим творением.

Улицы заполняли мужчины и женщины всех народов мира, темнокожие и белолицые, с кожей едва ли не всех оттенков; они были в цветастых одеждах с яркими узорами, или же в серых одеяниях, зато украшенных бахромой, позументами и блестящими пуговицами, или же в строгих и простых облачениях. Некоторые наряды выставляли напоказ больше открытого тела, чем было, по мнению Эгвейн, пристойно, а иные вовсе ничего не оставляли открытым, кроме глаз и кончиков пальцев. Паланкины и носилки не без труда пробирались сквозь людскую толчею, едва расступавшуюся перед носильщиками, кричавшими на ходу: «Дорогу!» По улице ползли крытые кареты, и ливрейные кучера восклицали: «Хи-ийя!» и «Хо!» – будто и вправду надеялись передвигаться быстрее пешеходов. Уличные музыканты играли на флейтах, арфах и дудках, иногда аккомпанируя жонглеру или акробату, но всегда положив перед собой шапку для сбора монет. Бродячие торговцы громко славили разложенную на своих лотках всячину, а лавочники, стоя у раскрытых прилавков, зазывали покупателей, расхваливая достоинства своего товара. Гул заполнял город, подобно жизнеутверждающей песне.

Верин, пряча лицо, натянула капюшон на голову. «Похоже, в этих толпах никому до нас нет никакого дела», – подумалось Эгвейн. Даже Мэт, лежащий в носилках между лошадьми, не удостоивался повторного взгляда, хотя некоторые прохожие сторонились носилок, спеша их обойти или ускоряя шаг. В Белую Башню люди нередко приходили с больными, надеясь на Исцеление, и кто знает, от какого недуга те страдают – вдруг это что-то заразное?

Эгвейн подъехала к Верин и наклонилась к ней поближе:

– Неужели вы и сейчас ожидаете неприятностей? Ведь мы уже в городе. Почти на месте. Теперь Белая Башня была на виду, и величественное сооружение, превосходившее все прочие здания, сияло белизной, возвышаясь над крышами.

– Я всегда ожидаю неприятностей, – спокойно ответила Верин, – и тебе советую. И в Башне – больше всего. Вам всем отныне нужно быть осторожней, даже еще осторожней, чем когда-либо прежде. Ваши... выходки, – губы Айз Седай на миг поджались, но безмятежность тут же вернулась к ней, – отпугнули белоплащников, но в Башне подобное вполне может грозить для вас смертью или усмирением.

– В Башне я не стану так поступать, – запротестовала Эгвейн. – Никто из нас не станет.

К ним присоединились Илэйн и Найнив, оставив Хурина следить за лошадьми, везущими носилки. Они обе закивали – Илэйн с пылкой готовностью, Найнив же, как показалось Эгвейн, с таким видом, будто у нее было что возразить.

– Больше никогда так не делай, дитя мое. Никогда! – Верин пристально оглядела их искоса из-под края своего капюшона и покачала головой. – И я искренне надеюсь, что вы усвоили, как это глупо – болтать языком, когда нужно помалкивать. – (Лицо Илэйн стало малиновым, а у Эгвейн запылали щеки.) – Как только мы вступим на территорию Башни, лучше молчите и принимайте все, что бы ни происходило, как должное. *Что бы ни происходило!* Вам ничего не известно о том, что ждет нас в Башне, но даже если бы вы и могли себе это представить, то все равно не знаете, как с этим быть. Так что молчите.

– Я поступлю так, как вы скажете, Верин Седай, – промолвила Эгвейн, и Илэйн повторила ее обещание.

Найнив фыркнула. Айз Седай уставилась на нее, и та неохотно кивнула.

Улица выходила на огромную площадь в центре города, а посреди площади стояла Белая Башня, сверкая на солнце и возносясь так высоко над окружающими площадь дворцовыми куполами, изящными шпилями и прочими конструкциями, что казалось, будто она касается облаков. На площади было на удивление мало народа. Никто не является в Башню без приглашения или из праздного любопытства, сюда приходят не иначе как по делу, с легким беспокойством напомнила себе Эгвейн.

Как только отряд выехал на площадь, Хурин вывел лошадей с носилками вперед.

– А теперь, Верин Седай, мне придется вас покинуть. – Ловец воров всего раз окинул взором Башню, но больше на нее старался не смотреть, хотя взгляду совсем непросто было найти какой-то иной объект. Хурин пришел из страны, где уважали Айз Седай, но одно дело – уважать, и совсем другое – когда они окружают тебя со всех сторон.

– В путешествии, Хурин, ты оказал нам неоценимую помощь, – сказала ему Верин, – а путь наш был долг. В Башне найдется место, чтобы ты отдохнул перед отъездом.

Хурин решительно покачал головой:

– Я не могу терять ни дня, Верин Седай. Ни единого часа. Мне нужно вернуться в Шайнар, рассказать королю Изару и лорду Агельмару правду о том, что произошло в Фалме. Я должен рассказать им о... – Он вдруг осекся и принялся оглядываться. Никого не было рядом, кто мог бы его подслушать, но Хурин все же понизил голос и промолвил: – О Ранде. О том, что Дракон возродился. Наверняка в порту найдутся торговые суда, и я хотел бы отплыть в Шайнар на первом же, которое отправится вверх по реке.

– Что же, ступай в Свете, Хурин из Шайнара, – сказала Верин.

– Да осияет Свет всех вас, – ответил он, подбирая поводья. Еще мгновение Хурин колебался, затем добавил: – Если я вам понадобится – когда-нибудь, – пришлите весточку в Фал Дара, и я найду способ до вас добраться. – Прокашливаясь, словно бы застеснявшись, он развернул лошадь и поскакал прочь от Башни. И как-то уж очень быстро скрылся из виду.

Найнив раздраженно покачала головой:

– Мужчины! Всегда предлагают послать за ними, если понадобится, однако, когда тебе действительно кто-то из них позарез нужен, ни в жизнь его не найдешь.

– Там, куда мы сейчас направляемся, не поможет ни один мужчина, – сухо заметила Верин. – Не забывайте рот держать на замке.

С уходом Хурина Эгвейн ощутила чувство потери, хотя нюхач не часто разговаривал с кем-то из спутников, кроме Мэта, и согласилась, что Верин права. Хурин – всего лишь мужчина, беспомощный, как младенец, перед лицом всего того, что может их ждать в Башне. Тем не менее с его отъездом их отряд стал на одного человека меньше, и Эгвейн никак не удавалось отделаться от мысли, что было бы весьма кстати иметь рядом мужчину с мечом. Вдобавок Хурин был тем звеном, которое связывало их с Рандом и с Перрином. «У меня и своих забот полон рот». Ранду и Перрину придется обходиться присмотром Морейн. «А Мин, несомненно, приглядит за Рандом», – подумала Эгвейн, пытаясь погасить вспышку ревности. И это ей почти удалось.

Вздыхнув, она взяла поводья ведущей лошади из пары, что везли носилки. Мэт лежал, укутанный до подбородка; дыхание вырывалось из его груди сухим хрипом.

«Скоро, – подумала она. – Уже совсем скоро тебя Исцелят. А мы узнаем, что же нас ждет».

Как бы девушке хотелось, чтобы Верин перестала делать попытки напугать их. И совсем ей не хотелось верить, что Верин имела на то основания.

Верин повела отряд в обход Башни и направилась к небольшим боковым воротцам. У распахнутой створки стояли два стражника. Остановившись, Айз Седай сдвинула капюшон на спину и, склонившись в седле, что-то тихо сказала одному из солдат. Тот вздрогнул и удивленно посмотрел на Эгвейн и прочих спутников Верин.

– Как прикажете, Айз Седай, – коротко бросил стражник и бегом припустил к подножию Башни.

Слова его еще не отзвучали, а Верин уже двинулась через воротца, правя лошадью так, будто спешить было некуда.

Эгвейн с носилками проследовала за ней, переглядываясь с Найнив и Илэйн и гадая, что же Верин сказала стражнику.

Сразу за воротцами обнаружилась караулка, сложенная из серого камня в форме шестиконечной звезды, положенной набок. В ее дверях праздно стояли несколько стражников, они прервали разговор между собой и поклонились проезжавшей мимо Верин.

Деревья, подстриженные кусты и широкие гравийные дорожки этого участка владений Башни уподобляли его парку какого-нибудь лорда. Сквозь деревья виднелись прочие здания, сама же Башня словно нависала над всем.

Дорожка привела путников в окруженную деревьями конюшню, где их лошадей приняли подбежавшие конюхи в кожаных безрукавках. Повинуясь указаниям Айз Седай, несколько конюхов отвязали носилки и осторожно поставили их в сторонку. Когда лошадей повели в конюшню, Верин подхватила кожаный мешок, лежавший у ног Мэта, и небрежно сунула его под мышку.

Найнив, разминавшая кулаками ноющие мышцы спины, приостановилась и, нахмурившись, посмотрела на Айз Седай:

– Вы говорили, ему осталась, может быть, всего-то пара часов. И что же, вы собираетесь просто...

Верин взмахнула рукой, но пыталась ли она жестом утихомирить Найнив или просто поскользнулась на гравии и своим движением хотела удержать равновесие – Эгвейн понять не успела.

В это мгновение появилась Шириам Седай, ее сопровождали три девушки в платьях принятых – белых, с семицветной каймой по подолу, по цветам всех Айя, от Голубой до Красной.

Следом шагали двое крепких мужчин в грубых куртках работников. Наставница послушниц была немного склонна к полноте, ее также отличали высокие скулы, обычные для уроженки Салдэи. Огненно-рыжие волосы и раскосые ясные зеленые глаза придавали выразительность гладкому лицу Айз Седай. Шириам окинула безмятежным взором Эгвейн и двух других девушек, однако губы у нее были поджаты.

– Стало быть, Верин, ты привела обратно трех наших беглянок. Учитывая все случившееся, не знаю, стоило ли оно того.

– Мы не... – начала Эгвейн, однако Верин резко оборвала ее возгласом:

– Молчать! – И вперила в девушку – во всю их троицу разом – такой взгляд, как будто силою взора могла заткнуть им рот.

И, как убедилась Эгвейн, с ней самой это вполне сработало. Прежде девушка никогда не видела Верин такой рассерженной. Найнив скрестила руки под грудью и что-то пробурчала одними губами, но вслух ничего не произнесла. Три принятые позади Шириам, разумеется, хранили молчание, но Эгвейн чуть ли не наяву увидела, как они наострили уши, стараясь не пропустить ни слова.

Удостоверившись, что Эгвейн и остальные девушки останутся безмолвны, Верин повернулась к Шириам:

– Паренька нужно унести отсюда куда-нибудь подальше от всех. Он болен, опасно болен. Для других опасность столь же велика, как и для него самого.

– Мне сказали, что нужно будет нести носилки.

Шириам указала двум работникам на носилки, негромко переговорила с одним из них, и через мгновение Мэта унесли прочь.

Эгвейн открыла было рот, чтобы сказать, что помощь нужна Мэту немедленно, но, натолкнувшись на быстрый и яростный взгляд Верин, снова его закрыла. Найнив подергивала косу так сильно, что едва не отрывала от головы.

– Полагаю, – промолвила Верин, – о том, что мы вернулись, сейчас уже известно всей Башне?

– А те, кто еще не знает, узнают очень скоро, – сказала ей Шириам. – Кто приходит, кто уходит – вот что сделалось первейшей темой разговоров и сплетен, опередив в этом отношении Фалме и оставив далеко позади войну в Кайриэне. А ты рассчитывала сохранить свой приезд в тайне?

Верин обхватила кожаный мешок обеими руками:

– Мне необходимо увидеть Амерлин. Немедленно.

– А как быть с этими тремя?

Нахмурившись, Верин смерила взглядом Эгвейн и ее подруг.

– Их нужно держать отдельно от прочих, пока Амерлин не пожелает их видеть. Если пожелает, конечно. Отдельно – позаботься об этом. Думаю, отведенные им комнаты вполне подойдут. В тюремных камерах нужды нет. И никому ни слова.

Верин по-прежнему обращалась к Шириам, но Эгвейн поняла – последние слова были сказаны как напоминание ей и двум другим девушкам. Насупив брови, Найнив так резко дергала себя за косу, будто хотела ударить по чему-нибудь кулаком. Голубые глаза Илэйн были широко раскрыты, а лицо побледнело больше обычного. Эгвейн точно не знала, какие чувства ею владели – гнев ли, страх или тревога. И то, и другое, и третье – всего понемногу, решила она.

Бросив последний испытующий взгляд на трех своих бывших спутниц, Верин поспешила прочь, прижимая мешок к груди, плащ развевался у нее за спиной. Шириам уперла кулаки в бока и принялась пристально рассматривать Эгвейн и двух ее подруг. На миг Эгвейн ощутила, как напряженность чуть ослабла. Наставница послушниц всегда сохраняла невозмутимость и располагающее чувство юмора, даже когда в наказание за нарушение принятых в Башне правил

посылала виновницу на дополнительные работы по хозяйству вдобавок к ее обычным повседневным обязанностям.

Но когда Шириам заговорила, ее голос был зловещим:

– Ни единого слова, велела Верин Седай, и так тому и быть. Если кто-то из вас промолвит хоть словечко – за исключением ответов Айз Седай, разумеется, – вы у меня мечтать будете о том, чтобы отделаться лишь поркой да постоянным мытьем полов. Вы меня поняли?

– Да, Айз Седай! – ответила Эгвейн и тут же услышала, как две другие девушки говорят то же самое, хотя Найнив произнесла свои слова как вызов.

Шириам издала горлом негодующий звук, едва не зарычав, и заговорила:

– В наши дни в Башню на обучение приходит меньше девушек, чем раньше, но все же они приходят. Большинство отправляется восвояси, даже не научившись ощущать Истинный Источник, а тех, кто сумел его коснуться, намного меньше. Мало кто, перед тем как покинуть Башню, обучится настолько, чтобы не навредить самой себе. Едва ли горсточка достигнет того, чтобы подняться до звания принятой, и малая толика из них возвысится до права носить шаль. Жизнь здесь нелегка, дисциплина сурова, но каждая послушница борется за то, чтобы удержаться, добиться права на шаль и кольцо. Даже если от страха послушницы каждую ночь плачут в подушку, они все силы отдают, чтобы оставаться здесь. А вы трое, от рождения одаренные способностями большими, чем я надеялась увидеть в своей жизни, без разрешения покинули Башню, сбежали, не пройдя и половины обучения, как бестолковые детишки, шлялись невесть где несколько месяцев. И теперь заявили обратно как ни в чем не бывало, словно завтра с утра можете вновь продолжить свое обучение. – Шириам сделала столь глубокий выдох, будто иначе взорвалась бы от гнева. – Фаолайн!

Три девушки-принятые дернулись, словно их поймали за подслушиванием, и одна из них, кудрявая и темнокожая, сделала шаг вперед. Все они были молоды, но все же старше Найнив. Столь скорое получение Найнив звания принятой было событием в высшей степени исключительным. Обычно на то, чтобы послушница заслужила кольцо Великого Змея, которое носили принятые, требовалось несколько лет, и потом ей еще долгие годы приходилось ждать, прежде чем возникала надежда возвыситься до ранга полноправной Айз Седай.

– Отведи их в комнаты, – приказала Шириам, – и запри там. Им можно давать хлеб, холодный бульон и воду, и так до тех пор, пока Амерлин не распорядится по-иному. И если кто-то из них скажет хоть слово, можешь отвести ее на кухню и поручить скрести котлы. – Наставница послушниц резко развернулась и пошла прочь, даже спиной выражая гнев.

Фаолайн устремила на Эгвейн и двух других девушек взор, исполненный легкоуловимой надежды, особенно пристально оглядев Найнив, на лице которой, словно маска, застыло негодование. Круглое лицо Фаолайн не выражало никакой приязни к тем, кто столь невероятно грубым образом нарушил правила, и еще меньше к таким, как Найнив, – дичку, удостоенной кольца, даже не будучи послушницей, направлявшей Силу еще до того, как она ступила за стены Тар Валона. Когда же стало очевидно, что Найнив намерена сдерживать свой гнев, Фаолайн пожалала плечами и высказалась:

– Когда Амерлин пришлет за вами, вас, по всей вероятности, усмирят.

– Перестань, Фаолайн, – произнесла другая принятая, самая старшая из трех. У нее была медного цвета кожа, длинная шея, и двигалась она грациозно. – Я провожу тебя, – сказала она Найнив. – Зовут меня Теодрин, и я тоже дичок, как и ты. По приказу Шириам Седай я буду тебя стеречь, но изводить не стану. Пойдем.

Найнив с беспокойством глянула на Эгвейн и Илэйн, потом вздохнула и позволила Теодрин увести себя.

– Дички! – пробормотала Фаолайн. В ее устах это слово прозвучало подобно ругательству. Она перевела взгляд на Эгвейн.

Третья принятая, симпатичная молодая женщина, с розовыми щечками, выглядевшими как спелые яблочки, встала рядом с Илэйн. Если судить по приподнятым уголкам ее губ, она любила улыбаться, но строгий взгляд, которым эта принятая окинула Илэйн, говорил о том, что сейчас она никаких глупостей не потерпит.

Эгвейн возвратила Фаолайн ее взгляд, вложив в свой столько спокойствия, сколько сумела наскрести, и, как она надеялась, толику надменности и молчаливого презрения, перенятых у Илэйн.

«Красная Айя, – подумала Эгвейн. – Эта уж точно выберет Красных».

Но отрешиться от собственных бед было трудно.

«О Свет, как же они собираются с нами поступить?»

Под словом «они» Эгвейн подразумевала Айз Седай, а также Башню, а вовсе не этих принятых.

– Ну пошли! – рявкнула Фаолайн. – Мне и так придется караулить у твоей двери, не хватало еще и тут весь день простоять.

Сделав глубокий вдох, Эгвейн сжала руку Илэйн и последовала за Фаолайн.

«О Свет, пусть они Исцелят Мэта».



## Глава 12. Престол Амерлин



Суан Санчей мерила шагами свой кабинет, то и дело останавливаясь и устремляя взор голубых глаз, под которым правители, бывало, заикаться начинали, на резную шкатулку из ночь-дерева, стоявшую на длинном столе посреди комнаты. Она надеялась, что ей не придется пускать в ход ни один из сокрытых внутри изящного ящичка тщательно составленных документов. Собственноручно ею подготовленные и запечатанные втайне от всех, бумаги эти могли выручить в дюжине всевозможных ситуаций. Суан наложила на шкатулку охранное плетение, так что, если ее откроет чужая рука, содержимое тут же сгорит дотла; вероятней всего, и сам ящичек охватит пламя.

– И так обожжет вороватую птицу-рыболова, кем бы та ни была, что, надеюсь, она никогда этого не забудет, – пробормотала она.

Не осознавая того, что делает, Суан Санчей уже в сотый раз с той минуты, как ей доложили о возвращении Верин, поправила на плечах широкий палантин. Он свисал ниже талии, и семь цветных полос на нем соответствовали цветам семи Айя. Престол Амерлин принадлежит и всем Айя, и ни одной из них, и не важно, из какой именно Айя она была возвышена на свой пост.

Кабинет был изысканно украшен, ибо этой комнатой на протяжении жизни многих поколений владели женщины, носящие на своих плечах полосатый палантин. Высокий камин и широкий очаг, где сейчас не горел огонь, были искусно вырезаны из золотистого кандорского мрамора, а ромбовидные плитки, из которых состояло покрытие пола, изготовлены из полированного краснокамня, вывезенного из Гор тумана. Стены украшали панели из особой, твердой как железо, полосчатой светлой древесины, на них были вырезаны небывалые звери и птицы с невероятным оперением. Панели эти Морской народ доставил из далеких земель где-то за Айильской пустыней, и было то еще до рождения Артура Ястребиное Крыло. Раскрытые сейчас навстречу свежим запахам весенней зелени высокие арочные окна выходили на балкон, смотрящий на маленький укромный сад, для прогулок в котором хозяйке кабинета редко удавалось выкроить время.

Вся эта роскошь находилась в резком контрасте с мебелью, которой Суан Санчей обставила комнату. Единственный стол и тяжелый стул подле него являли собой простоту, лишенную всяких украшений; примечательны они казались только тем, что были хорошо отполированы временем и натерты пчелиным воском, так же как и еще один находившийся в комнате стул. Тот стоял в стороне, но достаточно близко, чтобы приставить его, если хозяйка кабинета предложит посетителю сесть. Перед столом лежал небольшой коврик тайренской работы, с вытканым из нитей синего, коричневого и золотистого цвета незамысловатым узором. Над каминной полкой висела одна-единственная картина с изображением крошечных рыбацких лодок в зарослях камышей. В кабинете стояло еще с полдюжины пюпитров, на которых лежали

раскрытые книги. Этим вся обстановка и ограничивалась. Даже лампы оказались бы более уместными в доме простого фермера.

Суан Санчей родилась в Тире, в семье бедняка, и в те годы, когда она и не мечтала даже попасть в Тар Валон, трудилась на рыбацкой лодке отца, точно такой же, как лодочки на картине, ловила рыбу в речной дельте, носящей название Пальцы Дракона. Даже те без малого десять лет, которые минули с той поры, как ее возвели на престол, не приохотили Суан к излишествам роскоши. В спальне у нее сохранялось еще более скромное убранство.

«Десять лет я ношу палантин, – подумала Суан Санчей. – И почти двадцать лет прошло с того дня, как я решила выйти в эти опасные воды. И если сейчас я поскользнусь, то пожалею о том, что не осталась тянуть сети».

Она повернулась на звук. В комнату проскользнула другая Айз Седай – меднокожая женщина с темными, коротко стриженными волосами. Суан вовремя овладела собой, чтобы, не повышая голоса, сказать лишь то, чего от нее ожидали:

– Да, Лиане?

Хранительница летописей склонилась в таком низком поклоне, как будто к подобному почтению ее обязывало присутствие посторонних. Высокая Айз Седай, не уступавшая ростом большинству мужчин, в Белой Башне она была второй после Амерлин во власти, и хотя Суан знала ее еще с тех дней, когда обе они были послушницами, порой Лиане так настойчиво отстаивала достоинство Престола Амерлин, что Суан хотелось кричать.

– Мать, Верин здесь и просит позволения поговорить с вами. Я сказала ей, что вы заняты, но она спрашивает...

– Не так уж я занята, чтобы не поговорить с ней, – сказала Суан. Она сообразила, что откликнулась слишком поспешно, но ей было все равно. – Впусти ее. Тебе же, Лиане, оставаться нет необходимости. Я побеседую с ней наедине.

Одни лишь дрогнувшие брови выдали удивление хранительницы. Амерлин почти всегда принимала посетителей в присутствии хранительницы летописей; крайне редко кто-то, даже королева, удостоивался беседы с глазу на глаз. Но Амерлин есть Амерлин. Лиане с поклоном удалилась, и через минуту вместо нее появилась Верин, которая, опустившись на колени, поцеловала кольцо Великого Змея на пальце Суан. Под мышкой Коричневая сестра держала кожаный мешок изрядного размера.

– Благодарю, что приняли меня, мать, – промолвила Верин, поднявшись на ноги. – У меня крайне срочные и важные известия из Фалме. И не только. Даже не знаю, с чего начать.

– Начни с чего хочешь, – сказала Суан. – Эти покои защищены малым стражем, на случай если кому-то взбредет в голову подслушивать с помощью каких-нибудь детских уловок. – Брови Верин удивленно приподнялись, и Амерлин добавила: – Пока тебя не было, многое изменилось. Говори.

– Тогда – самое главное. Ранд ал’Тор провозгласил себя Драконом Возрожденным.

Суан почувствовала, как с груди ее спала тяжесть.

– Я надеялась, что это он, – тихо промолвила она. – В полученных мной сообщениях женщины лишь пересказывали сплетни, а лодки и фургоны торговцев привозили слухи дюжинами, так что я ни в чем не могла быть уверена. – Она глубоко вздохнула. – Впрочем, думаю, я могу назвать день, когда это случилось. Известно ли тебе, что два Лжедракона более не тревожат мир?

– Не слышала об этом, мать. Это хорошие вести.

– Да. Мазрим Таим находится в руках наших сестер в Салдэе, а тот бедолага в Хаддонском Сумрачье, да сжалится Свет над его душой, был схвачен тайренцами и казнен на месте. Никто, похоже, даже не знает, как его звали. Оба были захвачены в один день и, судя по слухам, при одних и тех же обстоятельствах. Они сражались и уже одерживали победу, как вдруг по всему небу ярко полыхнуло и всего на мгновение явилось видение. Есть дюжины различных

версий того, что было явлено, но в обоих случаях итог был одинаковым. Лошадь Лжедракона встает на дыбы и сбрасывает его. От удара он теряет сознание, а его последователи с криками о его гибели бегут с поля боя, и Лжедракон попадает в плен. В некоторых донесениях мне сообщили о видениях в небе над Фалме. Держу пари на золотую марку к недельному окуню из дельты, именно в этот самый миг Ранд ал'Тор и провозгласил себя.

– Истинный Дракон возродился, – произнесла Верин, будто самой себе, – и потому Узор не оставляет места для Лжедраконов. Мы выпустили в мир Дракона Возрожденного. Да смилостивится над нами Свет.

Амерлин раздраженно покачала головой:

– Мы сделали то, что следовало исполнить.

«Но стоит прознать об этом хотя бы распоследней послушнице, солнце еще не успеет взойти, как меня усмирят, если только не разорвут раньше на мелкие кусочки. Меня, и Морейн, и Верин, а заодно, наверное, и любую, кого заподозрят в дружбе с нами».

Нелегко было осуществлять настолько масштабный заговор, когда в тайну посвящены лишь три женщины и когда даже близкий друг выдал бы их и счел, что честно исполнил свой долг.

«О Свет, хотелось бы мне верить, что, поступив так, они оказались бы не правы».

– По крайней мере, он в надежных руках. Рядом с Морейн ему ничто не грозит. Она будет направлять его и исполнит все, что должно быть сделано. О чем еще ты хотела мне рассказать, дочь моя? – спросила Суан.

Вместо ответа Верин поместила на стол кожаный мешок и вынула из него витой золотой рог с инкрустированной серебром надписью на сияющем раструбе. Положив рог на стол, она перевела исполненный спокойного ожидания взгляд на Амерлин.

Суан незачем было подходить поближе, чтобы прочитать надпись. Она и так знала, о чем гласит серебряная вязь. *Тиа ми авен Моридин исайнде вадин.* «Могила не преграда для зова моего».

– Рог Валир? – выдохнула она. – И ты везла его всю дорогу досюда, сотни лиг, в то время как охотники повсюду ищут его? О Свет, женщина, его нужно было оставить Ранду ал'Тору.

– Я знаю, мать, – спокойно сказала Верин, – но вряд ли охотники предполагают, что Рог можно отыскать не в каком-нибудь великом приключении, а в мешке у четырех женщин, сопровождающих больного юношу. И для Ранда Рог бесполезен.

– Что ты имеешь в виду? Ранд же должен сразиться в Тармон Гай'дон. А Рогу предстоит призвать из могил павших героев, чтобы те сражались в Последней битве. Неужели Морейн опять измыслила какой-то новый план, со мной не посоветовавшись?

– Морейн тут ни при чем, мать. Мы строим планы, но Колесо плетет Узор так, как оно того желает. Не Ранд первым протрубил в Рог. Это сделал Мэтрим Коутон. А сейчас Мэт лежит внизу, в Башне, и умирает, потому что угодил в тенета кинжала из Шадар Логота. Он умрет, если здесь его не удастся Исцелить.

Суан содрогнулась. Шадар Логот, мертвый город, настолько пораженный порчей, что даже троллоки страшились туда заходить, и им было чего бояться. По воле случая кинжал из этого ужасного места попал в руки юного Мэта, извращая его и поражая злом, которое давным-давно погубило весь город. Убивая его. «По воле случая? Или по воле Узора? В конце концов, он ведь тоже та'верен. Но... Именно Мэт протрубил в Рог». А значит...

– Покуда Мэт жив, – продолжала Верин, – для любого другого Рог Валир – обыкновенный рог, не более. Если же Мэт умрет, тогда, разумеется, кто-то другой сможет протрубить в него и тем самым создать новое связующее звено между человеком и Рогом.

Взгляд Верин оставался совершенно бесстрастным, и ее как будто ничуть не взволновало и не обеспокоило то, на что она, судя по всему, намекала.

– Погибнут еще многие, дочь моя, прежде чем дело будет сделано. – «Но кому же еще могу я поручить вострубить в него снова? Нет, сейчас я не стану рисковать и попытаюсь возвратить Рог Морейн. Вероятно, кому-то из Гайдинов. Возможно...» – Узор пока еще не определил его судьбу.

– Да, мать. Так как быть с Рогом?

– Пока что, – решила наконец Амерлин, – мы подыщем какое-нибудь местечко, где его можно спрятать и о котором никто, кроме нас с тобой, знать не будет. А я обдумаю, что делать дальше.

Верин кивнула.

– Как скажете, мать. Конечно, через несколько часов вообще не придется делать выбор.

– Это все, что у тебя было ко мне? – отрезала Суан. – Если так, то мне еще надо разобратся с теми тремя беглянками.

– Мать, тут замешаны шончан.

– А что такое с ними? Если верить полученным мною сообщениям и докладам, они бежали обратно за океан, или откуда они там явились.

– Похоже что так, мать. Но боюсь, нам вновь придется иметь с ними дело. – Из-за пояса Верин достала маленькую записную книжицу в кожаном переплете и принялась ее листать. – О себе они говорили как о Предвестниках, или как о Тех-Кто-Приходит-Раньше, еще они толковали о Возвращении и о том, что снова вернут себе эту землю. Я записывала все, что о них слышала. Но разумеется, только свидетельства тех, кто действительно видел пришельцев или имел с ними какие-то отношения.

– Верин, ты беспокоишься о рыбе-льве где-то там, в Море штормов, в то время как здесь и сейчас щука-серебрянка своими зубами кромсает наши сети в клочья.

Коричневая сестра продолжала листать страницы.

– Уместная метафора, мать, про рыбу-льва. Однажды я видела большую акулу, которую рыба-лев загнала на отмель. Там акула и подохла. – Верин постучала пальцем по одной из страничек. – Да. Вот самое худшее. Мать, шончан прибегают к Единой Силе в сражениях. Они используют ее в качестве оружия.

Суан крепко прижала руки к талии. Принесенные голубями сообщения утверждали то же самое. Большинство передавало вести, полученные из вторых рук, но несколько женщин писали о том, что видели собственными глазами. Сила, используемая в качестве оружия. Даже высохшие на бумаге чернила передавали то потрясение, граничащее чуть ли не с истерикой, что владела писавшими.

– Это уже создает проблемы, Верин, а когда истории разойдутся, неприятностей возникнет еще больше, и по мере расползания слухов вред будет лишь расти. Но я ничего не могу с этим поделать. Мне сказали, что эти люди ушли, дочь моя. У тебя есть доказательства иного?

– Ну, в общем-то, нет, мать, но...

– А пока их у тебя нет, давай займемся щукой-серебрянкой – ее надо вытащить из наших сетей, пока она не принялась прогрызать дыры еще и в нашей лодке.

Верин неохотно закрыла записную книжку и упрятала ее обратно за пояс.

– Как скажете, мать, – промолвила она. – Могу ли спросить, как вы намерены поступить с Найнив и двумя другими девушками?

Амерлин помолчала, погрузившись в размышления. Потом сказала:

– Я с ними не начну еще разбираться, а им уже захочется спуститься на берег реки и продать себя на наживку для рыб. – То была чистая правда, но толковать ее слова можно было по-разному. – А теперь сядь и расскажи мне обо всем, что эти трое сказали и сделали за то время, что провели с тобой. Абсолютно обо всем.

## Глава 13. Наказания



Лежа на узкой кровати, Эгвейн хмуро созерцала мерцающие тени, отбрасываемые на потолок светом одинокой лампы. Она силилась придумать какой-нибудь план действий или разгадать, что же их ждет впереди. Ничего не выходило. В тенях на потолке было больше порядка и ясности, чем у нее в мыслях. Даже о состоянии Мэта Эгвейн едва могла заставить себя беспокоиться, но и стыд, который девушка из-за этого испытывала, был незначительным, словно сдавленный стенами, что ее окружали.

Уюта в маленькой квадратной комнатухе с белеными стенами не было ни на грош, как не было и окон, однако в этом отношении она ничем не отличалась от прочих келий, отведенных в этой части Башни для послушниц. В одной стене торчали деревянные колышки, на которые вешали одежду или иные пожитки, к другой была пристроена кровать, на третьей имелась крошечная полочка, где некогда Эгвейн хранила несколько книг, позаимствованных в библиотеке Башни. Обстановку довершали умывальник и трехногий табурет. Половицы были почти добела выскоблены. Эту повинность, вдобавок к учебе и к прочим работам по хозяйству, девушка, ползая на четвереньках, исполняла каждый прожитый здесь день. Послушницы, будь то дочь владельца гостиницы или же дочь-наследница Андора, жили крайне скромно.

Эгвейн вновь носила простое белое платье послушницы – даже пояс и сумка-кошелек на нем были белого цвета, – но радости по поводу избавления от ненавистного серого не испытывала. В ее комнате слишком многое наводило на мысль о тюремной камере.

«А если они намерены впредь держать меня тут? В этой комнате. Как в камере. Точно в ошейнике и...»

Она глянула на дверь – за которой наверняка по-прежнему караулит темнокожая принятая – и перекатилась поближе к белой оштукатуренной стене. Когда-то давно послушницы проделали маленькое сквозное отверстие, выходящее в соседнюю комнатку. Оно находилось чуть выше матраса и было почти неразличимо, если не знать, где его искать. Эгвейн понизила голос до шепота:

– Илэйн? – (Ответа не было.) – Илэйн? Ты спишь?

– Как я могу спать? – откликнулась Илэйн через потайное отверстие гнусавым шепотом. – Я понимала, что кое-каких неприятностей нам не избежать, но такого не ожидала. Эгвейн, как они собираются с нами поступить?

У подружки ответа на этот вопрос не было, а ее догадки были не того рода, чтобы Эгвейн желала говорить о них вслух. Ей даже думать о таком не хотелось.

– Вообще говоря, Илэйн, я думала, что нас могут встретить как героев. Мы благополучно возвратили Рог Валир. Мы раскрыли, что Лиандрин – из Черной Айя.

Она осеклась на этих словах. Существование Черной Айя – Айя, которая служит Темному, – Айз Седай всегда отрицали и, как известно, готовы были обрушить свой гнев на любого,

кто допускал такую возможность. «Но мы-то знаем, что она не выдумки и действительно существует».

– Нам должны были воздать почести, – сказала она.

– «Могли бы» да «должны» не построят нам мосты, – отозвалась Илэйн. – Свет свидетель, как же я ненавидела это присловье, когда матушка мне его повторяла, но с правдой не поспоришь. Верин велела нам не говорить ни о Роге, ни о Лиандрин ни с кем, кроме нее или Престола Амерлин. Не представляю, будто что-то из этого сработает так, как мы думали. Это несправедливо. Мы через столько прошли; и тебе столько пришлось перенести. Это просто несправедливо.

– Верин велит. Морейн указывает. Понимаю, почему люди считают Айз Седай кукловодами. Я почти чувствую веревочки у себя на руках и ногах. Как бы они ни поступили, это будет, по их убеждению, на благо Белой Башни, а вовсе не так, как для нас лучше или справедливо.

– Но ведь ты по-прежнему хочешь стать Айз Седай?

Эгвейн помедлила, хотя на самом деле нисколько не сомневалась в своем ответе.

– Да, – произнесла она. – По-прежнему хочу. Это единственный способ защитить себя. Но вот что я тебе скажу. Усмирить себя я не позволю.

Эта новая для нее мысль сорвалась с губ девушки в тот же миг, как явилась, однако Эгвейн поняла, что не хочет отречься от сказанных слов. «Отказаться от прикосновения к Истинному Источнику?» Даже сейчас девушка ощущала его сияние у себя за плечом, свет на самой границе поля зрения. Она подавила желание потянуться к нему. «Утратить способность наполнять себя Единой Силой, чувствовать себя более живой, чем когда-либо прежде? Не желаю!» И Эгвейн твердо промолвила:

– Без боя я не сдамся.

По другую сторону стены надолго воцарилось молчание.

– А как не допустить этого? Сейчас ты, может, и не слабее любой из них, но ни одна из нас не знает достаточно, чтобы помешать даже одной Айз Седай отрезать нас щитом от Источника, а ведь их тут – дюжины.

Эгвейн поразмыслила. В конце концов она сказала:

– Я могла бы убежать. И на этот раз по-настоящему.

– Они станут нас искать, Эгвейн. Наверняка в погоню отправятся. Стоит раз проявить свои способности, и они тебя не выпустят, пока ты не выучишься настолько, чтобы не убить себя. Или не умрешь, стараясь обучиться.

– Я больше не деревенская простушка. Кое-что повидала в мире. Коли захочу, так сумею избежать рук Айз Седай. – Эгвейн пыталась убедить не только Илэйн, но и себя тоже.

«А если я знаю пока еще не так много? Не так много о мире, не так много о Силе? Что, если я, пытаюсь направить Силу, все же могу погибнуть?»

Она постаралась не думать об этом.

«Мне столько еще предстоит узнать. Я не позволю им остановить меня».

– Моя матушка могла бы защитить нас, – заметила Илэйн, – если сказанное тем бело-плащником – правда. Никогда бы не подумала, что буду питать надежду на подобную правду. Но коли не так, матушка с тем же успехом может отправить нас обеих обратно в цепях. Научишь меня жизни в деревне?

Эгвейн ошарашенно уставилась на стену:

– Ты пойдешь со мной? Ну то есть если до такого дойдет?

Вновь повисло долгое молчание, затем раздался тихий шепот:

– Я не хочу, чтобы меня усмирили, Эгвейн. Этому не бывать. Не бывать!

Дверь распахнулась, с грохотом ударившись о стену, и Эгвейн, вздрогнув, села. Она услышала, как по другую сторону стены тоже громко стукнула дверь. В комнатку Эгвейн шагнула

Фаолайн, с улыбочкой направив взгляд прямо на ту крохотную дырочку. Подобные отверстия соединяли кельи многих послушниц; о них знала любая бывшая послушницей женщина.

– Шепчешься с подружкой? – с удивительной теплотой в голосе поинтересовалась курчаваая принятая. – Что ж, когда томишься наедине с собой, становится одиноко. И как, славно поболтали?

Эгвейн открыла было рот, но тут же поспешила его закрыть. Шириам сказала, что она может отвечать Айз Седай. И никому больше. С невозмутимым выражением Эгвейн взидала на принятую и ждала.

Маска сочувствия соскользнула с лица Фаолайн, подобно воде, стекающей с крыши.

– Встать! Амерлин не пристало ждать таких, как ты. Тебе еще повезло, что я не застала тебя за болтовней. Шевелись!

Послушницам в подчинении принятым полагалось выказывать почти такую же резвость, как и при исполнении указаний Айз Седай, однако Эгвейн совсем не торопясь встала с кровати и столь долго оправляла платье, сколько хватало храбрости. Она оделила Фаолайн маленьким реверансом и едва заметной улыбкой. При виде злобной гримасы, прокатившейся по лицу принятой, Эгвейн заулыбалась шире, однако девушка вовремя вспомнила о необходимой сдержанности; нет никакого смысла доводить Фаолайн до крайности. Выпрямившись во весь рост и делая вид, что колени у нее не дрожат, Эгвейн вышла из комнатки, опередив при этом принятую.

Снаружи вместе с розовощекой принятой уже ждала Илэйн, казавшаяся исполненной яростной решимости не терять отваги. Каким-то образом ей удалось создать впечатление, что принятая является ее служанкой, несущей перчатки. Эгвейн надеялась, что сама она держится хоть вполтину так же хорошо.

В отведенной послушницам части Башни галереи, огражденные перилами, поднимались вверх ярус за ярусом, образуя пустотелую колонну, и столько же уходило вниз, ко Двору послушниц. Других женщин нигде не было видно. Впрочем, даже если бы здесь собрались все послушницы Башни, занятыми оказалось менее четверти комнат. Четыре девушки молча проходили пустыми галереями и спускались по спиральным пандусам; никто бы из них не вынес отзвука голосов, который лишь подчеркнул бы царившую тут пустоту.

Прежде Эгвейн никогда не бывала в той части Башни, где располагались покои Амерлин. По широким коридорам здесь мог с легкостью проехать фургон, а в высоту они были больше, чем в ширину. На стенах висели красочные гобелены, вытканые в десятках стилей – цветочные натюрморты и лесные пейзажи, деяния героев и замысловатые узоры, – некоторые из них были так стары, что казалось: прикоснись к ним – и они рассыплются. Туфли идущих женщин громко цокали по ромбовидным плиткам пола, своей расцветкой повторяющей цвета семи Айя.

На их пути стали встречаться другие женщины – тут и там величественно вышагивали Айз Седай, которым недосуг обращать внимание на проходящих мимо принятых или послушниц; пять или шесть принятых с важным видом торопились по своим делам или на занятия; немногочисленные служанки поспешали куда-то с подносами и швабрами либо же несли стопки простыней и полотенец; еще быстрее служанок пронеслись – очевидно, с какими-то поручениями – несколько послушниц.

К ним присоединилась Найнив со своей тонкошейей сопровождающей, Теодрин. Никто не проронил ни слова. Найнив теперь была в платье принятой, белом с семью цветными полосами по подолу, но пояс и сумка у нее остались собственные. Она ободряюще улыбнулась Эгвейн и Илэйн и обняла их – Эгвейн так обрадовалась при виде еще одного дружеского лица, что обняла ее в ответ, лишь мельком подумав, что Найнив ведет себя так, будто утешает детей, – и все же, когда они продолжили путь, Найнив время от времени резко подергивала свою толстую косу.

В эту часть Башни заходили очень немногие мужчины, и Эгвейн заметила лишь двоих: занятые беседой Стражи прошагали мимо бок о бок, у одного из них меч висел у бедра, у другого – за спиной. Первый был невысок и строен, даже, пожалуй, худощав, другой почти столь же широкоплеч, как и высок, тем не менее оба они двигались с грозной грацией. Меняющие цвет плащи Стражей не позволяли удержать на них взгляд, вызывая головокружение, и порой казалось, что края этих плащей сливаются с камнем стен. Эгвейн заметила, как смотрит на Стражей Найнив, и покачала головой. «Ей нужно что-то делать с Ланом. Если после сегодняшнего хоть кто-то из нас вообще будет в состоянии что-то делать».

Приемная перед кабинетом Престола Амерлин не уступала великолепиям любым дворцовым покоем, хотя стулья, расставленные для тех, кто мог ожидать аудиенции, были просты. Эгвейн не отрывала глаз от Лиане Седай. Хранительница летописей носила положенный ей узкий палантин, он был голубой, и это свидетельствовало о том, что, до того как занять свой высокий пост, она принадлежала к Голубой Айя. Лицо Лиане казалось высеченным из гладкого коричневатого камня. В приемной больше никого не было.

– Много ли они доставили неприятностей? – Рубленая манера речи хранительницы не давала даже намек ни на гнев, ни на сочувствие.

– Нет, Айз Седай, – в один голос ответили Теодрин и розовощекая принятая.

– Эту пришлось тащить за шиворот, Айз Седай, – сказала Фаолайн, указывая на Эгвейн. В голосе принятой звучало негодование. – Она артачится, точно запамятовала, что такое дисциплина в Белой Башне.

– Руководить, – заметила Лиане, – не значит толкать или тащить. Ступай, Фаолайн, к Маррис Седай и испроси у нее позволение поразмыслить над сказанным, пока будешь разравнивать граблями дорожки в Весеннем садике. – Жестом она велела Фаолайн и прочим двум принятым удалиться, и те присели в глубоком реверансе, а Фаолайн бросила на Эгвейн взгляд, сверкавший яростью, которая явно исходила из самой глубины ее души.

На ухивших принятых хранительница летописей даже не посмотрела. Вместо этого она внимательно разглядывала оставшихся в приемной девушек, постукивая по губам указательным пальцем, пока у Эгвейн не зародилось чувство, будто их троих обмерили с точностью до дюйма и взвесили с точностью до унции. В глазах Найнив засверкали опасные искорки, и она крепко вцепилась в косу.

В конце концов Лиане указала рукой на ведущие в кабинет Амерлин двери из темного дерева. На каждой створке кусал себя за хвост Великий Змей, размером с шаг в поперечнике.

– Входите, – распорядилась хранительница летописей.

Найнив быстро шагнула вперед и открыла одну из створок. Следом двинулась и Эгвейн. Илэйн крепко держала девушку за руку, и та в ответ так же сильно сжала ладонь подружки. За молодыми женщинами порог кабинета переступила и Лиане, она, пройдя дальше, отошла в сторону и заняла место сбоку, между тремя девушками и столом в центре комнаты.

Амерлин сидела за столом, просматривая бумаги, и на вошедших даже не взглянула. Найнив открыла было рот, но хранительница летописей бросила на нее пронзительный взор, и молодая женщина прикусила язык. Все трое стояли в ряд перед столом Амерлин и ждали. Эгвейн старалась не переминаться с ноги на ногу. Прошли долгие минуты – показавшиеся часами, – прежде чем Амерлин подняла голову, но, когда эти голубые глаза пристально оглядели каждую из девушек по очереди, Эгвейн решила, что могла бы подождать и подольше. Взгляд Амерлин был как две сосульки, вонзающиеся в сердце. В комнате было прохладно, но по спине Эгвейн пробежала струйка пота.

– Итак! – заговорила наконец Амерлин. – Наши беглянки вернулись.

– Мы не убегали, мать. – Со всей очевидностью, Найнив заставляла себя сохранять спокойствие, но голос ее дрожал от сдерживаемого чувства. То был гнев, Эгвейн это знала. Силь-



ная воля Найнив слишком часто сопровождалась гневом. – Лиандрин сказала нам, чтобы мы отправились с нею, и...

Амерлин громко стукнула по столу ладонью, прерывая речь Найнив.

– Не смей упоминать здесь имя Лиандрин, дитя мое! – рявкнула она.

Лиане наблюдала за происходящим со строгим спокойствием.

– Мать, Лиандрин – из Черной Айя, – не сдержалась Илэйн.

– Это известно, дитя мое. По меньшей мере заподозрена в том и, в сущности, уличена.

Несколько месяцев тому назад Лиандрин покинула Башню, и вместе с ней ушли еще двенадцать других... *женщин*. С тех пор ни одну не видели. Перед своим исчезновением они предприняли попытку вломиться в кладовую, где хранятся ангриалы и *са'ангриалы*, и сумели проникнуть туда, где содержатся меньшие *тер'ангриалы*. Часть этих *тер'ангриалов* они похитили, в том числе несколько таких, назначение которых нам неизвестно.

Найнив подняла на Амерлин полный ужаса взгляд, а Илэйн вдруг принялась растирать руки, словно они замерзли. Эгвейн чувствовала, что тоже дрожит. Много раз она представляла себе, как вернется, смело предстанет перед Лиандрин и бросит ей в лицо обвинения, а потом увидит, как ее приговаривают к какому-нибудь наказанию, – правда, Эгвейн так и не удалось представить себе наказание, страшное настолько, чтобы оно смогло искупить преступления этой гадины с кукольным личиком. Она даже рисовала в своем воображении, как, вернувшись, обнаружит, что Лиандрин уже сбежала – разумеется, в ужасе от возвращения Эгвейн. Но никогда она даже помыслить не могла ничего подобного. Если Лиандрин и другие – Эгвейн до жути не хотелось верить, что были и другие, – украли эти предметы, дошедшие из Эпохи легенд, никто не возьмется сказать, какое применение им будет найдено и какое зло с их помощью будет совершено. «Благодарение Свету, что *са'ангриалы* они не заполучили», – подумала девушка. Содеянное и без того было ужасно.

*Са'ангриалы*, подобно *ангриалам*, позволяли Айз Седай направлять больше Силы, чем то ее количество, с которым женщина могла самостоятельно управиться без ущерба для себя, но они были гораздо мощнее *ангриалов* и попадались редко. *Тер'ангриалы* представляли собой нечто иное. Они встречались в большем количестве, чем *ангриалы* или *са'ангриалы*, хотя все же не на каждом шагу, и они использовали Единую Силу, а не помогали ее направлять, и никто по-настоящему не понимал, как они действуют. Многие *тер'ангриалы* стали бы работать лишь у тех, кто обладает способностью направлять, требуя подлинного обращения к Силе, в то время как другие *тер'ангриалы* действовали у всех. Кроме того, все *ангриалы* и *са'ангриалы*, о которых Эгвейн когда-либо слышала, были невелики, а *тер'ангриалы*, по-видимому, могли быть любого размера. Каждый из них, похоже, создавался предшественниками нынешних Айз Седай, теми, кто жил три тысячи лет назад, с определенной целью, для выполнения отдельной задачи; и с тех пор немало Айз Седай погибло, пытаясь выяснить их предназначение; женщины погибали или же как будто выгорали изнутри, утрачивая способность направлять Силу. В Коричневой Айя были сестры, которые всю свою жизнь посвящали изучению *тер'ангриалов*.

Некоторые *тер'ангриалы* вошли в употребление, причем использовались, скорее всего, вовсе не для тех целей, для каких были созданы. *Тер'ангриалом* являлся тот прочный белый жезл, что держали в руках принятые, давая Три Клятвы при посвящении в Айз Седай; он крепко-накрепко связывал женщину обетами, и те словно становились ее неотъемлемой частью, запечатлеваясь в самой плоти и крови. Еще одним *тер'ангриалом* была арочная конструкция, где послушница проходила последнее испытание при возвышении в ранг принятой. Существовали и другие, в том числе многие, которые никто не мог заставить работать, и еще многие, не имеющие, как казалось, никакого практического применения.

«Почему они взяли именно эти предметы? Ведь никто не знает, как ими пользоваться, – задумалась Эгвейн. – Или Черная Айя *знает*?»

При мысли о подобной возможности у нее скрутило желудок. Такой кошмар может оказаться ничуть не лучше са'ангриала в руках приспешника Темного.

– Кража, – продолжала Амерлин тоном столь же холодным, как и ее глаза, – была наименьшим из содеянного ими. Той ночью умерли три сестры, а также два Стража, семь гвардейцев и девять слуг. Убийства, совершенные с целью сокрыть воровство и побег. Все это можно и не считать доказательством их принадлежности к... *Черной Айя*, – она будто выплюнула эти слова, – но и такую возможность я исключить не могу. Когда в воде кровь и плавают рыбы головы, нет нужды видеть щук-серебрянок, чтобы знать, что они там есть.

– Почему тогда с нами обращаются как с преступницами? – требовательным тоном спросила Найнив. – Нас обманула женщина из... из *Черной Айя*. Одного этого достаточно, чтобы оправдать все наши промахи.

Амерлин рассмеялась невеселым лающим смехом:

– Ты так думаешь, дитя мое? Правда? Ваше спасение, возможно, в том, что никто в Башне, за исключением Верин, Лиане и меня, даже не подозревает, что вы хоть как-то связаны с Лиандрин. Если бы об этом стало известно, не говоря уже о том маленьком представлении, что вы устроили для белоплащников... Не надо смотреть с таким удивлением: Верин мне все рассказала. Так вот, если бы стало известно, что вы ушли с Лиандрин, Совет Башни вполне мог бы проголосовать за усмирение – всех троих, вы бы и дух перевести не успели.

– Это нечестно! – воскликнула Найнив. Лиане встрепенулась, но Найнив не остановилась. – Это неправильно! Это...

Амерлин встала. Одного этого хватило, чтобы Найнив сразу умолкла.

Эгвейн подумала, что повела себя мудро, храня молчание. Она всегда верила, что Найнив настолько сильная и волевая, сколь это вообще возможно. Верила, пока не встретила женщину, носящую полосатый палантин.

«Прошу тебя, Найнив, обуздай свой нрав. Мы здесь все равно что дети, сущие младенцы пред очами матери, но эта мать может нам устроить кое-что и поужаснее порки».

В словах Амерлин Эгвейн виделся выход из сложившегося положения, но девушка не была уверена, какой именно.

– Мать, прошу прощения, что заговорила первой, но как вы намерены поступить с нами?

– Как я поступлю с вами, дитя мое? Я собираюсь наказать тебя и Илэйн за самовольный уход из Башни, а Найнив – за выезд из города без разрешения. Во-первых, каждую из вас вызовут в кабинет Шириам Седай, где она, согласно моему указанию, выпорот вас так, чтобы всю следующую неделю вы мечтали о подушке под зад. Я уже распорядилась, чтобы о моем решении объявили и послушникам, и принятым.

Эгвейн изумленно заморгала. Илэйн издала довольно громкое хрюканье, гордо выпрямила враз одеревеневшую спину и что-то пробормотала себе под нос. Найнив оказалась единственной, кто, по-видимому, восприняла слова Амерлин без потрясения. Наказание, будь то дополнительные работы или нечто иное, всегда оставалось между наставницей послушниц и теми, кого вызывали в ее кабинет. Как правило, к ней отправляли послушниц, но порой она подвергала наказаниям и принятым, слишком далеко зашедших за грань дозволенного.

«Шириам всегда хранит тайну о том, что происходило между нею и тобой, – мрачно размышляла Эгвейн. – Она не станет рассказывать об этом всем и каждому. Но лучше уж так, чем тюремная камера. И куда лучше, чем усмирение».

– Разумеется, подобное объявление само по себе является частью наказания, – продолжала Амерлин, как будто прочитав мысли Эгвейн. – Я также распорядилась довести до всеобщего сведения, что вы, все трое, назначаетесь на кухню, работать вместе с судомойками – впредь до моего следующего распоряжения. И я также позволила распространить слух о том, будто «следующего распоряжения» вы вполне можете ждать до конца жизни. Есть ли у вас какие-то возражения?

– Нет, мать, – поспешила ответить Эгвейн.

Найнив больше всего возненавидит выскабливать котлы. «Найнив, все могло обернуться гораздо хуже. О Свет, насколько хуже все могло бы быть!»

Ноздри у Найнив яростно раздувались, но она коротко покачала головой.

– А ты что скажешь, Илэйн? – спросила Амерлин. – Дочь-наследница Андора привыкла к более нежному обхождению.

– Я хочу стать Айз Седай, мать, – твердо заявила Илэйн.

Амерлин тронула бумагу на столе перед ней и, как показалось, с минуту ее рассматривала. Когда же она подняла голову, то улыбка на ее лице была не из приятных.

– Окажись кто-то из вас настолько глупа, чтобы ответить по-другому, мне пришлось бы еще кое-что добавить на ваш счет, что заставило бы вас навек предать проклятию своих матерей, позволивших вашим отцам добиться от них первого поцелуя. Позволить, чтобы вас выудили из Башни, как безмозглых детишек! В эту западню даже младенец никогда бы не попал. Либо я научу вас сначала думать, а потом действовать, либо буду заделывать вами щели в воротах шлюза!

Эгвейн вдруг поймала себя на том, что возносит безмолвные благодарности. По коже у нее пробежали мурашки, когда Амерлин продолжила:

– Теперь о том, как еще я намерена с вами поступить. По-видимому, с тех пор, как вы покинули Башню, все вы значительно развили свои способности направлять Силу. Многому научились. В частности, и такому, – жестко добавила она, – чему, будь у меня такая возможность, вам вообще не нужно было обучаться!

Тут вдруг, к удивлению Эгвейн, заговорила Найнив:

– Я знаю, мать, мы совершали... такое... чего нам вовсе не следовало. Заверяю вас: мы сделаем все от нас зависящее, чтобы жить так, будто мы уже приняли Три Клятвы.

Амерлин хмыкнула.

– Остается надеяться, – сухо сказала она. – Будь моя воля, я сегодня же вечером вложила бы вам в руки Клятвенный жезл, но, поскольку он предназначен для церемонии возвышения в Айз Седай, я вынуждена положиться на то, что собственный здравый смысл – если он у вас имеется – убережет вас от бед. Как бы то ни было, ты, Эгвейн, и ты, Илэйн, должны быть посвящены в принятые.

Илэйн охнула, а ошеломленная Эгвейн, заикаясь, пробормотала:

– Благодарю вас, мать.

Лиане переступила с ноги на ногу. Эгвейн показалось, что хранительница летописей не очень довольна. Удивлена та не была – очевидно, знала, к чему все идет, – но и радости решение Амерлин ей не доставило.

– Не благодарите меня. Ваши способности завели вас слишком далеко, чтобы вы оставались послушницами. Некоторые сочтут, что раз вы столько натворили, то и кольца давать вам не следует, но картина того, как вы по локоть в грязных горшках ковыряетесь, наверняка притушит возражения. А чтобы *вы* не начали думать, будто это какое-то вознаграждение, запомните, что в первые несколько недель новым принятым обычно поручают выбирать подтухлую рыбу из корзин со свежим уловом. Худший из дней, прожитый вами в послушницах, покажется заветной мечтой по сравнению с простейшим из уроков, предстоящим вам в ближайшие недели. Подозреваю, что кое-кто из сестер-наставниц подвергнет вас испытаниям посуровее, чем полагается, но я не верю, что вы будете жаловаться. Ведь не будете?

«Я смогу продолжить обучение, – подумала Эгвейн. – Сама буду выбирать предмет занятий. Я смогу изучать сны, узнаю, каким образом...»

Поток ее мыслей был прерван улыбкой Амерлин. Эта улыбка говорила: сестры не сделают с девушками ничего жуткого, и хуже, чем положено, не будет, и в живых они останутся. На лице Найнив отражались смешанные чувства – искреннее сочувствие и потрясение от ужасных вос-

поминаний о собственных первых неделях в качестве одной из принятых. У Эгвейн, увидевшей, в какое смятие пришла ее подруга, комок встал в горле, и она едва сумела выговорить:

– Нет, мать.

Илэйн хриплым шепотом дала тот же ответ.

– Тогда с этим все. Твоя матушка, Илэйн, совершенно не обрадовалась тому, что ты исчезла.

– Она знает? – пискнула Илэйн.

Лиане фыркнула, а Амерлин сказала, вскинув бровь:

– Едва ли мне удалось бы скрыть от нее твой побег. Вы с ней разминулись меньше чем на месяц, что для тебя, пожалуй, и к лучшему. Этой встречи ты могла бы не пережить. Она настолько разъярилась на тебя, на меня, на Белую Башню, что запросто весло бы перегрызла.

– Могу себе представить, мать, – слабым голосом промолвила Илэйн.

– Не уверена, что можешь, дитя мое. Ты могла пресечь традицию, зародившуюся еще *до основания* Андора. Обычай, что сильнее большинства законов. Отправляясь обратно, Моргейз отказалась взять с собой Элайду. Впервые за все времена у королевы Андора нет при себе советницы Айз Седай. Моргейз потребовала твоего немедленного возвращения в Кэймлин – сразу же, как тебя отыщут. Я убедила ее, что для тебя самой безопаснее будет позаниматься здесь чуть подольше. Кроме того, Моргейз была готова отозвать и двух твоих братьев, проходящих обучение под руководством Стражей. От этого они сами ее отговорили. До сих пор не понимаю как.

Илэйн, казалось, ушла в собственные мысли, наверное представляя себе разгневанную Моргейз. Девушку била дрожь.

– Гавин – мой брат, – отстраненно промолвила она, – а Галад – нет.

– Хватит ребячиться! – одернула ее Амерлин. – Отец у вас один, что делает твоим братом и Галада, нравится он тебе или нет. Девочка, я не позволю тебе как маленькой дурочку валять. Послушнице можно простить толику глупости, но для принятой это недопустимо.

– Да, мать, – угрюмо промолвила Илэйн.

– Королева оставила у Шириам письмо для тебя. В нем, полагаю, помимо выговоров и нелицеприятных слов в твой адрес, она подтверждает свое намерение забрать тебя домой, как только это станет для тебя безопасно. Она уверена, что самое большее через несколько месяцев ты уже будешь в состоянии направлять Силу без риска для жизни.

– Но я хочу продолжить обучение, мать. – В голосе Илэйн вновь зазвенела сталь. – Я хочу стать Айз Седай.

Амерлин улыбнулась, но улыбка ее оказалась еще мрачнее предыдущей.

– Вот и здорово, что ты этого хочешь, дитя мое, потому что я не намерена отдавать тебя Моргейз. С такими способностями ты станешь сильнейшей из всех Айз Седай за последнюю тысячу лет, и я тебя не отпущу, пока ты не заслужишь не только кольцо, но и шаль. Даже если ради этого мне придется сунуть тебя под пресс. *Я тебя не отпущу*. Я ясно выразилась?

– Да, мать. – В голосе Илэйн звучало беспокойство, и Эгвейн не осуждала подругу за неуверенность. Илэйн оказалась между Моргейз и Белой Башней – уподобившись полотенцу, что рвут друг у друга два пса, или все равно что между молотом и наковальней: с одной стороны – королева Андора, с другой – Престол Амерлин. И если раньше Эгвейн и случалось завидовать Илэйн за ее богатство и ожидающий в будущем трон, то в эту минуту зависть ее как истаяла.

– Лиане, проводи Илэйн в кабинет Шириам, – оживившись, произнесла Амерлин. – А этим двоим мне еще надобно сказать несколько слов. И вряд ли, думаю, эти слова доставят им удовольствие.

Эгвейн и Найнив обменялись изумленными взглядами – охватившее обеих беспокойство на мгновение растворило напряженность меж ними.

«Что же такое она хочет нам сказать – нам, но не Илэйн? – недоумевала Эгвейн. – Впрочем, мне все равно, пока она не пытается положить конец моему обучению. Но почему нельзя сказать заодно и Илэйн?»

При упоминании кабинета наставницы послушниц Илэйн поморщилась, но, когда к ней подошла Лиане, горделиво выпрямилась.

– Вы приказываете, мать, – церемонно промолвила девушка и, опускаясь в идеальном реверансе, широко взмахнула юбками, – а я повинуюсь.

И вышла следом за Лиане, высоко вскинув голову.

## Глава 14. Уколы шипов



Разговор Амерлин начала не сразу – прежде она подошла к высоким арочным окнам, заложила за спину руки, крепко переплетя пальцы, и оглядела поверх балкона расположенный внизу сад. Лишь через несколько минут она заговорила, по-прежнему стоя спиной к девушкам.

– Самое худшее я скрыла от огласки, но как долго это продлится? Слугам неизвестно об украденных тер'ангриалах, и смерти с побегом Лиандрин и прочих они не связывают. Нелегко было это устроить. Люди верят, что убийства совершены приспешниками Темного. И ведь так оно и было. Слухи разошлись и по городу. В Башню пробрались эти самые приспешники Темного, убийства – их рук дело. Полностью пресечь слухи нет никакой возможности. Для нашей репутации тут ничего хорошего нет, однако это все же лучше правды. По крайней мере, никто за пределами Башни и лишь немногие в ней самой знают, что Айз Седай были убиты. Друзья Темного в Белой Башне. Тьфу! Я всю свою жизнь отрицала подобное. Я не потерплю их здесь. Я их выужу, выпотрошу и подвешу вялиться на солнце.

Наинив послала Эгвейн растерянный взгляд – впрочем, сама Эгвейн была растеряна вдвое больше – и, набрав в легкие воздуха, заговорила:

– Мать, вы желаете наказать нас еще строже? Сверх того приговора, что уже нам вынесли? Амерлин, обернувшись через плечо, посмотрела на девушек; взгляд ее оставался в тени.

– Наказать строже? Можно сказать и так. Некоторые станут говорить: возвысив, я одарила вас. Сейчас вы почувствуете истинные уколы шипов этой розы.

Она энергичным шагом прошла по комнате напрямик к своему стулу, уселась и затем будто бы вновь утратила свой пыл. Или же ею овладела неуверенность.

При виде растерянной Амерлин желудок Эгвейн свело судорогой. Престол Амерлин всегда являла собой уверенность и спокойную устремленность к известной ей цели. Амерлин представляла воплощением силы. Впрочем, при всей своей грубой силе женщина по другую сторону стола обладала знаниями и опытом, которых с лихвой хватит, чтобы, словно нитку, намотать Эгвейн на катушку. Стать свидетелем столь неожиданных ее колебаний – как у девочки, вынужденной впервые нырнуть вниз головой в пруд и не имеющей ни малейшего понятия, насколько он глубок и что подстерегает на дне, камни или придонная тина, – было страшно; подобная картина выморозила девушку до мозга костей. «Что она имела в виду, говоря об истинных уколах шипов? Свет, как же она намерена обойтись с нами?»

Поглаживая пальцами стоящую перед ней на столе резную черную шкатулку, Амерлин всматривалась в нее так, словно видела сквозь нее нечто далекое.

– Весь вопрос в том, кому я могу доверять, – тихо промолвила она. – Наверное, я все-таки могу довериться хотя бы Лиане и Шириам. Но осмелюсь ли? Или Верин? – Плечи ее затряслись от внезапного и короткого приступа тихого смеха. – Я и так вверила Верин нечто большее, чем свою жизнь, и все же – насколько я могу на нее положиться? Морейн? – Амерлин чуть помолчала. – Я всегда считала, что могу доверять Морейн.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.